Исторія сословій въ Россіи.

Лекціи

I сем. 188 6/7.

Ордин. Проф.

В. О. Ключевскаго.

I.

Предметъ курса.– Понятіе о сословіи. Что такое сословныя права?– Отличіе его отъ привилегіи и служебнаго полномочія.– Раздѣленіе сословныхъ правъ на политическія и гражданскія.– Сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ для сословій.– Раздѣленіе сословныхъ обязанностей на личныя и вещественныя, на прямыя и косвенныя.–

Предметъ предпринимаемаго мною курса – краткій обзоръ исторіи сословій въ Россіи до изданія сословныхъ жалованныхъ грамотъ императрицы Екатерины 1785 г. Я выбираю эти законодательные акты Екатерины конечнымъ предѣломъ своего курса потому, что ими завершилось образованіе русскихъ сословій, начатки котораго кроются въ самомъ возникновеніи древне-русскаго московскаго государства; со времени изданія названныхъ жалованныхъ грамотъ сословный строй русскаго общества, ими закрѣпленный, въ иныхъ частяхъ только подновлялся, а въ другихъ даже разрушался. Чтобы объяснить программу и цѣль курса, я изложу нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній о кругѣ и свойствахъ тѣхъ историческихъ явленій, на которыя будетъ обращено наше изученіе.

<u>Сословіе</u> (ordo или status, фр. état, нѣм. Stand) – терминъ государственнаго права и обозначаетъ извѣстный рядъ политическихъ учрежденій. Сословіями мы называемъ классы, на которые дѣлится общество по правамъ и обязанностямъ. Права даетъ либо утверждаетъ, а обязанности возлагаетъ государственная верховная власть, выражающая свою волю въ законѣ; итакъ, сословное дѣленіе – существенно юридическое, устанавливается закономъ въ отличіе отъ другихъ общественныхъ дѣленій, устанавливаемыхъ условіями экономическими, умственными и нравственными, не говоря о физическихъ. Существеннымъ и наиболѣе осязательнымъ признакомъ сословныхъ дѣленій слу-

жить *различіе правъ, а не обязанностей.* Довольно простаго анализа обоихъ этихъ понятій, чтобы видѣть, что когда рѣчь идетъ о сословномъ различіи обязанностей, то при этомъ разумѣется собственно различіе правъ: обладая различными правами, классы общества могутъ нести одинаковыя государственныя обязанности; но если на нихъ положены не одинаковыя обязанности, то они не могутъ обладать равными правами. Отсутствіе у одного класса правъ, которыми обладаютъ другіе, не увеличиваетъ количества его обязанностей; напротивъ, свобода одного класса отъ обязанности, падающей на другіе, даетъ ему лишнее, хотя и отрицательное право въ сравненіи съ другими. Притомъ государственныя обязанности отличаются неодинаковой тяжестью и, если онѣ раздѣлены между классами, а не падаютъ всѣ одинаково на всѣхъ, то ихъ удѣльный вѣсъ даетъ преимущество менѣе обремененнымъ классамъ, позволяя имъ въ потокѣ юридическихъ отношеній держаться *выше* другихъ. Короче, сословнымъ неравенствомъ правъ не обусловливается неравенство обязанностей; но неодинаковыя обязанности всегда обусловливаютъ неравенство правъ. Значитъ, обязанность есть случайный признакъ сословнаго дѣленія — это объясняется юридическимъ свойствомъ государственной обязанности: цѣль государственнаго союза — защита законно пріобрѣтенныхъ правъ, государственныя обязанности — только средства для этой защиты.

Что такое *сословное право*? Это есть всякое преимущество, даваемое закономъ цѣлому классу общества въ постоянное обладаніе. Составъ такого класса опредѣляется кругомъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, въ зависимость отъ которыхъ законъ ставитъ пріобрѣтеніе и сохраненіе извѣстныхъ преимуществъ. Тѣми признаками, что преимущество дается цѣлому классу общимъ закономъ, сословное право отличается отъ преимущества, даваемаго по особому пожалованію отдѣльному лицу или фамиліи. Такое преимущество наз. *привилегіей.* По Уложенію 1649 г. изъ высшаго купечества въ Московскомъ государствѣ выдѣлялась фамилія солеваровъ Строгановыхъ, носившихъ особое званіе „именитыхъ людей"; по городовой жалованной грамотѣ 1785 г.

званіе „именитыхъ гражданъ" давалось между прочимъ всѣмъ оптовымъ торговцамъ и такимъ капиталистамъ, которые объявляли за собою не меньше 50.000 р. капитала. Преимущества Строгановыхъ были фамильной привилегіей, преимущества „именитыхъ гражданъ" — сословныя права. Тотъ признакъ сословнаго преимущества, что оно дается сословію въ постоянное обладаніе, составляетъ его отличіе отъ служебнаго полномочія. Въ составѣ всякаго государственнаго общества рѣзко выдѣляется своимъ положеніемъ обыкновенно очень значительная масса лицъ, служащихъ органами государственнаго управленія и суда; каждое изъ этихъ лицъ по своей должности обладаетъ извѣстной долей власти, извѣстными правами, какихъ не имѣютъ лица, не состоящія на государственной службѣ. Но эти должностныя права существенно отличаются отъ сословныхъ: съ каждою должностью связана особая степень власти, тогда какъ сословныя права одинаковы для всѣхъ лицъ сословія. 2., Служебныя права суть вмѣстѣ и обязанности, которыми должностное лицо не можетъ не пользоваться, пока занимаетъ должность, тогда какъ сословнымъ правомъ можно не пользоваться, не выходя изъ сословія. 3., Должностныя полномочія даются каждому лицу особо и не могутъ переходить по наслѣдству, тогда какъ сословныя права по существу своему суть потомственныя преимущества и даются всему сословію безъ различія первыхъ пріобрѣтателей и ихъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ обществахъ феодальныхъ нѣкоторыя правительственныя должности составляли наслѣдственную собственность извѣстныхъ аристократическихъ фамилій; тогда онѣ имѣли значеніе фамильныхъ привилегій, но не получали характера сословныхъ правъ. Въ сословныхъ государствахъ сверхъ служебныхъ полномочій, связанныхъ съ должностями, должностныя лица обыкновенно получаютъ еще права, которыя не только не отнимаются у нихъ при отставкѣ, но и переходятъ къ ихъ потомкамъ. Эти права или одинаковы съ правами другихъ сословій, или составляютъ особыя преимущества; въ первомъ случаѣ чиновничество разбивается по другимъ сословіямъ, во второмъ — составляетъ особое сословіе. Такъ по на-

нимъ законамъ чиновникъ, дослужившійся до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника или военный, дослужившійся до чина полковника, становится потомственнымъ дворяниномъ, а лицо, получившее на гражданской или военной службѣ чинъ IX класса или оберъ-офицера, получаетъ званіе личнаго дворянина.

Итакъ сословное право по общему закону, какъ своему источнику, отличается отъ привилегіи, а по потомственности, какъ существенному свойству своего характера, отъ служебнаго положенія. Послѣднему положенію, повидимому, противорѣчитъ одинъ классъ въ составѣ русскаго общества, который носитъ въ сводѣ законовъ сейчасъ упомянутое названіе личныхъ дворянъ (Св. Зак. по изд. 1857 г., IX, ст. 52): по нашимъ законамъ личное дворянство не передается потомству. Но это противорѣчіе заключается не въ самомъ сословномъ законодательствѣ, а только въ сословной терминологіи: личное дворянство собственно не сословіе, т. е. не особый разрядъ дворянства, потому что лишено отличительныхъ дворянскихъ правъ - личные дворяне не входятъ въ составъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, и при крѣпостномъ правѣ не могли владѣть крѣпостными людьми; это не больше, какъ почетное пожизненное званіе, которому усвоенъ титулъ дворянства не по сходству правъ, а по одинаковости способовъ пріобрѣтенія того и другаго званія: какъ личное, такъ и потомственное дворянство пріобрѣтается пожалованіемъ, чинами по службѣ и полученіемъ ордена. Дѣйствительныя права личныхъ дворянъ одинаковы съ состояніемъ такъ называемыхъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ; эти права суть свобода отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности, отъ тѣлесныхъ наказаній и т. д. Поэтому дѣти личныхъ дворянъ по праву рожденія причисляются къ потомственному почетному гражданству. Итакъ личное дворянство есть разрядъ потомственнаго почетнаго гражданства, отличающійся отъ прочихъ разрядовъ этого состоянія только способами пріобрѣтенія соединенныхъ съ нимъ правъ.

Какія бываютъ сословныя права? Ихъ можно раздѣлить на два разряда - на права политическія и права гражданскія: первыми опредѣляется участіе всего сословія въ государственныхъ

дѣлахъ, вторыми — степень правоспособности каждаго лица извѣстнаго сословія въ его частныхъ отношеніяхъ.

Права политическія можно свести въ такой перечень.

I. Участіе въ общемъ государственномъ управленіи. Оно обыкновенно выражается въ законодательной дѣятельности сословныхъ собраній. Государства, гдѣ это участіе предоставлено одному или нѣсколькимъ, но не всѣмъ сословіямъ, принято называть аристократическими; а гдѣ оно распространено на всѣ сословія, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ, такой государственный порядокъ можно назвать сословно-демократическимъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ участіе въ общемъ государственномъ управленіи перестаетъ быть отличительнымъ сословнымъ правомъ и становится достояніемъ всего общества. Чаще бываетъ, что вліяніе на государственное управленіе распредѣляется между сословіями неравномѣрно; тогда и при участіи всѣхъ сословій въ государственномъ управленіи политическій порядокъ не теряетъ аристократическаго характера. То различіе, что иныя сословія принимаютъ прямое участіе въ управленіи, in corpore являясь на законодательное собраніе, а другія присылаютъ только выборныхъ представителей — это различіе касается конституціонной техники, а не государственнаго права; это вопросъ удобства или необходимости, а не вопросъ сословнаго неравенства.

II. Участіе въ мѣстномъ управленіи. Это право обыкновенно соединяется съ первымъ и служитъ ему опорой, но само можетъ дѣйствовать и безъ него. Оно также принимаетъ довольно разнообразныя формы. Гдѣ оно принадлежитъ не всему обществу, тамъ господствующее сословіе завѣдуетъ мѣстными дѣлами и остальнаго населенія. Гдѣ участіе въ мѣстномъ управленіи предоставлено всѣмъ сословіямъ, тамъ оно можетъ имѣть двоякую форму: или каждое сословіе дѣйствуетъ особнякомъ, вѣдая исключительно свои мѣстныя сословныя дѣла, или эта раздѣленная дѣятельность сословій соединяется съ совокупнымъ вѣдѣніемъ или дѣлъ, касающихся всѣхъ сословій. На этомъ послѣднемъ двойственномъ основаніи построено мѣстное самоуправленіе въ современной Россіи, гдѣ рядомъ съ мѣстными сословными

собраніями дворянства, духовенства, городскихъ обывателей и крестьянъ дѣйствуютъ еще всесословныя земскія учрежденія, которымъ предоставлено вѣдать извѣстныя мѣстныя дѣла всѣхъ сословій.

III. *Вотчинное управленіе.* Это право состоитъ въ усвояемой землевладѣльцамъ судебной и полицейской власти надъ обывателями ихъ вотчинъ. Такая власть дается землевладѣльцамъ обыкновенно тамъ, гдѣ землевладѣніе имѣетъ политическое значеніе, гдѣ съ нимъ соединяются особыя государственныя права и оно потому является преимуществомъ одного или нѣсколькихъ сословій. Крѣпостное поземельное право обыкновенно соединялось съ такою властью, но послѣдняя и независимо отъ крѣпостнаго права можетъ быть слѣдствіемъ государственнаго порученія: такъ русскіе землевладѣльцы церковные и служилые въ XV и XVI вв. имѣли такую власть надъ вольными крестьянами, снимавшими у нихъ земли. Точно также вотчинный судъ и полиція не были отняты у остзейскаго дворянства, когда во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка его крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости. Вотчинное управленіе надобно отличать отъ участія въ мѣстномъ управленіи: это послѣднее можетъ находиться въ рукахъ одного сословія, которому между прочимъ принадлежитъ и исключительное право личной земельной собственности; но участія въ мѣстномъ управленіи не лишены и тѣ лица господствующаго сословія, у которыхъ нѣтъ населенныхъ вотчинъ. Это участіе въ мѣстномъ управленіи есть политическое право, принадлежащее всему сословію независимо отъ того, пользуются ли его отдѣльныя лица остальными правами своего сословія или нѣтъ; вотчинное управленіе есть политическое право, принадлежащее только нѣкоторымъ лицамъ господствующаго сословія какъ слѣдствіе дѣйствительнаго пользованія однимъ изъ сословныхъ правъ, притомъ не политическихъ, а гражданскихъ. Поэтому вотчинное управленіе имѣетъ характеръ смѣшаннаго права, частью политическаго, частью гражданскаго.

Гражданскія сословныя права въ свою очередь подраздѣляются на *личныя* и *вещественныя*. Это раздѣленіе вытекаетъ изъ самаго значенія гражданскихъ сословныхъ правъ. Мы сказали,

что ими опредѣляется степень правоспособности отдѣльныхъ лицъ сословія въ ихъ частныхъ отношеніяхъ. Юридическій оборотъ частнаго гражданскаго общежитія слагается изъ двухъ порядковъ отношеній: изъ обязательствъ, т. е. изъ правъ одного лица на дѣйствія другаго, и изъ правъ на вещи, нужныя людямъ.

1.) Отсюда слѣдуетъ, что личными сословными правами опредѣляется признаваемая закономъ за лицами разныхъ сословій степень способности входить въ обязательства. Сословное неравенство этой способности основывается на неодинаковой оцѣнкѣ или неодинаковомъ нравственномъ довѣріи закона къ разнымъ классамъ общества. Эта неодинаковая сословная оцѣнка обнаруживается въ томъ, что законъ различно наказываетъ людей разныхъ сословій за одни и тѣ же преступленія, различно караетъ за обиды, нанесенныя лицамъ разныхъ сословій, даетъ неодинаковую цѣну свидѣтельскимъ показаніямъ лицъ разныхъ сословій на судѣ. Изъ этой неодинаковой оцѣнки сословій закономъ вытекаетъ и неодинаковая ихъ обязательственная правоспособность. Такъ въ обществахъ, раздѣленныхъ на свободные и несвободные классы, лица послѣднихъ обыкновенно лишались свободы вступать въ бракъ, покидать свое мѣстожительство, вообще стѣснялись въ правѣ распоряжаться своею личностью и трудомъ, наниматься на работы, заключать долговые сдѣлки и т. п.

2.) Изъ указаннаго состава гражданскаго оборота слѣдуетъ, что вещественными сословными правами опредѣляется сословная степень имущественной правоспособности; законъ признаетъ за лицами разныхъ сословій право пріобрѣтенія не всѣхъ видовъ собственности и признаетъ не въ одинаковой мѣрѣ право на одни и тѣ же виды пріобрѣтенной собственности. Говоря проще, не всѣ сословія могли пріобрѣтать въ собственность всякое имущество и не всѣ сословія имѣли одинаковое право собственности на пріобрѣтаемыя имущества. Такъ лишь высшему классу предоставлялось право сельской недвижимой собственности, а при крѣпостныхъ отношеніяхъ – право владѣнія крѣпостными людьми. Крѣпостные крестьяне могли пріобрѣтать и движимое имущество только въ неполную, условную собственность. Нако-

нецъ рабы не могли имѣть никакой собственности. Съ сословными различіями въ свободѣ пріобрѣтенія собственности обыкновенно соединяется и сословное неравенство въ свободѣ распоряженія его: однимъ сословіямъ предоставлялось полное право отчужденія собственности во всѣхъ ея видахъ, какъ и право ея передачи по завѣщанію женѣ, нисходящимъ и боковымъ родственникамъ, даже стороннимъ лицамъ; другіе классы пользовались правами отчужденія и завѣщанія въ ограниченныхъ размѣрахъ, напр. могли безусловно отчуждать только движимое имущество, но не могли или были стѣснены въ правѣ отчужденія недвижимости — могли завѣщать имущество только сыновьямъ съ исключеніемъ дочерей, или нисходящимъ съ исключеніемъ боковыхъ родственниковъ.

По самому свойству описанныхъ сословныхъ правъ, политическихъ и гражданскихъ, можно замѣтить, что они дѣйствуютъ неодинаково и имѣютъ различную цѣну для сословій; права политическія осуществляются совокупной или корпоративной дѣятельностью обладающаго ими сословія; права гражданскія приводятся въ дѣйствіе волею и усиліями отдѣльныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ объясняется и сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ правъ для сословій: сословныя гражданскія права приносятъ прямую, осязательную выгоду каждому члену сословія, расширяя или упрочивая его личную свободу и средства матеріальнаго обезпеченія; права политическія, доставляя всему сословію власть и вліяніе на управленіе, имѣютъ интересъ для отдѣльныхъ лицъ не сами по себѣ, а потому, что обыкновенно служатъ средствомъ расширенія и обезпеченія правъ гражданскихъ. Значитъ, гражданскія права для сословій важнѣе политическихъ; они — наиболѣе энергичный мотивъ сословнаго неравенства, настоящая цѣль, къ которой стремятся высшія сословія, добиваясь этого неравенства или отстаивая его. Вотъ почему сословныя гражданскія права могутъ дѣйствовать, даже не соединяясь съ политическими, тогда какъ сословныя политическія преимущества при гражданскомъ равенствѣ теряютъ свой смыслъ, и падаютъ или превращаются въ сословныя повинности. Въ такомъ случаѣ участіе сословія въ управленіи получаетъ

для него значенiе обязательнаго безвозмезднаго содѣйствiя правительству.

Что касается сословныхъ обязанностей, то онѣ, разумѣется, всѣ государственныя, но ихъ можно раздѣлить, во первыхъ, на личныя и вещественныя, во вторыхъ, прямыя и косвенныя. Личная государственная обязанность — это часть личнаго труда, обязательно удѣляемая въ пользу государства; личная государственная обязанность обыкновенно называется повинностью; самая важная изъ повинностей — воинская. Вещественная обязанность — это часть имущества, обязательно удѣляемая въ пользу государства; вещественныя обязанности — налоги или подати. Тѣ и другiя обязанности можно раздѣлить еще на прямыя и косвенныя. Прямыя обязанности — это жертвы, обязательно приносимыя непосредственно государству; косвенныя — это жертвы, обязательно приносимыя лицами извѣстнаго класса не прямо государству, а по порученiю государства лицамъ другихъ классовъ. Такими косвенными сословными обязанностями были связаны при крѣпостномъ правѣ крѣпостные владѣльцы съ крѣпостными людьми по нашему законодательству; для крѣпостныхъ крестьянъ онѣ состояли въ обязательныхъ работахъ и платежахъ въ пользу владѣльца; для крѣпостныхъ владѣльцевъ онѣ состояли въ 1) обязанности по продовольствiю и призрѣнiю крестьянъ; 2., въ отвѣтственности по взносу крестьянами государственныхъ податей и отправленiю ими денежныхъ и натуральныхъ повинностей; 3, въ обязанности ходатайствовать за крестьянъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ и 4., въ отвѣтственности за нихъ во всѣхъ казенныхъ взысканiяхъ, какъ то: штрафахъ, пошлинахъ и проч.

II

Постепенное исчезновеніе сословныхъ различій — общій фактъ европейской исторіи. — Общественный складъ, къ какому стремится современное европейское государство. — Наслѣдственное неравенство передъ закономъ — основаніе сословнаго дѣленія. — Двоякое происхожденіе сословій — политическое и экономическое. —

Сословное неравенство — историческое явленіе, исчезающее почти всюду въ Европѣ; сословныя различія все болѣе сглаживаются въ правѣ, оставляя неодинаково глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ, въ привычкахъ и нравахъ, въ распредѣленіи собственности. Но съ самаго возникновенія ново-европейскихъ государствъ, впродолженіи многихъ вѣковъ, это неравенство было основаніемъ политическаго порядка и даже въ обществахъ, потомъ усвоившихъ вполнѣ демократическій складъ въ первые періоды ихъ политической жизни можно замѣтить слѣды сильныхъ движеній въ сторону аристократическаго неравенства. Но съ XV вѣка на западѣ, гораздо позднѣе на востокѣ Европы, въ нравахъ и законодательствахъ обнаруживается стремленіе къ постепенному уравненію сословій. Тотъ же самый процессъ можно замѣтить и въ государствахъ античной Европы, такъ что его можно признать общимъ и повсемѣстнымъ фактомъ европейской исторіи. Если бы было доказано, что онъ повторялся въ политическихъ союзахъ и другихъ частей свѣта, то этотъ общій фактъ получилъ бы значеніе историческаго закона, который можно было бы выразить въ такой формулѣ: „политическое общежитіе начинается сословнымъ расчлененіемъ общества и продолжается постепеннымъ уравненіемъ сословій."

Хотя этотъ процессъ завершился далеко не вездѣ въ Европѣ, однако достаточно ясно успѣли обозначиться основныя черты того новаго общественнаго склада, какой стремятся принять западно-европейскія государства. Въ прежнихъ сословныхъ обществахъ отдѣльныя лица не имѣли непосредственнаго отношенія къ государству: передъ государствомъ являлись сословныя кор-

порацій и значеніе каждаго лица въ государствѣ опредѣлялось значеніемъ сословія, къ которому лицо принадлежало. Законодательство начало разбивать эти крупные и плотные общественные соединенія на ихъ первичныя составныя частицы — одинокія лица, ставя каждое изъ нихъ въ непосредственное отношеніе къ государству и признавая всѣхъ ихъ одинаково свободными. Но признавая ихъ одинаково свободными, законодательство досихъ не нашло средствъ сдѣлать ихъ равноправными, потому что досихъ не умѣетъ одинаково распредѣлить между ними обязанности. При сословномъ неравенствѣ обязанности распредѣлялись между узкими классами по ихъ политическому значенію и потому наиболѣе обременены были именно низшіе классы, располагавшіе наименьшими средствами матеріальными и другими. — Положивъ въ основу государственнаго порядка безсословное равенство, необходимо было и развѣрстку обязанностей перенести на новыя основанія; такимъ основаніемъ стало правило: „<u>государство требуетъ съ каждаго въ мѣру того, что даетъ ему</u>.“ Потребность въ личной безопасности у всѣхъ одинакова; потому самая тяжкая личная обязанность, воинская повинность, положена на всѣхъ, способныхъ нести ее. Нельзя было также поступить съ обязанностями вещественными. Потребность въ имущественной безопасности не у всѣхъ одинакова. Милліонеръ, разбросавшій свои имѣнія по всѣмъ угламъ государства и ведущій огромныя промышленныя дѣла, гораздо болѣе задаетъ работы правительственнымъ учрежденіямъ, охраняющимъ имущественную безопасность, чѣмъ рабочій, живущій поденнымъ заработкомъ; но по этому же самому милліонеръ гораздо болѣе поденщика заинтересованъ въ дѣлахъ государства, въ исправномъ дѣйствіи его охранительныхъ учрежденій. Такимъ образомъ вещественныя тягости должны падать на лица сообразно съ потребностью каждаго въ имущественной безопасности, а степень этой потребности соотвѣтствуетъ его имущественной состоятельности. Таковъ смыслъ подоходнаго налога, пріобрѣтающаго все большее господство въ финансовой системѣ Европы. Значитъ, государственная обязанность изъ обязательной жертвы, приносимой одними классами въ пользу

другихъ, превращается въ плату лица государству за услуги, какими первое пользуется отъ послѣдняго. Но съ другой стороны, и участіе въ государственныхъ дѣлахъ соразмѣряется съ тяжестью государственныхъ обязанностей, падающихъ на каждое лицо и, слѣдовательно, со степенью его интереса въ этихъ дѣлахъ; это участіе выражается въ народномъ представительствѣ. Воинская повинность падаетъ на всѣхъ гражданъ въ возрастѣ, способномъ нести ее, потому всѣ граждане участвуютъ въ выборѣ народныхъ представителей. Но они участвуютъ въ немъ неодинаково: посредствомъ извѣстнаго сочетанія подоходнаго налога съ избирательной системой плательщики больше имѣютъ и болѣе вѣскій избирательный голосъ. Такимъ образомъ политическій порядокъ, къ какому идетъ современное западно-европейское государство, строится на сложномъ сочетаніи государственныхъ правъ и обязанностей, между которыми примиряющимъ посредникомъ служитъ не сословный, а личный политическій интересъ. Этотъ порядокъ можно представить въ такой схемѣ. Первичнымъ составнымъ элементомъ его служитъ одинокое и свободное лицо, несущее государственныя тягости въ мѣру своей потребности въ тѣхъ личныхъ и имущественныхъ обезпеченіяхъ, какія даетъ государство, и участвующее въ управленіи въ мѣру тягостей, какія оно несетъ въ пользу государства. Самый порядокъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рядовъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ обязанности, а другой — соотвѣтствующія имъ права. Вотъ оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосованіе; подоходный налогъ и личное представительство, разверстанное по числу правоспособныхъ лицъ и по количеству платимыхъ ими налоговъ. Благодаря такому сочетанію, современныя европейскія государства представляютъ сложный механическій приборъ, построенный на юридической и экономической схемѣ, который, соединяя въ одно цѣлое одинокія, рабочія лица, своей тяжелой дѣятельностью вырабатываетъ имъ благо, носящее на языкѣ западной Европы названіе *политической свободы*.

Итакъ, современное безсословное государство достигаетъ политической свободы, но оно не достигаетъ политическаго равенства.

Однако это неравенство отличается отъ сословнаго въ двухъ отношеніяхъ. 1) Сословныя общества отличаются рѣзкимъ разграниченіемъ правъ и обязанностей; наиболѣе чистые типы такого общества стремились сосредоточить всѣ права въ однихъ классахъ, всѣ обязанности — въ другихъ. Въ современномъ государствѣ всѣ уравнены въ <u>гражданскихъ</u> правахъ и <u>личныхъ</u> обязанностяхъ, но различаются <u>политическими</u> правами и <u>вещественными</u> обязанностями. 2) Неравенство въ современномъ государствѣ есть неравенство лицъ, а не классовъ; въ сословныхъ государствахъ различались передъ закономъ цѣлыя сословія, но отдѣльныя лица одного сословія признавались равными между собою по правамъ и обязанностямъ. Въ современномъ государствѣ каждое лицо есть своего рода сословіе. Общество раздроблено на мельчайшія пылинки; сравнительная величина которыхъ трудно уловима невооруженнымъ глазомъ и доступна только микроскопическимъ наблюденіямъ статистики да министерства финансовъ, распредѣляющаго налоги. Эта политическая пульверизація общества есть слѣдствіе отмѣны потомственности правъ и обязанностей, на которой держалось сословное строеніе. Благодаря этому политическая группировка лицъ въ современномъ государствѣ поставлена въ зависимость отъ ихъ имущественнаго положенія, т. е. предоставлена игрѣ случая и борьбѣ индивидуальныхъ силъ. Политическое положеніе лица въ современномъ государствѣ можетъ представлять непрерывное кочеваніе по разнымъ политическимъ группамъ, смотря по его успѣхамъ или неудачамъ въ экономической борьбѣ, измѣняющимъ его имущественное положеніе, тогда какъ въ сословномъ государствѣ политическое положеніе лица опредѣлялось его сословнымъ происхожденіемъ, а не измѣнчивымъ имущественнымъ положеніемъ, генеалогіей, а не цензомъ. Это сопоставленіе новаго складывающагося типа безсословнаго государства съ исчезающимъ сословнымъ, приводитъ къ тому заключенію, что основаніемъ сословнаго дѣленія служитъ <u>наслѣдственное неравенство цѣлыхъ классовъ въ правахъ и обязанностяхъ</u>, а не распредѣленіе тѣхъ и другихъ по измѣнчивымъ личнымъ состояніямъ, какъ въ современномъ безсословномъ государствѣ.

Если сословное неравенство есть временное состояние общества, въ жизни которыхъ бывали времена, когда сословій еще не было, и наступаетъ время, когда ихъ уже не бываетъ, то спрашивается какъ и при какихъ условіяхъ возникаетъ сословное неравенство, вслѣдствіе чего общества разбиваются на классы съ неравнымъ распредѣленіемъ между ними правъ и обязанностей? Сословное неравенство возникало двоякимъ путемъ. Иногда источникомъ его бывало экономическое дѣленіе общества въ моментъ образованія государства. Тогда общество дѣлилось на классы сообразно съ раздѣленіемъ народнаго труда: классы различались между собою родомъ труда или родомъ капитала, которымъ работалъ каждый классъ и сравнительное значеніе каждаго общественнаго класса опредѣлялось цѣной, которую имѣлъ тотъ или другой родъ труда, тотъ или другой капиталъ въ народномъ хозяйствѣ извѣстнаго времени или мѣста. Но бывалъ и другой порядокъ явленій. Общество подчинялось вооруженной силѣ, вторгнувшейся со стороны или образовавшейся въ немъ самомъ, которая захватывала распоряженіе народнымъ трудомъ. Такой силой бывало или чуждое пришлое племя, или особый классъ, сложившійся въ самомъ обществѣ для его защиты и потомъ завоевавшій защищаемое общество. Въ томъ и другомъ случаѣ общества слѣдовали въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи совершенно различными путями; укажемъ сначала путь, какимъ шли общества во второмъ случаѣ. Вооруженная сила, своя туземная или пришлая, захвативъ распоряженіе народнымъ трудомъ, стремилась стать властью, чтобы мирно пользоваться плодами захвата. Для обезпеченія постояннаго пользованія захваченными экономическими выгодами она не имѣла нужды заботиться о новомъ устройствѣ народнаго хозяйства: она насильственно вторглась въ уже сложившійся экономическій порядокъ, съ оружіемъ въ рукахъ стала у готоваго хозяйственнаго механизма; ей не было нужды вновь заводить хозяйство въ захваченной странѣ. Захвативъ въ свои руки господствующій капиталъ, эта сила только старалась обезпечить себѣ послушное дѣйствіе рабочихъ рукъ, приставленныхъ къ готовому хозяйственному механизму; но чтобы обезпечить себѣ спокойное

обладаніе захваченными выгодами, сила, ставъ властью, стремилась создать извѣстный государственный порядокъ, помощью котораго она, ставъ его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народнымъ трудомъ, не прибѣгая постоянно къ первоначальному своему средству дѣйствія — къ оружію. Вотъ почему всѣ заботы этой силы обращались на государственное устройство, на выработку системы законодательства, на приспособленную къ цѣли организацію сословій, на соотвѣтствующее устройство правительственныхъ учрежденій. Вопросы права государственнаго и гражданскаго, отношеніе къ верховной власти, отношенія господствующей силы къ другимъ классамъ, составляли главныя явленія жизни въ такомъ обществѣ. Благодаря тому жизнь общества получала, такъ сказать, боевой характеръ: борьба вооруженная смѣнялась борьбой политической; оружіе утомлялось въ своей дѣятельности и передавало свое дѣло закону и работа обѣихъ этихъ силъ, оружія и закона, направлялась къ одной цѣли — къ упроченію обладанія властью, а властью дорожили, потому что она доставляла обладаніе народнымъ трудомъ. Подъ вліяніемъ этой борьбы всѣ отношенія обострялись, классы и учрежденія получали рѣзкія очертанія. Сообразно съ этимъ и общество усвояло особую физіономію. Все оно складывалось изъ двухъ основныхъ элементовъ: съ одной стороны стоялъ побѣдитель-господинъ, съ другой — плѣнникъ-холопъ. Все общество стремилось раздѣлиться на два рѣзко разграниченныхъ класса, изъ которыхъ одинъ старался усвоить себѣ всѣ права, навязывая другому всѣ обязанности. Съ великими усиліями складывались и пробивались промежуточные классы, которые отрывали себѣ частички правъ высшаго сословія, платя за нихъ частичками обязанностей низшаго. Таковъ складъ, усвоенный обществами, которыя создавались завоеваніемъ.

Инымъ путемъ слагались общества, гдѣ не вооруженная сила, захвативъ господствующій въ странѣ капиталъ, становилась властью и распорядительницей народнаго труда, а наоборотъ господствующій капиталъ страны, овладѣвъ народнымъ трудомъ, создавалъ изъ него власть. Господствующій капиталъ,

движимый или недвижимый, смотря по хозяйственнымъ условіямъ страны, становился источникомъ власти; его операціи соединялись съ политическими и гражданскими правами; экономическіе классы превращались въ политическія состоянія. Такъ какъ въ этомъ случаѣ вліяніе на общество пріобрѣталось не силой оружія, гнетомъ капитала, который не утомляется, какъ оружіе, а требуетъ постоянной дѣятельности для своего сохраненія и роста, то классу, владѣвшему капиталомъ, не было нужды торопиться созданіемъ новаго государственнаго порядка, который бы обезпечилъ его господство. Господство его обезпечивалось не политическими средствами, не хартіями и учрежденіями, а экономическими отношеніями. Въ такихъ обществахъ не было нужды закабаливать рабочихъ: люди сами отдавались тѣмъ, въ чьихъ рукахъ скоплялся капиталъ, кто давалъ имъ хлѣбъ, т.е. средство для работы. Все вниманіе господствующаго класса обращалось на устройство народнаго хозяйства, на расширеніе простора для дѣятельности капитала, на пріемы и средства эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны, на открытіе и удержаніе рынковъ сбыта. Поэтому вопросы права и государственнаго устройства становились на второмъ планѣ и юридическія отношенія не получали достаточной выработки и опредѣленности. Общество въ этомъ случаѣ слагалось изъ двухъ главныхъ элементовъ: съ одной стороны стоялъ капиталистъ-заимодавецъ, съ другой — рабочій-должникъ. Но такъ какъ политическое значеніе распредѣлялось по экономическимъ состояніямъ, которыя чрезвычайно разнообразны и измѣнчивы, то общество получало очень дробное дѣленіе и чѣмъ оно было дробнѣе, тѣмъ слабѣе было неравенство правъ и обязанностей, которыми различались между собою его классы.

Итакъ сословія имѣли двоякое происхожденіе — политическое и экономическое. Сословное дѣленіе общества начиналось либо насильственнымъ порабощеніемъ его вооруженной силой, либо добровольнымъ политическимъ подчиненіемъ его классу, достигнувшему хозяйственнаго господства въ странѣ. Это порабощеніе или это подчиненіе устанавливало государственный порядокъ, сосредоточивало власть надъ обществомъ въ одномъ клас-

съ. Слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ сословное дѣленіе одинаково выходило изъ политическаго акта, но источникъ сословнаго неравенства въ томъ и другомъ случаѣ былъ неодинаковъ. Въ первомъ случаѣ права и обязанности неравномѣрно распредѣлялись по праву силы между властителями и подвластными, во второмъ — по экономическому вѣсу между капиталистами и рабочими. Значитъ, источникомъ сословнаго неравенства въ первомъ случаѣ было различіе _политическихъ положеній,_ созданныхъ порабощеніемъ общества однимъ классомъ, во второмъ — различіе _экономическихъ состояній,_ образовавшихся еще до политическаго подчиненія общества одному классу. То и другое происхожденіе сословій имѣло неодинаковое дѣйствіе на характеръ сословнаго дѣленія: при политическомъ происхожденіи сословій общество стремилось распасться на немногія крупныя части, раздѣленныя рѣзкимъ неравенствомъ правъ и обязанностей; тогда какъ сословное дѣленіе, построенное на неравенствѣ экономическихъ состояній, отличалось большей дробностью частей и меньшей рѣзкостью сословныхъ различій. Этотъ неодинаковый процессъ сословнаго расчлененія можно обозначить такимъ общимъ положеніемъ: _чѣмъ рѣзче сословное неравенство, тѣмъ проще сословное дѣленіе и наоборотъ: чѣмъ слабѣе сословное неравенство, тѣмъ сложнѣе, т. е. дробнѣе сословное дѣленіе._

III.

Формула, выражающая ходъ уравненія сословій. — Мѣсто сословнаго государства въ ряду преемственно смѣнявшихся общественныхъ союзовъ. — Вліяніе сословнаго дѣленія на политическій порядокъ. — Историческіе процессы, открывающіеся въ исторіи сословій. — Памятники права, какъ единственные надежные источники исторіи сословій. —

Положеніе, сейчасъ высказанное мною объ отношеніи сословнаго неравенства къ дробности сословнаго дѣленія слѣдуетъ сопоставить съ другимъ общимъ фактомъ, который мы замѣтили, обратившись къ изученію сословнаго строенія общества. — Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что сословное разъединеніе не

было устойчивымъ состоянiемъ общества; что имъ отличались вообще первые перiоды политическаго общежитiя; но достигнувъ извѣстнаго напряженiя, оно смѣнялось стремленiемъ къ сближенiю и уравненiю сословiй. Понятно, что это стремленiе обнаруживалось раньше и шло быстрѣе тамъ, гдѣ сословiя съ самаго своего возникновенiя стояли ближе другъ къ другу и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сословное дѣленiе было дробнѣе. Такъ какъ степень взаимнаго отчужденiя сословiй и ихъ дробности обусловливается ихъ происхожденiемъ, то отсюда слѣдуетъ, что то или другое ихъ происхожденiе оказывало дѣйствiе не только на характеръ, но и на продолжительность сословнаго склада общества. Извѣстно, съ какимъ упорствомъ въ государствахъ, образовавшихся путемъ завоеванiя, сословныя различiя держались не только противъ уравнительныхъ идей, но и противъ открытыхъ нападенiй низшихъ классовъ на преимущества высшихъ. Изъ сопоставленiя обоихъ указанныхъ положенiй можно вывести слѣдующее третье: уравненiе сословiй идетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ проще сословное дѣленiе и чѣмъ рѣзче сословное неравенство. Иначе говоря: скорость сословнаго уравненiя находится въ прямомъ отношенiи къ сложности сословнаго дѣленiя и въ обратномъ отношенiи къ степени сословнаго неравенства.

Этими тремя положенiями и обозначается ходъ сословнаго строенiя общества. Политическое общежитiе, повторяю, обыкновенно начиналось установленiемъ сословнаго неравенства и продолжалось уравненiемъ сословiй, а успѣхъ этого уравненiя зависѣлъ отъ большей или меньшей дробности сословнаго дѣленiя и отъ степени сословнаго неравенства. Теперь разсмотримъ внутреннiя условiя сословнаго строенiя, чтобы видѣть, какiя силы управляли его ходомъ. Это поможетъ намъ опредѣлить влiянiе сословнаго склада на государственный порядокъ.

Чтобы замѣтить эти условiя и силы, надобно припомнить, какое мѣсто занимаетъ сословное государство въ ряду преемственно смѣнявшихся общественныхъ союзовъ. Политическому общежитiю, основанному на цѣляхъ общаго блага, предшествовали, какъ извѣстно, естественные союзы, завязанные кровнымъ родствомъ. Въ этихъ союзахъ не было равенства, но не было и сосло-

вій; ихъ мѣсто занимали <u>возрасты</u>: старшіе составляли правящій классъ, младшіе — управляемое общество. Въ современныхъ государствахъ тоже нѣтъ равенства и тоже нѣтъ сословій; ихъ мѣсто занимаютъ измѣнчивыя экономическія <u>состоянія</u>. Наиболѣе платящіе государству, т. е. наиболѣе состоятельные, прямо или косвенно руководятъ дѣлами государства; а наименѣе состоятельные волей-неволей подчиняются этому руководству. Можетъ быть, и капиталъ утратитъ политическій вѣсъ, уступивъ свое мѣсто другой силѣ, напр. наукѣ, знанію; по крайней мѣрѣ о возможности управлять обществомъ посредствомъ этой силы давно мечтали многіе, мечтаютъ и теперь. Въ государственномъ механизмѣ, который будетъ приводиться въ движеніе этой силой, также не будетъ ни равенства, ни сословій; ихъ мѣсто займутъ <u>ученыя степени</u> и въ законодательныхъ собраніяхъ депутаты съ цензомъ очистятъ скамьи для делегатовъ ученыхъ обществъ съ дипломами. Каждый изъ этихъ трехъ политическихъ порядковъ построенъ по типу мелкаго частнаго союза, который, очевидно, могъ или получить въ общежитіи господствующее значеніе въ моментъ построенія соотвѣтствующаго ему порядка. Въ кровномъ союзѣ отношенія классовъ, т. е. возрастовъ, сняты, очевидно, съ отношеній поколѣній въ семьѣ, т. е. отца, сына и внуковъ. Прототипомъ современнаго государства ценза, очевидно, служитъ акціонерная компанія: здѣсь политическій вѣсъ лицъ зависитъ отъ количества голосовъ, а количество голосовъ, какъ въ акціонерной компаніи, опредѣляется количествомъ акцій. Будущее государство знанія, науки, устроится по образцу школы съ раздѣленіемъ на учениковъ и учителей и съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на старшихъ и младшихъ. Въ каждомъ союзѣ порядокъ приводится въ движеніе особой силой; въ кровномъ такой силой служитъ власть родителей или старшихъ, во второмъ — сила капитала, въ третьемъ — авторитетъ знанія. По какому типу построено сословное государство и какая сила двигаетъ въ немъ отношеніями? Въ немъ легко замѣтить двѣ особенности: 1) наслѣдственность сословныхъ правъ и 2) различіе занятій, обусловливаемое различіемъ наслѣдственныхъ правъ. Наслѣдственность правъ есть

юридическій принципъ, выработанный въ кровномъ союзѣ: согласно съ общимъ началомъ этого союза, по которому всѣ отношенія опредѣляются происхожденіемъ, т.е. становятся наслѣдственными, и права, разъ пріобрѣтенныя, переходятъ къ потомству пріобрѣтателя. Эта идея особенно ясно сказывается въ преимуществахъ линіи старшаго сына, какія замѣчаемъ въ кельтскихъ кланахъ. Значитъ, сословное государство — ближайшій преемникъ родственнаго союза. Вотъ его историческій возрастъ, мѣсто въ процессѣ развитія людскаго общежитія. Наличіе сословій по занятіямъ указываетъ на моментъ экономическаго развитія, съ которымъ совпадало возникновеніе сословнаго государства. Кровные родственные союзы, соединяясь, складывались въ искусственные государственныя общества въ то время, когда начиналось раздѣленіе труда, когда кровные союзы переставали дѣлать сами все имъ нужное и начиналась спеціализація занятій. Легко понять, что возникшая отсюда необходимость хозяйственнаго обмѣна между кровными союзами и была причиной искусственнаго соединенія этихъ союзовъ въ государство. Итакъ, наслѣдственность сословныхъ правъ указываетъ на генетическую связь сословнаго государства съ родовымъ союзомъ, а сословное раздѣленіе занятій есть то новое начало, которое было причиной соединенія родовыхъ союзовъ въ государство.

Согласно съ этимъ началомъ люди въ государствѣ должны были привыкать къ связямъ, которыхъ не знали прежде. Въ кровныхъ союзахъ соотечественниками считались родственники; принадлежность къ союзу разсматривалась какъ неизмѣнное опредѣленіе судьбы, переходъ въ другіе союзы былъ немыслимъ какъ физическая невозможность, какъ перемѣна пола. Съ образованіемъ государства родственный кругъ разбивался по мѣсту жительства, по занятіямъ, по общественнымъ состояніямъ, забывая своего общаго предка. Этимъ начинался новый подборъ людей: своихъ и чужихъ начинали различать не по генеалогическимъ воспоминаніямъ, а по сходству занятій и состояній, правъ и обязанностей по отношеніямъ не къ общему предку, а къ общему государю. Сходство цѣлей, понятій, нравовъ, правъ

и обязанностей, разнообразных житейских отношений рождало новую имущественную связь между людьми — сословный интерес, становившийся на место чувства кровного родства. Эта новая кристаллизація общества сильно дѣйствовала на законодательство. Задача закона — примирять частные интересы съ общими, на которыхъ держится государственный союзъ. Мелкіе частные интересы, обобщаясь путемъ сдѣлокъ или разъединяясь взаимной борьбой, соединяли отдѣльныя лица въ крупныя группы или разбивали уже образовавшіяся общественныя соединенія на мелкія части. Сообразуясь съ ходомъ этого подбора, законодательство или создавало изъ однородныхъ мелкихъ классовъ крупныя сословія, или крупныя сословія дѣлило на мелкіе классы, обобщая или дробя разверстываемыя между ними права и обязанности. Отъ этой законодательной расстановки зависѣло и положеніе государственной власти. Если общество распадалось на мелкія части, которыя никакъ не могли сложиться въ крупныя, плотныя сословія, власть насильственно соединяла ихъ для совокупной дѣятельности во имя общихъ интересовъ. Если въ обществѣ сильно сознаніе этихъ интересовъ, его части по-своимъ повинуются объединяющей ихъ власти, потому что не могутъ ни соединиться всѣ дружно противъ нея по взаимному антагонизму, ни подчиниться одной изъ частей по слабости каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ рознь и дробность общественныхъ группъ ведетъ къ усиленію государственной власти, къ развитію политической централизаціи. Иной рядъ отношеній устанавливался, когда общество дѣлилось на крупные классы. Государственная власть или пользовалась содѣйствіемъ всѣхъ ихъ, если они дѣйствовали согласно, или опиралась на одинъ изъ нихъ, чтобы подчинить себѣ другіе, если они были во враждѣ другъ съ другомъ. Въ обоихъ случаяхъ государственная власть принуждена была дѣлиться своими полномочіями съ сословіями, но государственный порядокъ устраивался неодинаково: въ первомъ случаѣ, при единодушіи сословій, сословные интересы становились общими интересами государства, во второмъ — интересы одного сословія торжествовали надъ общими интересами государства и дѣлали

государственную власть своимъ орудіемъ. Въ средневѣковой Европѣ три сословія, призывавшіяся къ участію въ государственномъ управленіи — духовенство, дворянство и буржуазія — представляли особыя государства, между которыми съ прихотливой чересполосицей подѣлены были государственная территорія и работавшее на ней низшее населеніе, такъ что средневѣковое западно-европейское государство можно назвать федераціей трехъ сословныхъ государствъ, соединенныхъ въ лицѣ короля только династической связью. Это отношеніе сословныхъ дѣленій къ политическому порядку можно выразить въ такомъ положеніи: верховная власть въ сословномъ государствѣ тѣмъ больше подчиняется сословіямъ, чѣмъ ихъ меньше и чѣмъ рѣзче они раздѣлены; иначе говоря: сила давленія сословныхъ интересовъ на общіе находится въ обратномъ отношеніи къ дробности сословныхъ дѣленій.

Отсюда можно видѣть, что даетъ намъ, т.е. какіе историческіе процессы вскрываетъ исторія сословій. Изъ исторіи образованія сословій мы узнаемъ, какъ борются между собою частные интересы, какъ въ этой борьбѣ изъ частныхъ интересовъ вырабатывается путемъ обобщенія и примиренія сознаніе общихъ интересовъ, или какъ послѣдніе терпятъ крушеніе, распадаясь на частные. Другой процессъ вскрывается въ исторіи разрушенія сословій. Чѣмъ плотнѣе и замкнутѣе сословіе, тѣмъ сильнѣе стѣсняетъ оно отдѣльныя лица своими требованіями, понятіями и нравами, сковывая личную свободу. Чѣмъ крупнѣе сословныя группы и чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣлены между ними права и обязанности, тѣмъ труднѣе переходъ изъ одного сословія въ другое, тѣмъ больше стѣснено лицо въ выборѣ жизненныхъ путей, тѣмъ больше оно поглощено сословными интересами и тѣмъ труднѣе дается ему сознаніе интересовъ общихъ. Поэтому уравненіе сословій есть одновременное торжество и общаго государственнаго интереса, и личной свободы. Значитъ, исторія сословій вскрываетъ намъ два наиболѣе скрытые и тѣсно связанные другъ съ другомъ историческіе процесса: движеніе сознанія общихъ интересовъ и высвобожденіе личности изъ-подъ сословнаго гнета во имя общаго интереса.

И только въ памятникахъ сословнаго законодательства можно уловить оба эти великіе и глубоко скрытые историческіе процесса. Напрасно будемъ искать ихъ вѣрнаго отраженія въ произведеніяхъ литературы и искусства; эти произведенія — плоды индивидуальнаго сознанія, а въ индивидуальномъ сознаніи явленія общественной жизни, отражаясь, преломляются подъ извѣстнымъ угломъ и историческая критика доселѣ не нашла надежнаго способа точно измѣрять этотъ уголъ преломленія. Факты общественной жизни въ сознаніи наблюдателя становятся идеями, т. е. перестаютъ быть фактами и возвращаются въ рядъ послѣднихъ, когда облекаются въ законодательныя постановленія. Общество, какъ живое и мыслящее существо, говоритъ своимъ особымъ языкомъ, непохожимъ на тотъ, какимъ выражается индивидуальный умъ. Послѣдній выражаетъ свои идеи логическими понятіями или художественными образами, а первое говоритъ юридическими нормами; поэтому вы не удивитесь методологическому правилу, которымъ я закончу предварительныя замѣчанія свои о цѣли и пріемахъ историческаго изученія сословій и которое вмѣстѣ съ тѣмъ объяснитъ вамъ, почему я въ исторіи сословій въ Россіи буду опираться только на ограниченный запасъ источниковъ: общество сословное или безсословное надобно изучать не въ кабинетѣ литератора и не въ мастерской художника, а въ законодательномъ совѣтѣ и судебной камерѣ. Я знаю только одно мѣсто, гдѣ встрѣчаются и объединяются оба эти процесса, изъ которыхъ собственно и слагается вся исторія, — и работа индивидуальнаго ума, и движеніе общественнаго сознанія; это мѣсто — университетская аудиторія.

Изложивъ эти общія соображенія, которыя послужатъ намъ руководствомъ при изученіи исторіи сословій въ Россіи, перейдемъ къ самому предмету изученія.

IV.

Скудость литературы по исторіи сословій въ Россіи. – Постановка изученія нашей исторіи въ 30^{хъ} и 40^{хъ} годахъ, какъ одна изъ причинъ этой скудости. – Перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи русскихъ сословій. – Пробужденіе интереса къ исторіи русскаго общества въ 50^{хъ} годахъ и связь его съ реформами минувшаго царствованія. – Научный интересъ историческаго изученія русскихъ сословій. – Общая характеристика сословнаго процесса въ Россіи сравнительно съ западно-европейскимъ. – Изменчивость и разнообразіе основаній сословнаго дѣленія русскаго общества. – Періоды исторіи русскихъ сословій.

Изученіе исторіи сословій въ Россіи я долженъ начать короткимъ очеркомъ того состоянія, въ какомъ находится въ нашей литературѣ изученіе этого вопроса. Литература по исторіи сословій въ Россіи является едва ли не самымъ юнымъ отдѣломъ въ составѣ молодой русской исторической литературы. Главной причиной этой запоздалости исторіи русскаго общества надобно считать постановку дѣла изученія отечественной исторіи. Послѣ Карамзина въ нашей исторической литературѣ образовались два направленія, которыя, какъ серьезно и напрасно думали сторонники того и другаго, существенно отличались другъ отъ друга, даже исключали одно другое. Одно изъ этихъ направленій обращало преимущественное вниманіе на исторію государства, другое – на исторію общества. Изслѣдователи этого втораго направленія, впрочемъ, изучали не столько процессъ сословнаго расчлененія русскаго общества, сколько бытъ народа вообще. Народъ – вотъ что составляло предметъ историческихъ изысканій цѣлаго ряда ученыхъ и даровитыхъ изслѣдователей и что они считали единственнымъ предметомъ, достойнымъ историческаго изученія. Терминъ „народъ“ покрывалъ собою общество, а подъ народомъ разумѣли преимущественно или исключительно простонародье. Въ литературѣ 30^{хъ} и 40^{хъ} годовъ образовалась даже цѣлая исто-

рическая теорія, которая довольно складно построяла всю исторію Россіи не столько на ея дѣйствительныхъ процессахъ, сколько на діалектическомъ развитіи понятія о народѣ, т. е. того значенія, какое придавалось этому понятію. Люди, державшіеся этой теоріи, конечно, не могли не знать, что и въ нашей исторической жизни дѣйствовали общественныя стихіи, которыя никакъ нельзя было бы подвести подъ такое понятіе о народѣ, что и у насъ изъ такъ называемой массы выдѣлились и дѣйствовали на ея поверхности высшіе классы. Изъ затрудненія, въ какое ставились изслѣдователи этимъ противорѣчіемъ, они старались выпутаться двоякимъ путемъ. Они или утверждали, что высшіе классы, выдѣляясь изъ народа политически и экономически, какъ это было въ древней Руси, не отрывались отъ него нравственно, жили одной съ нимъ жизнью, проникались одинаковымъ духомъ; или же изслѣдователи увѣряли, что высшія сословія, отрываясь отъ народа, какъ это пошло со времени Петра, становились противъ народа, являлись отщепенцами, которые измѣняли народнымъ началамъ и, какъ измѣнники, переставали принадлежать народу, становились чуждымъ фактомъ для его исторіи. При такомъ взглядѣ на общественное расчлененіе высшіе классы являлись наростомъ на народномъ тѣлѣ, вреднымъ въ практическомъ отношеніи и безполезнымъ въ научномъ. Такимъ образомъ исторія общественныхъ классовъ превращалась въ назидательную или обличительную повѣсть объ отношеніяхъ общественнаго верха къ общественному низу, о спасительномъ единодушіи обѣихъ общественныхъ половинъ или о гибельномъ ихъ антагонизмѣ, причемъ честь единодушія всецѣло падала на народъ, а отвѣтственность за антагонизмъ возлагалась на высшіе классы. Соотвѣтственно такому взгляду главными источниками изученія исторіи общества выбирались не памятники права, а либо преданія о массовыхъ, бунтовыхъ движеніяхъ народа, либо жалобы древне-русскихъ публицистовъ на неправды высшихъ сословій по отношенію къ народу. Въ такомъ взглядѣ, если выкинуть изъ него излишнее обиліе общихъ мѣстъ и положеній, останется много погрѣшностей и прежде всего погрѣшность физіологическая. Наростъ, хотя и наростъ, остается орга-

ническoй частью живаго существа, которая принимаетъ участіе въ жизни организма и даже иногда болѣе сильное, чѣмъ нормальная часть организма. Онъ вытягиваетъ соки изъ организма и смотря по состоянію послѣдняго, либо истощаетъ его, либо освобождаетъ отъ вредныхъ соковъ. Притомъ въ этомъ взглядѣ было много несообразностей. Высшіе классы представлялись какъ измѣнники народнымъ началамъ, враги народа; на ихъ отчужденіе отъ родного народа относили даже цѣлый, небывалый періодъ нашей исторіи, начавшійся дѣятельностью Петра, и весь смыслъ этого періода полагали въ нравственномъ отчужденіи высшихъ классовъ отъ родной массы. Добрые люди, державшіеся этого направленія, сами того не замѣчая, вносили даже анархическую тенденцію въ свои изслѣдованія; они подобно царю Ив. Вас. Грозному безразлично клали опалу на всѣ высшіе классы, а о простомъ народѣ говорили, что на него гнѣва и опалы нѣтъ. Эта, если можно такъ выразиться, деманія или аристофобія доходила даже до нарушенія лояльности, до политической обиды высшимъ классамъ. Вѣдь послѣдніе не тайкомъ прокрадывались въ наше общество, а существовали съ вѣдома и разрѣшенія законной верховной власти и ихъ законныя права и положеніе въ государствѣ чрезвычайно точно опредѣлены въ IX т. Свода Законовъ.

Серьезный интересъ къ историческому изученію русскихъ сословій былъ пробужденъ не раньше или немного раньше 50х годовъ текущаго столѣтія и всего болѣе возбужденъ былъ этотъ интересъ покойнымъ Соловьевымъ. Его старшіе ученики работали въ указанномъ имъ направленіи и развивали его мысли въ цѣломъ рядѣ дѣльныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдованій. Отзвукъ этого новаго пробуждающагося интереса слышенъ какъ въ пространной исторіи Соловьева, такъ и въ его отдѣльныхъ статьяхъ. Въ „Исторіи Россіи" Соловьевъ или изслѣдуетъ обстоятельно, или лишь общими чертами отмѣчаетъ ходъ сословнаго расчлененія русскаго общества всюду, гдѣ этотъ ходъ становится уловимъ, и что еще важнѣе, этотъ процессъ поставленъ у него въ связь съ условіями, дѣйствовавшими не только въ политической, но по временамъ и въ экономической жизни народа. Живость, съ какой

бывъ пробужденъ этотъ интересъ, вы почувствуете, читая напр. „Историческія письма", одно изъ наиболѣе блестящихъ произведеній Соловьева, появившееся въ 1858 г. Въ свое время эти письма читались съ большимъ интересомъ и не утратили своего значенія доселѣ. Такое недолгое прошлое имѣетъ за собою научная обработка исторіи русскаго общества. Вотъ почему нельзя удивляться скудости литературы по этому предмету. Этой литературой, по крайней мѣрѣ всѣмъ, что въ ней заслуживаетъ чтенія, можно овладѣть въ довольно короткое время. Въ пятидесятыхъ годахъ и позднѣе появляются вслѣдъ за порядочнымъ для своего времени сочиненіемъ Плошинскаго „Городское или среднее состояніе русскаго народа" (1852), напечатаннаго въ 1852 г., статьи г. Чичерина, особенно его изслѣдованіе „Холопы и крестьяне въ Россіи въ XVI в.", потомъ цѣльная монографія Бѣляева „Крестьяне на Руси", представляющая опытъ полной исторіи этого сословія и особенно цѣнная по обилію неизданныхъ матеріаловъ, въ ней напечатанныхъ, далѣе рядъ очерковъ г. Побѣдоносцева по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи со времени Уложенія. Въ концѣ 60-хъ годовъ было напечатано сочиненіе Пригары „О городскихъ состояніяхъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ", представляющее опытъ исторіи городскихъ состояній не только въ это царствованіе, но и до него. Наконецъ, въ 1875 г. вышелъ I-й томъ сочиненія г. Дитятина „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи", представляющій очень хорошо составленный очеркъ исторіи городовъ въ Россіи до XVIII в. и исторію ихъ устройства до „жалованной городовой грамоты 1785 г. включительно. Любопытно, что доселѣ не встрѣчаемъ цѣльной, полной исторіи двухъ высшихъ сословій Россіи — дворянства и духовенства. Есть, правда, два общія сочиненія по исторіи дворянства въ Россіи, изъ которыхъ одно принадлежитъ Яблочкову, а другое Порай-Кошицу, но эти сочиненія заслуживаютъ мало вниманія. Серьезное и трудолюбиво составленное, но спеціальное сочиненіе, излагающее исторію дворянства со времени Петра, принадлежитъ Романовичу-Славатинскому („Дворянство въ Россіи"). По исторіи духовнаго сословія есть обширная и цѣльная монографія г. Знаменскаго „Приходское духовенство въ Россіи

со времени реформы Петра". Къ сожалѣнію, эта монографія очень мало касается положенія этого класса въ древней Руси. Такой пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ надобно объяснять особенной трудностью и сложностью исторіи двухъ этихъ высшихъ классовъ. Наконецъ, совсѣмъ не было сдѣлано попытки представить связное изложеніе исторіи сословій въ Россіи въ ихъ взаимодѣйствіи. Я знаю одинъ монографическій опытъ такого рода въ „Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи" 1868 г. г. <u>Градовскаго.</u> Описывая устройство провинцій въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв., авторъ хотѣлъ представить положеніе и взаимное отношеніе трехъ основныхъ классовъ русскаго общества — служилаго, городскаго и земледѣльческаго. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ остановился на первомъ томѣ. Вотъ почти все, что есть въ нашей литературѣ крупнаго и цѣннаго по исторіи общественныхъ классовъ въ Россіи, если не упоминать о разныхъ мелкихъ статьяхъ. Своимъ курсомъ я хотѣлъ бы нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ, представивъ короткій и сжатый, болѣе конспективный очеркъ исторіи сословій въ Россіи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ до той эпохи, когда они получили свой окончательный складъ.

Понятно, чѣмъ пробужденъ былъ интересъ къ исторіи нашихъ сословій съ 50^хъ^ годовъ. Толчкомъ, который обратилъ вниманіе любознательныхъ людей на этотъ предметъ, служили сословныя реформы минувшаго царствованія. Эти реформы, особенно одна изъ нихъ, крестьянская, такъ глубоко измѣнившая положеніе и взаимное отношеніе классовъ русскаго общества, впервые заставили искать указаній на средства ихъ успѣшнаго осуществленія въ изученіи того, какъ строилось общество, тронутое этими реформами. Историческое изученіе обыкновенно цѣпляется за сильное движеніе, обнаруживающееся въ обществѣ, и стремится иллюстрировать то, что становится насущнымъ интересомъ минуты, дать отвѣтъ на вопросъ, составляющій злобу текущаго дня. Реформы минувшаго царствованія, особенно крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., вскрыли цѣлый рядъ неожиданныхъ явленій, которыя прежде не подозрѣвались и которыя указывали на сложные процессы, пережитые нашимъ об-

ществомъ. Люди, занимавшіеся исторіей западно-европейскихъ обществъ, издавна привыкли нѣсколько свысока относиться къ исторіи русскаго общества. Это русское общество представлялось имъ слишкомъ простымъ по своему составу съ наивными формами и недостаточно опредѣленными отношеніями, обѣщавшими мало научно-поучительныхъ данныхъ. Таково было господствующее мнѣніе. При поверхностномъ взглядѣ на развитіе русскаго общества можно было найти нѣкоторое оправданіе этой привычки. Въ самомъ дѣлѣ, что можно представить себѣ проще того склада, какой усвоило себѣ русское общество напримѣръ въ ту минуту, когда закрывалъ глаза великій преобразователь Петръ I? Наверху этого общества стояла могущественная верховная власть, сосредоточенная въ одномъ лицѣ, а передъ ней лежала огромная масса черного народа, руководимаго по порученію верховной власти землевладѣльческимъ классомъ; и между этими двумя сословными стихіями робко жмутся незначительные переходные слои — духовенство, чиновничество, горожане — жмутся, какъ будто ожидая, не придетъ ли кто оправдать ихъ стѣсненное и игнорируемое существованіе. Реформа 19 февраля вскрыла крупныя установленія, чрезвычайно сложныя и запутанныя отношенія между разными классами, вызвала на свѣтъ такія формы общежитія, какія до этого времени самое сильное воображеніе не могло бы ни представить, ни построить a priori. Все это заставило думать, что и наше общество пережило страшно напряженную работу, которая только выражалась въ наружно простыхъ и немудреныхъ формахъ. Итакъ научный интересъ къ исторіи нашего общества былъ возбужденъ его недавней перестройкой; вотъ почему мы еще такъ мало знаемъ эту исторію.

Между тѣмъ исторический складъ нашего общества, можетъ быть, и сообщаетъ всего болѣе общенаучнаго интереса нашей исторіи. Этотъ складъ очень своеобразенъ и наблюденія надъ его ходомъ могутъ пригодиться при изученіи какой угодно части исторической науки. Изучая эти сословія, встрѣчаемъ отношенія и формы, которыя даютъ много матеріала для приложенія сравнительнаго историческаго изученія. Истинное назначеніе этого исто-

да состоитъ, не въ томъ, чтобы искать сходства въ различныхъ явленiяхъ, а въ томъ, чтобы находить различiе въ сходныхъ явленiяхъ. При сходствѣ многихъ явленiй нашего и западно-европейскаго общества легко замѣтить еще больше особенностей, которыми отличается первое отъ послѣднихъ и которыя всѣ можно свести къ одной слѣдующей: сравнительно болѣе рѣзкiя сословныя очертанiя и болѣе сложныя общественныя формацiи на западѣ достигались болѣе быстрымъ и простымъ путемъ, тогда какъ болѣе простыя общественныя формацiи въ Россiи создавались процессомъ болѣе продолжительнымъ и сложнымъ. У насъ общественный процессъ всегда сложнѣе, но общественныя формы проще и сословныя очертанiя менѣе рѣзки. Такая особенность нашего общественнаго развитiя невольно вызываетъ на одно сравненiе. Наше общество, кажется, шло путемъ, напоминающимъ наши проселочныя дороги: чтобы ими пройти незначительное разстоянiе между двумя пунктами, надобно, благодаря извилинамъ пути, сдѣлать столько шаговъ, сколько при болѣе прямой дорогѣ потребовалось бы, чтобы пройти разстоянiе вдвое большее.

Эта особенность, замѣтная въ развитiи разныхъ сторонъ общественной жизни Россiи, сказалась всего рѣзче въ исторiи русскихъ сословiй. Сословное дѣленiе въ Россiи отличается необычайной подвижностью и измѣнчивостью. Общество нѣсколько разъ дѣлилось и передѣлялось, неоднократно мѣняло свою юридическую физiономiю и свой составъ. Слѣдя за этими измѣненiями, исторiю русскихъ сословiй можно раздѣлить на <u>четыре</u> перiода, изъ которыхъ въ каждомъ было свое основанiе сословнаго дѣленiя, не похожее на то, на которомъ строилось сословное дѣленiе предшествующаго или послѣдующаго перiода. Первая формацiя русскаго общества, какая намъ извѣстна, обнаруживается въ памятникахъ права XI и XII вв. По этимъ памятникамъ мы видимъ, что общество дѣлилось на двѣ рѣзко разграниченныя и неравныя половины и первоначальнымъ основанiемъ дѣленiя служило завоеванiе или вооруженное давленiе. На этомъ основанiи строилось и держалось общество съ IX до конца XII в. Разсматривая составъ общества въ удѣльные вѣка (XIII, XIV и XV), встрѣчаемъ

другое основаніе, которымъ служилъ хозяйственный договоръ свободнаго лица съ удѣльнымъ княземъ.— Въ періодъ, когда созидалось Московское государство (въ XVI и XVII вв.) основаніемъ сословнаго дѣленія служило различіе государственнаго тягла, разверстаннаго между классами общества по ихъ хозяйственнымъ положеніямъ. Наконецъ въ XVIII в. сословное дѣленіе перешло на новое основаніе, которымъ служило различіе правъ, распредѣленныхъ между сословіями по ихъ политическому значенію. Таковы четыре періода въ исторіи нашихъ сословій и таковы основанія, на которыхъ въ каждомъ изъ нихъ строилось сословное дѣленіе. Въ I періодѣ этимъ основаніемъ было завоеваніе или вооруженное давленіе, во II — хозяйственный договоръ съ княземъ, въ III — различіе государственныхъ повинностей, и въ IV — различіе государственныхъ и гражданскихъ правъ.

V.

Хронологическіе предѣлы перваго періода въ исторіи русскихъ сословій.— Завоеваніе какъ первоначальное основаніе политическаго дѣленія общества въ этотъ періодъ.— Военно-промышленное происхожденіе кіевскаго княжества.— Этнографическій и экономическій составъ общества, объединеннаго кіевскими князьями IX и X вв.— Слѣды сословнаго дѣленія общества въ X и XI вв.—

Я обозначилъ границами перваго періода въ исторіи русскихъ сословій конецъ IX и конецъ XII вѣковъ. Политическое расчлененіе общества въ этотъ періодъ держалось на завоеваніи. Но я высказываю это положеніе съ оговоркой. Завоеваніе легло въ основу сословнаго дѣленія общества, но въ продолженіе періода это первоначальное основаніе такъ осложнилось новыми вліяніями, что къ концу XII в. стало трудно распознать его въ глубинѣ общественнаго строя русской земли. Чтобы видѣть, какъ положено было это основаніе и какія вліянія потомъ измѣнили строившіяся на немъ сословныя отношенія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на происхожденіе той политической формы, подъ которой впер-

вые соединились разнородные части русской земли въ одно политическое цѣлое. Этой формой было кіевское княжество, возникшее въ концѣ IX в.

Я такъ представляю себѣ происхожденіе этой формы. Въ VII и VIII вв. по Р. Хр. западная половина восточной русской равнины заселена была восточными славянами. Хозяйственный бытъ населенія въ этой полосѣ направлялся большимъ рѣчнымъ потокомъ Днѣпромъ. По этой рѣчной дорогѣ шло давнее и живое торговое движеніе, вызванное и поддержанное еще до Р. Х. многочисленными греческими колоніями по сѣверному берегу Чернаго моря. Въ это торговое движеніе втянулись и славянскіе поселенцы въ Днѣпровьѣ. Одно внѣшнее обстоятельство помогло ихъ торговымъ успѣхамъ. Въ VIII в. Днѣпровье съ южно-русскими степями завоевано было хазарами. Хазарское иго оказало благотворное дѣйствіе на промышленные успѣхи днѣпровскихъ славянъ. Хазары, утвердившіеся въ степяхъ между Волгой и Днѣпромъ, скоро перешли къ мирнымъ промысламъ и открыли своимъ днѣпровскимъ данникамъ свободный проходъ по многочисленнымъ степнымъ рѣчнымъ дорогамъ. Такимъ образомъ завязались тѣсныя торговыя связи Днѣпровья съ черноморскими и каспійскими рынками. Это торговое движеніе вызвало среди славянскихъ поселенцевъ Днѣпровья усиленную разработку богатствъ русскаго лѣса, преимущественно добычу пушнаго звѣря. Эти торговые успѣхи развили русское мореходство и русскіе моряки уже въ первой половинѣ X в. господствовали на Черномъ морѣ. Арабскій географъ Масуди, писавшій въ это время, говоритъ о Руси, что она плавала по Черному морю и никто кромѣ нея по нему не плавалъ. Слѣдствіемъ этихъ торговыхъ успѣховъ было появленіе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси по главнымъ рѣчнымъ путямъ западной полосы. Около каждаго изъ такихъ городовъ – Новгорода, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Кіева – образовался изъ промышленныхъ поселеній торговый округъ, для котораго городъ служилъ центральнымъ складочнымъ мѣстомъ. Это все факты, пережитые восточнымъ славянствомъ до IX в. Сначала этого столѣтія Днѣпровье испытало рядъ новыхъ переворотовъ, источникомъ которыхъ было

упадокъ хазарскаго владычества въ Днѣпровьѣ. Причиной этого упадка было появленіе въ южно-русскихъ степяхъ новой орды Печенѣговъ, которые еще въ первой половинѣ IX в. прорвались изъ-за Волги сквозь хазарскія кочевья къ Днѣпру. Эти печенѣги стали грозить великой опасностью русской торговлѣ. Хазары не могли болѣе защищать русскихъ купцовъ на востокѣ; торговые города Руси сами должны были взять на себя охрану своихъ торговыхъ путей и торговыхъ оборотовъ. Къ тому времени относятся укрѣпленія торговыхъ городовъ и ихъ военно-политическое устройство, съ какимъ они являются впослѣдствіи въ X и XI вв. Новая опасность пробудила въ городахъ потребность въ вооруженной силѣ. Эта сила постепенно стянута была въ городахъ и составилась изъ различныхъ элементовъ туземныхъ какъ и пришлыхъ. Пришлымъ элементомъ вошли въ составъ этой силы заморскіе варяги, преимущественно скандинавы. Появленіе этого вооруженнаго класса въ торговыхъ городахъ сопровождалось тѣмъ, что послѣдніе подчинили себѣ свои торговые округа. Это подчиненіе окрестнаго населенія, для котораго городъ служилъ торговымъ средоточіемъ, достигалось неодинаковымъ способомъ. Въ иныхъ мѣстахъ беззащитные окрестные обыватели добровольно подчинялись большому городу какъ укрѣпленному убѣжищу въ минуту опасности; въ другихъ — сами города, пользуясь своей вооруженной силой, насильно подчиняли окрестное населеніе, для котораго прежде служили торговыми центрами. Такъ около половины IX в. на Руси обозначается рядъ торгово-политическихъ союзовъ, городовыхъ областей, т. е. промышленныхъ округовъ, политически подчиненныхъ главнымъ торговымъ городамъ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ съ ихъ округами особенное значеніе для всей полосы равнины, втянутой въ торговый оборотъ, имѣлъ городъ Кіевъ. Онъ возникъ съ своимъ торговымъ округомъ на самомъ рубежѣ степи. Такимъ образомъ онъ служилъ главными воротами русской торговли, направлявшейся съ сѣвера и сѣверо-запада на югъ и юго-востокъ. Торговый оборотъ на Руси прерывался и останавливался какъ скоро степные кочевники захватывали Кіевъ въ свои руки. Отсюда вышелъ общій экономическій интересъ, который привязывалъ всѣ торговые города Руси къ Кіеву. Этотъ общій интересъ создалъ

въ томъ, чтобы Кіевъ былъ всегда открытъ для рускаго торговаго движенія, чтобы мимо него шелъ свободный путь по степнымъ рѣкамъ къ Каспійскимъ и черноморскимъ рынкамъ, — слѣдовательно, чтобы въ немъ находилась сила, способная защищать этотъ пограничный пунктъ отъ внѣшнихъ враговъ. Этотъ общій интересъ и вызвалъ усиленное сосредоточеніе въ Кіевѣ вооруженнаго люда, дотолѣ разсѣяннаго по рускимъ городамъ. Около кіевскаго князя, вождя торгово-вооруженной дружины, сосредоточивалось наиболѣе боевыхъ силъ, скоплявшихся въ странѣ; помощью этихъ силъ кіевскій князь и подчинилъ себѣ остальные города и племена восточныхъ славянъ. Дѣйствіе общаго интереса, созданнаго экономическимъ движеніемъ, ясно открывается въ ходѣ подчиненія руской земли кіевскими князьями, совершавшагося въ IX и X вв. Племена неодинаково легко принимали на себя кіевское иго: одни подчинялись добровольно, другія надобно было завоевывать упорной борьбой. Разсматривая причины этой разницы, находимъ, что племена или города, охотно признававшіе надъ собой кіевскую власть, — кривичи, сѣверяне, поляне — жили по главной рѣчной торговой дорогѣ, шедшей по Днѣпру съ его сѣвернымъ воднымъ продолженіемъ — бассейномъ Ильменя. Напротивъ племена, упорно боровшіяся съ Кіевомъ, жили вдали отъ этой рѣчной дороги. Значитъ, кіевскую власть охотно признавали нуждавшіеся въ ней племена, которые наиболѣе участвовали въ торговомъ оборотѣ. Напротивъ, населенія, жившія вдали отъ этого рѣчнаго пути и не раздѣлявшія этого общаго матеріальнаго интереса, племена древлянъ, радимичей и вятичей, не чувствовали охоты признавать власть кіевскаго князя и упорно съ нею боролись. Такимъ образомъ кіевское княжество имѣло двойное военно-промышленное происхожденіе. Оно возникло при содѣйствіи общаго интереса, созданнаго торговымъ оборотомъ, но этотъ интересъ раздѣляли далеко не всѣ части руской земли. Эти не раздѣлявшія его части нужно было подчинять силой оружія, завоевывать.

Общество, объединенное властью кіевскихъ князей, довольно механически составлено было изъ очень пестрыхъ этнографическихъ и экономическихъ элементовъ. Единственный общій интересъ, дѣйствовавшій далеко не въ одинаковой мѣрѣ во всѣхъ этихъ элементахъ

былъ матеріальный, состоявшій въ охранѣ торговыхъ путей и оборотовъ. Единственной силой, поддерживавшей союзъ даже тамъ, гдѣ слабо чувствовался этотъ общій интересъ, былъ вооруженный классъ, который образовался подъ рукой князя кіевскаго изъ разнороднаго бродячаго военно-торговаго люда, скоплявшагося въ торговыхъ городахъ Руси. Этотъ людъ былъ частью туземный, частью пришлый, варяжскій. Въ свою очередь туземное населеніе, городское и сельское, распадалось на нѣсколько племенъ славянскаго и финскаго происхожденія. Но съ конца X в., когда почти всѣ племена западной полосы стали уже данниками кіевскаго князя, племенной антагонизмъ замѣтно стихаетъ. Варяжскія толпы, не переставая приплывать на Русь изъ-за моря, мирно уживались съ туземцами. Славянскія племена, разорванныя между городовыми областями, повидимому, начинали забывать свое племенное происхожденіе. Племенныя различія и интересы уступали мѣсто провинціальнымъ, областнымъ. Столь же неопредѣленны и экономическія очертанія общества. Торговый капиталъ продолжалъ господствовать исключительно, до XI в. не встрѣчая соперника со стороны землевладѣнія. „Руссы", какъ называетъ арабскій писатель первой половины X в. Ибн-Дастъ верхніе слои русско-славянскаго общества, эти руссы, по его словамъ, не имѣли недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ. Единственный ихъ промыселъ состоялъ въ торговлѣ мѣхами. Военный классъ съ кіевскимъ княземъ во главѣ руководилъ торговымъ движеніемъ страны и принималъ въ немъ оживленнѣйшее участіе, ежегодно посылая лодки съ товарами въ Царьградъ и на другіе черноморскіе и каспійскіе рынки. За то и торговые города сохраняли военное устройство, какое усвоили они сначала IX в.; образовали они тысячи или городовые полки и участвовали въ княжескихъ походахъ подъ командой выборныхъ изъ городового купечества военно-городскихъ старшинъ — тысяцкихъ и сотскихъ.

Но среди этого безпорядочнаго этнографическаго и экономическаго броженія въ X и XI вв. все замѣтнѣе начинаетъ выступать наружу политическое раздѣленіе общества. Завоевательные походы изъ Кіева на непокорныя туземныя племена и оборонитель-

ная борьба со степными врагами все болѣе размножала вооруженный классъ, предводимый кіевскимъ княземъ, а служба по управленію завоеванными племенами все болѣе обособляла его отъ управляемаго общества, какъ властителей отъ данниковъ. Классъ этотъ все рѣзче выдѣлялся изъ вооруженнаго купечества торговыхъ городовъ, съ которымъ онъ сливался до тѣхъ поръ. Еще при кн. Владимірѣ Святомъ старцы градскіе, выборные военные управители торговыхъ городовъ, засѣдали въ Думѣ кіевскаго князя рядомъ съ его дружинниками-боярами. При Ярославѣ они уже не появляются въ боярскомъ совѣтѣ, даже исчезаютъ изъ городской администраціи; ихъ выборныя военно-административныя должности замѣщаются княжими боярами по княжому назначенію. Такъ витязь, морской наѣздникъ, все болѣе отчуждался отъ гостя, вооруженнаго купца, съ которымъ онъ прежде шелъ объ руку. Политическое отчужденіе начинало отражаться и на хозяйственномъ быту этихъ обоихъ родственныхъ по происхожденію классовъ. При завоеваніи непокорныхъ племенъ цѣлыя массы плѣнниковъ становились рабами и дѣлились между завоевателями. Ибн-Дастъ въ немногихъ словахъ живо описываетъ это явленіе. Русы, говоритъ онъ, производятъ набѣги на славянъ (т. е. на славянъ восточныхъ); подъѣзжая къ нимъ на корабляхъ, высаживаются, забираютъ ихъ въ плѣнъ и продаютъ. Это наблюденіе, очевидно, схвачено съ завоевательныхъ походовъ первыхъ кіевскихъ князей на славянскія племена Днѣпровья — древлянъ, сѣверянъ, радимичей и др. Слова Ибн-Даста подтверждаетъ и наша Начальная лѣтопись въ разсказѣ о захватѣ Искоростеня Ольгой въ 946 г. Ольга велѣла однихъ плѣнныхъ горожанъ перебить, другихъ „работѣ предасть мужемъ своимъ", т. е. раздала въ рабство своей дружинѣ, а остальныхъ оставила на мѣстѣ платить дань. Такимъ образомъ хозяйство военно-правительственнаго класса все болѣе становилось рабовладѣльческимъ. Наполняя холопами свои городскіе дворы и сбывая излишекъ на заморскихъ рынкахъ, служилые люди съ конца X или начала XI в. нашли новое хозяйственное приложеніе холопскому труду; они начали селить своихъ холоповъ на пріобрѣтаемыхъ земельныхъ

участкахъ, эксплуатируя послѣдніе холопьими руками. Такъ возникло русское частное землевладѣніе, первые неясные слѣды котораго въ памятникахъ являются съ самаго начала XI в. Землевладѣніе еще рѣзче обособило служилый классъ отъ высшаго городского купечества. Все это питало въ военно-правительственномъ классѣ чувство политическаго превосходства надъ остальнымъ обществомъ. Этимъ чувствомъ и ассимилировались разноплеменные элементы, изъ которыхъ складывался этотъ военно-правительственный классъ. По мѣрѣ усиленія внѣшней борьбы, которую должны были вести кіевскіе князья, въ составъ этого класса вытягивались боевыя силы изъ разныхъ племенъ, имъ подвластныхъ. Владиміръ, послѣ принятія христіанства, начавши окружать Кіевъ цѣпью укрѣпленныхъ городковъ со стороны степи, вербовалъ въ ихъ гарнизоны лучшихъ людей изъ новгородцевъ, кривичей, Чуди, вятичей и другихъ. Сплоченный этимъ чувствомъ политическаго превосходства, военно-правительственный классъ усвоилъ себѣ сословное названіе Руси. Русь въ X в. — терминъ не этнографическій и не географическій, а соціальный, обозначавшій господствующее сословіе. До сихъ поръ не объяснено этимологическое происхожденіе этого слова. Подъ такимъ именемъ знаютъ господствующій классъ на Руси византійскіе и арабскіе писатели X в.; этимъ именемъ называетъ его и наша древняя „Повѣсть временныхъ лѣтъ", составляющая введеніе въ „Начальную Лѣтопись". Разсказавъ о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ въ 882 г., „Повѣсть" такъ характеризуетъ составъ его дружины: „быша у него Варязи и Словѣни и прочи, прозвашася Русью". Итакъ Русью стали звать по преданію Повѣсти вооруженные разноплеменные соратники Олега, вмѣстѣ съ нимъ занявшіе Кіевъ.

Таковы признаки политическаго расчлененія русскаго общества въ X и XI вв. Вы видите, что этимъ расчлененіемъ двигало завоеваніе; но, служа рычагомъ общественнаго дѣленія, завоеваніе не было первоначальнымъ источникомъ. Завоевательная роль военно-правительственнаго класса была подготовлена его экономическимъ значеніемъ, раньше создавшимся. Прежде чѣмъ стать съ оружіемъ въ рукахъ надъ покореннымъ населені-

емъ страны, этотъ классъ стянулъ въ своихъ рукахъ нити ея хозяйственнаго оборота. Изъ этого сложнаго экономическаго и политическаго процесса и вышло довольно рѣзкое сословное дѣленіе, какое открывается въ памятникахъ <u>XII</u> в., преимущественно въ Русской Правдѣ, окончательную редакцію которой я отношу къ этому столѣтію. Согласно съ двойнымъ происхожденіемъ кіевскаго княжества, военно-промышленнымъ, и это сословное дѣленіе имѣло двойное основаніе.

<u>VI.</u>

Сословія по Русской Правдѣ: <u>княжіе мужи</u>, <u>люди</u>, <u>холопы</u>. — Источникъ холопства. — Политическое основаніе этого дѣленія. — Слѣдъ болѣе ранняго дѣленія, имѣвшаго иное основаніе: значеніе огнищанъ. — Экономическія подраздѣленія основныхъ политическихъ классовъ: <u>бояре</u>, <u>смерды</u>, <u>закупы</u> и <u>боярскіе тіуны</u>. — Связь экономическихъ различій съ юридическимъ неравенствомъ какъ основаніе этихъ подраздѣленій. — Три момента въ ходѣ сословнаго образованія русскаго общества въ первый періодъ.—

Въ Русской Правдѣ очень явственно обозначены три класса, на которые распадалось русское общество ея времени: это <u>княжіе мужи</u>, <u>люди</u> и <u>холопы</u>. Эти классы различались неодинаковой оцѣнкой ихъ значенія передъ закономъ, выражавшейся въ неодинаковой заботливости, съ какою законъ охранялъ личную безопасность людей этихъ классовъ. Такъ убійство княжаго мужа наказывалось двойною уголовною пеней (<u>вирой</u>); убійство людина простой, а за убійство холопа не назначалось вовсе уголовной пени, но взыскивался только гражданскій штрафъ (<u>продажа</u>) съ вознагражденіемъ господина за вредъ, причиненный чужому имуществу. Законъ различно цѣнилъ эти классы по свойству отношеній, въ какихъ они стояли къ князю, т. е. къ верховной власти. Княжіе мужи несли личную службу князю, люди платили ему дань, наконецъ холопы не несли никакихъ государственныхъ повинностей, служа частнымъ лицамъ и не имѣя прямо

го отношенія къ князю. Впрочемъ кромѣ этой оцѣнки жизни Правда не обозначаетъ никакихъ другихъ сословныхъ правъ — ни гражданскихъ, ни политическихъ, которыми различались два свободные класса княжихъ мужей и людей. Отъ этого при ясномъ разграниченіи основныхъ сословій остаются неясны юридическія особенности нѣкоторыхъ мелкихъ классовъ, обозначающихся въ ихъ составѣ. Такъ не всѣ свободные слуги князя считались княжими мужами: къ послѣднимъ причислялись только высшіе военно-правительственные сановники, а рядовые ратные люди князя и низшіе дворцовые слуги: конюхи, повара, сельскіе приказчики по тарифу жизни уравнивались съ простыми людьми, сходясь съ княжими мужами только въ личной службѣ князю. Они объединялись съ этими мужами общимъ сословнымъ названіемъ дружины, но отличались особыми званіями <u>молодшей дружины</u>, <u>отроковъ</u> или <u>дѣтскихъ</u>. Напротивъ, люди — податное простонародье отличались отъ низшей дружины своимъ отношеніемъ къ князю: какъ плательщики податей, они относились къ князю не одиночными лицами, подобно служилымъ людямъ, а цѣлыми мірами, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой въ уплатѣ податей и мірской отвѣтственности за полицейскій порядокъ (<u>дикая вира</u> Русской Правды). Холопство является въ Русской Правдѣ суровымъ институтомъ съ рѣзко очерченными границами. Холопъ, ударившій свободнаго человѣка, еще при Ярославѣ могъ быть за то убитъ безнаказанно потерпѣвшимъ. Правда не различаетъ видовъ холопства: она знаетъ одно холопство <u>обельное</u> (обелое, круглое) т. е. полное, вѣчное, потомственное и наслѣдственное; какъ зависимость холопа переходила отъ него на его потомство, такъ и право на холопа передавалось господиномъ своимъ наслѣдникамъ. Рабовладѣніе успѣло выработать довольно разнообразные источники холопства.— Ихъ было два ряда: холопами дѣлались или по закону, или по договору. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1, плѣномъ, 2, преступленіями, за которыя законъ навсегда лишалъ преступника свободы, напр. разбоемъ, поджогомъ, конокрадствомъ, 3, несостоятельностью купца-должника

по его винѣ, если кредиторы не соглашались ждать уплаты долга, и 4, происхожденіемъ отъ холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1, продажей въ холопство, 2, женитьба на холопкѣ безъ уговора съ ея господиномъ, ограждающаго свободу жениха, и 3, вступленіемъ въ частную дворовую службу приказчикомъ или ключникомъ безъ такого же уговора слуги съ хозяиномъ. Холопство въ Русской Правдѣ является съ такими рѣзкими чертами неволи, которыя лишали холопа значенія лица въ юридическомъ смыслѣ слова, приближая его къ вещи, къ домашнему скоту. Но такъ какъ законъ опредѣлялъ положеніе холоповъ, ихъ отношенія къ господамъ, источники и границы холопства, то, очевидно, онъ разсматривалъ это состояніе какъ особый классъ въ составѣ русскаго общества, отличавшійся отъ другихъ классовъ тѣмъ, что онъ не имѣлъ прямого отношенія къ государственной власти, а связанъ былъ съ нею черезъ посредство господъ, которымъ служили холопы.

Такъ гражданское общество по Русской Правдѣ дѣлилось на людей свободныхъ, лично служившихъ князю, на свободныхъ, плативших ему дань міромъ, и на несвободныхъ, служившихъ частнымъ лицамъ. Отношенія первыхъ къ князю было _личное_, вторыхъ — _коллективное_, третьихъ — _посредственное_.

Въ Русской Правдѣ уцѣлѣлъ неясный слѣдъ, указывающій приблизительно на время, когда устанавливалось такое общественное дѣленіе. Узнаемъ, что оно было не особенно давняго происхожденія. Въ одномъ спискѣ Правды сохранился рядъ статей, въ которыхъ изложены постановленія, состоявшіяся на съѣздѣ старшихъ сыновей Ярослава. Эти статьи составлены, вѣроятно, въ концѣ XI или въ началѣ XII в. и въ измѣненномъ видѣ вошли въ окончательную редакцію Правды, составленную въ концѣ XII в., перемѣшавшись въ ней со статьями разновременнаго происхожденія. Отсюда узнаемъ, что еще во второй половинѣ XI в., при сыновьяхъ Ярослава, не былъ окончательно опредѣленъ составъ привилегированнаго класса княжихъ слугъ. Русская Правда причисляетъ къ лицамъ, убійство коихъ оплачивалось двойной уголовной пеней и _тіуна конюшаго_, т. е. главнаго при-

кащика княжескихъ табуновъ. Одна изъ статей, излагающихъ постановленія съѣзда, гласитъ, что двойную пеню за убійство конюха старого у стада установилъ впервые старшій сынъ Ярослава Изяславъ судебнымъ приговоромъ по дѣлу о своемъ конюхѣ, убитомъ жителями Дорогобужа. „Конюхъ старый у стада“ — это, очевидно, тіунъ или староста конюшій, о которомъ говоритъ какъ о привилегированномъ княжемъ мужѣ окончательная редакція Русской Правды.

Статьи, излагающія постановленія съѣзда, сберегли намекъ и на общественное дѣленіе, предшествовавшее тому, которое обозначено въ окончательной редакціи Русской Правды. Эти статьи еще не знаютъ класса княжихъ мужей: тамъ, гдѣ окончательная редакція упоминаетъ объ этомъ классѣ, онѣ говорятъ объ огнищанахъ. Только въ одной статьѣ, заимствованной изъ постановленій съѣзда, окончательная редакція повторила этотъ терминъ, не замѣнивъ его званіемъ княжа мужа.(*) Очевидно, во второй половинѣ XII в., когда составлялась окончательная редакція Правды, слово огнищанинъ было обветшалымъ терминомъ, повторявшимся по привычкѣ, но уже вытѣснявшимся изъ ходячаго юридическаго языка. Объясненіе этого термина затруднялось неизвѣстностью древняго значенія термина огнище. Одинъ памятникъ объясняетъ это значеніе. Въ XI в. на Руси было списано съ болгарской рукописи нѣсколько словъ Григорія Богослова, переведенныхъ для болгаръ; но въ русскомъ языкѣ встрѣчаются вставки и передѣлки, произведенныя, очевидно, русской рукой. Въ одномъ изъ этихъ Словъ терминомъ „огнище“ переведено греческое ἀνδράποδα (ед. ἀνδράποδον) — рабы, челядь. Значитъ, огнищанинъ — рабовладѣлецъ. Если Русская Правда даетъ огнищанину привилегированное положеніе, какое въ ея время занимали княжіе мужи, то въ этомъ надобно видѣть ея воспоминаніе о томъ времени, когда такое положеніе создавалось условіемъ экономическимъ, а не политическимъ, не службой князю, а рабовладѣніемъ, точнѣе говоря, когда рабовладѣніе служило самой характерной особенностью го-

(*) Русская Правда изд. Калачова, ст. I, 32 и II, 72.

господствующаго класса. Такимъ временемъ были IX и X вѣка, когда кіевскій князь съ своею дружиною завоевывалъ непокорныя племена Руси, обращая плѣнныхъ въ рабство, когда по приведенному выше замѣчанію Ибн-Даста, арабскаго писателя первой половины X вѣка, Русь дѣлала набѣги на славянъ, подъѣзжая къ нимъ на корабляхъ, забирала ихъ въ плѣнъ и продавала. Тогда огнищанами преимущественно были члены княжей дружины, обладатели военной добычи; но ихъ ставила во главѣ общества еще не служба князю, а обладаніе этой добычей, т. е. не право, а сила. Тогда привилегированнымъ считался не правитель, а завоеватель. Такъ въ древнѣйшемъ туземномъ памятникѣ права вскрывается первоначальное основаніе общественнаго дѣленія и этимъ основаніемъ является завоеваніе. Изъ того же сопоставленія окончательной редакціи Правды со статьями съѣзда Ярославичей оказывается, что XI вѣкъ былъ временемъ, когда русское общество, дѣлившееся первоначально на завоевателей и побѣжденныхъ, превратилось въ союзъ управителей и управляемыхъ.

Но и этотъ преобразившійся общественный составъ недолго сохранялъ свою первоначальную простоту. По Русской Правдѣ, особенно въ ея позднихъ статьяхъ, сохранились слѣды дальнѣйшаго общественнаго дѣленія. Въ составѣ основныхъ сословій стали обозначаться новые классы, и признаки, ихъ обособлявшіе, не походили на тѣ, которыми различались основныя сословія. Такъ среди княжихъ мужей появляются бояре. Русская Правда едва знаетъ это состояніе и обозначаетъ его такими бѣглыми чертами, по которымъ съ трудомъ можно распознать его юридическій и экономическій обликъ. Она говоритъ о боярскихъ холопахъ, о боярскомъ сельскомъ или земледѣльческомъ приказчикѣ и наемномъ работникѣ.(*) Очевидно, Русская Правда придаетъ боярину значеніе крупнаго привилегированнаго рабовладѣльца и землевладѣльца; такое значеніе сохранялъ этотъ терминъ и въ русскомъ гражданскомъ правѣ позднѣйшихъ вѣковъ. Далѣе въ сословіи людей выдѣляются два особые класса закуповъ и смердовъ. Появленіе

(*) Тамъ же, II, 42 и 11.

тѣхъ и другихъ, повидимому, было связано съ выдѣленіемъ класса бояръ. По нѣкоторымъ указаніямъ можно думать, что первоначальнымъ рабочимъ населеніемъ боярскихъ вотчинъ была челядь, руками которой землевладѣльцы эксплуатировали свои земли. Но чѣмъ болѣе развивалось боярское землевладѣніе, тѣмъ больше привлекали бояре на свои земли хлѣбопашцевъ изъ свободнаго населенія. Эти хлѣбопашцы получали отъ землевладѣльцевъ ссуду на обзаведеніе и земельные участки въ пользованіе, которые обрабатывали барскимъ скотомъ и барскими орудіями, за что работали на землевладѣльца. Такіе работники — арендаторы и носятъ въ Русской Правдѣ названіе *ролейныхъ* (пахотныхъ) *закуповъ* или *наймитовъ*. Состояніе закуповъ помогаетъ объяснить значеніе класса смердовъ, очень неясно обозначеннаго въ Правдѣ. Этому термину Правда, повидимому, придаетъ двоякое значеніе — свободнаго простолюдина вообще и свободнаго крестьянина въ частности. Правда указываетъ на ближайшее отношеніе смерда къ князю: князь наслѣдовалъ имущество смерда, не оставившаго послѣ себя сыновей. Позднѣе въ Новгородской и Псковской области XIII и XIV вв. смердомъ назывался вольный хлѣбопашецъ, пользовавшійся казенной землей, т. е. государственный крестьянинъ. Повидимому, такое значеніе имѣлъ этотъ терминъ и во времена Русской Правды: такъ назывался вольный хлѣбопашецъ, жившій на княжеской землѣ. Когда княжеская власть укрѣпилась, въ состояніе смердовъ попали всѣ свободные сельскіе обыватели, жившіе на земляхъ, непринадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ, потому что всѣ такія земли были признаны княжескими, государственными. Этимъ и отличались смерды отъ закуповъ. Наконецъ, въ составѣ холопства Русская Правда различаетъ разрядъ высшихъ холоповъ, отличавшихся отъ простыхъ чернорабочихъ невольниковъ тѣмъ, что имъ господа поручали должности по управленію своими имѣніями. Этотъ классъ носитъ въ Правдѣ названіе *боярскихъ тіуновъ* (приказчиковъ).

Перечисленные классы по происхожденію своему не были новыми состояніями, отличными отъ тѣхъ, на какія дѣлилось общество по свойству отношеній лицъ къ князю. Это были раз-

различныя экономическія положенія, въ которыя становились лица тѣхъ же сословій. Бояре были тѣ же княжи мужи, или члены дружины, только пріобрѣтавшіе земельную собственность. Смерды были свободные „люди", отличавшіеся отъ другихъ лицъ этого сословія, свободныхъ тяглыхъ горожанъ, тѣмъ, что они занимались хлѣбопашествомъ, обрабатывая участки государственной земли своимъ инвентаремъ. Закупы были тѣ же смерды, только работавшіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и не имѣвшіе своего инвентаря или земледѣльческаго капитала, которымъ ссужали ихъ землевладѣльцы. Боярскіе тіуны отличались отъ рядовыхъ холоповъ тѣмъ, что управляли привилегированными боярскими хозяйствами и за то пользовались нѣкоторыми имущественными льготами, какихъ не имѣли чернорабочіе холопы. Но эти хозяйственныя состоянія въ Русской Правдѣ уже раздѣлены юридическимъ неравенствомъ, различіемъ правъ. Бояре пользовались преимуществомъ, въ силу котораго могли завѣщать свое движимое и недвижимое имущество дочерямъ, если не оставляли послѣ себя сыновей. Напротивъ, имущество смерда, умиравшаго безсыновнымъ, его участокъ, дворъ и движимость переходили къ князю; только незамужнія дочери, остававшіяся послѣ смерда, получали часть его движимости. Это ставило смерда ниже другихъ „людей," свободныхъ тяглыхъ горожанъ, которые по Русской Правдѣ, наравнѣ съ служилыми людьми, могли завѣщать свое имущество дѣтямъ, а при ихъ отсутствіи родственникамъ, какъ хотѣли. Еще ниже смердовъ стояли закупы. Смерды, не смотря на ограниченіе права завѣщанія, оставались лично свободными людьми. Ссуда дѣлала закуповъ должниками владѣльцевъ и ставила ихъ въ личную зависимость отъ послѣднихъ, сообщая имъ характеръ полусвободныхъ людей. Такой характеръ этого состоянія обнаруживался въ томъ, что во-первыхъ, хозяинъ пользовался правомъ подвергать своего закупа тѣлесному наказанію за вину; во вторыхъ, закупъ могъ быть свидѣтелемъ на судѣ только въ незначительныхъ тяжбахъ и при отсутствіи свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ; въ третьихъ, закупъ не отвѣчалъ самъ за нѣкоторыя свои преступленія, напр., за

красу: пеню за него въ такомъ случаѣ платилъ хозяинъ, который за то превращалъ его въ полнаго своего холопа. Изъ этихъ ограниченій свободы закупа видно, что, не смотря на долговое обязательство и обусловленную имъ обязательную работу закупа на господина, первый не считался холопомъ послѣдняго. Закупъ по Русской Правдѣ могъ всегда прекратить свою зависимость отъ господина, заплативъ ему долгъ, и законъ ставилъ извѣстные предѣлы судебной власти господина, какъ и его праву на трудъ закупа. Но тѣ же ограниченія свободы послѣдняго указываютъ на усилія владѣльцевъ сравнять закуповъ съ своими сельскими холопами. Наконецъ, боярскіе тіуны, оставаясь холопами, пользовались нѣкоторыми правами свободныхъ лицъ и тѣмъ приближались къ состоянію закуповъ: судъ принималъ свидѣтельское показаніе „по нуждѣ", когда не было свободныхъ свидѣтелей; за убійство тіуна, какъ и свободнаго простолюдина, законъ назначалъ сорокагривенную уголовную пеню, а не двѣнадцатигривенный штрафъ, какъ за убійство простаго холопа. Итакъ, законъ придавалъ неодинаковое юридическое значеніе лицамъ, различавшимся хозяйственнымъ положеніемъ.

Такимъ образомъ новое экономическое дѣленіе общества, обозначившееся въ предѣлахъ прежняго юридическаго, въ свою очередь стало превращаться также въ юридическое. Но это новое дѣленіе не вполнѣ совпадало съ прежнимъ, было дробнѣе его. Оно разбивало общество не на три сословія, какъ прежнее, а на шесть состояній: это были бояре, свободные тяглые горожане, смерды — свободные государственные крестьяне, закупы — полусвободные владѣльческіе крестьяне, боярскіе тіуны — привилегированные холопы и, наконецъ, рядовые холопы. Самое основаніе этого новаго дѣленія было не то, на какомъ держалось прежнее. Три прежніе класса различались политическими признаками — неодинаковымъ отношеніемъ лицъ къ князю и неодинаковымъ отношеніемъ княжескаго закона къ лицамъ. Неодинаковое отношеніе лицъ къ князю выражалось въ различіи государственныхъ повинностей, падавшихъ на людей служилыхъ, тяглыхъ и холоповъ; неодинаковое отношеніе закона къ лицамъ выражалось въ раз-

личной цѣнѣ, какую давалъ законъ лицамъ разныхъ классовъ по свойству ихъ отношеній къ князю, неодинаково наказывая ихъ за убійство. Но мы видѣли, что съ этой оцѣнкой Правда не соединяла никакихъ другихъ правъ, которыми различались бы свободные классы княжихъ мужей и людей. Новые, болѣе дробные классы, различались другими признаками, экономическими и юридическими, различіемъ имущественныхъ состояній и соединеннымъ съ ними неравенствомъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ различіе правъ вырабатывалось не изъ отношеній общества къ верховной власти, а изъ экономическихъ отношеній лицъ между собою, изъ имущественнаго неравенства людей. Очевидно, это была новая, болѣе сложная формація общества, выработавшаяся путемъ дальнѣйшаго дробленія изъ того общественнаго склада, какой установился въ XI в. Отношеніе этой новой формаціи къ прежнему складу можно обозначить такъ: русское общество въ XI в., дѣлившееся по государственнымъ обязанностямъ на три класса, въ XII в. стало дѣлиться еще по гражданскимъ правамъ на шесть классовъ.

Итакъ, въ продолженіи перваго періода преемственно обозначились три формаціи русскаго общества, изъ которыхъ каждая слѣдующая была осложненіемъ предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса — на завоевателей и побѣжденныхъ. Потомъ общество раздѣлилось на три части — на военно-правительственный классъ, свободное простонародье и крѣпостную челядь. Наконецъ, эти три класса подраздѣлились на привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свободныхъ горожанъ, государственныхъ крестьянъ, владѣльческихъ крестьянъ и на холоповъ, привилегированныхъ и рядовыхъ. Первая формація строилась вооруженной силой, завоеваніемъ, вторая — законодательной властью, которая создана была этой силой, третья — работой капитала, т. е. народно-хозяйственнымъ оборотомъ, который установленъ былъ завоеваніемъ и общественныя послѣдствія котораго должна была признать законодательная власть. Такимъ образомъ завоеваніе послужило исходнымъ пунктомъ сословнаго процесса, совершавшагося въ первый періодъ, и направляло его во всѣхъ моментахъ, послѣдовательно имъ пройденныхъ.—

Но нѣсколько позднѣе этого процесса, вышедшаго изъ завоеванія, начался другой, источникомъ котораго служилъ другой фактъ и который внесъ глубокія перемѣны въ общественный складъ, создавшійся подъ вліяніемъ завоеванія. Этимъ фактомъ было распространеніе христіанства на Руси съ конца X в.

VII.

Положеніе церкви въ русскомъ обществѣ въ первые вѣка христіанства на Руси.— Составъ церковнаго общества.— Сходство его съ государственнымъ по составу и отличіе отъ него по устройству.— Отношеніе церковнаго дѣленія общества къ политическому.— Дѣйствіе церкви на составъ государственнаго общества.— Перемѣны, внесенныя ею въ русское рабовладѣльческое право: 1, обычай благотворительнаго освобожденія по завѣщанію, 2, случаи обязательнаго дароваго отпуска на волю, и 3, принудительный выкупъ на волю.— Слѣдствія этихъ перемѣнъ для личнаго и имущественнаго положенія холоповъ.— Выводы изъ сказаннаго.—

Рядомъ съ тѣмъ дѣленіемъ, какое вносилось въ общество государствомъ XI и XII вв., и церковь дѣлила его по своему. Христіанская церковь явилась на Русь вполнѣ организованнымъ учрежденіемъ, съ выработанными источниками права. Эти источники были двоякіе: церковные каноны и византійскіе императорскіе законы съ переработанными въ нихъ остатками римскаго права. Первые были для церкви обязательнымъ руководствомъ, вторые имѣли только авторитетъ привычной традиціи и юридической выработки. Примѣненіе тѣхъ и другихъ къ жизни русскаго общества создавало много затрудненій. По отношенію къ русскому праву тѣ и другіе источники представляли болѣе новизны, чѣмъ противорѣчій, устанавливая такія отношенія, которыхъ не знала русская жизнь или не считала доступными юридической нормировкѣ. Русь, напримѣръ, не понимала, какъ можетъ быть поводомъ къ судебному иску брань, не причиняющая ни личнаго, ни имущественнаго вреда. Поэтому церкви приходилось болѣе

созидать, чѣмъ реформировать, болѣе боролась съ юридическимъ непониманіемъ, чѣмъ съ юридическими предразсудками. Это и опредѣлило ея образъ дѣйствій. Она не столько противодѣйствовала встрѣченному на Руси порядку, сколько приноровлялась къ нему; терпѣливѣе относилась къ положительнымъ порокамъ, чѣмъ къ отрицательнымъ недостаткамъ; ее болѣе огорчало равнодушіе къ новому чѣмъ упорство въ старинѣ.

Точно такъ же она дѣйствовала и въ устроеніи общества. Съ принятіемъ христіанства постоянно возникали отношенія, не укладывавшіяся въ рамки установленнаго порядка. Изъ общественнаго строя выпадали лица, съ которыми законъ не зналъ, что дѣлать. Сирота, увѣчный, больной, вольноотпущенный набожнаго новокрещеннаго господина не знали, къ какому пристать классу, и во имя христіанскаго сострадания вопіяли о помощи. Всѣ такіе брошенные общественные элементы и вошли въ составъ новаго класса русскаго общества, получившаго названіе церковныхъ или богадѣльныхъ людей. Этихъ богадѣльныхъ или церковныхъ людей государство охотно предоставило исключительной заботливости церкви. Это общество было очень пестро по своему составу. Его части обыкновенно перечислялись въ церковныхъ уставахъ, которыми христіанскіе князья Руси, начиная съ перваго изъ нихъ Владиміра Святаго, опредѣляли положеніе церкви въ своемъ государствѣ, указывали судебно-полицейскія и благотворительныя дѣла, которыя поручались церковной власти, и выдѣляли ей изъ своихъ имѣній и доходовъ матеріальныя средства, необходимыя для веденія этихъ дѣлъ. По признакамъ, какими условливалась принадлежность лицъ къ церковному обществу, въ составѣ послѣдняго можно различить такіе разряды: 1, Лица чернаго и бѣлаго духовенства съ семьями послѣдняго. Назначеніе этихъ лицъ — руководить христіанами на пути душевнаго спасенія совершеніемъ таинствъ, пастырскимъ словомъ и живымъ назидательнымъ примѣромъ. То и другое духовенство составлялось изъ лицъ разныхъ классовъ гражданскаго общества, начиная съ князей и кончая холопами. 2, Міряне, служившіе матеріальнымъ нуждамъ церкви. Въ древнихъ церковныхъ

уставахъ изъ такихъ слугъ обыкновенно упоминаются просвирни и свѣщегасъ (церковный служитель при богослуженіи). Къ этому разряду можно причислить и прикладней-холоповъ, пожертвованныхъ церкви. Она обыкновенно возвращала такимъ холопамъ личную свободу и назначала на службу при церковныхъ учрежденіяхъ, которымъ они были пожертвованы. 3., Міряне, занятія которыхъ подлежали ближайшему наблюденію духовенства по ихъ тѣсной связи съ вѣдомствомъ церкви. Таковы были повивальныя бабки и врачи — „бабы-вдовицы" и „лѣчцы", какъ тогда говорили. Тѣ и другіе помогали духовенству слѣдить, все ли новорождающіеся принимаютъ крещеніе, а умирающіе напутствуются по церковнымъ правиламъ. Въ первую пору христіанской жизни Руси, когда многіе, наружно принявши новую вѣру, уклонялись отъ предписываемыхъ ею обязанностей, такое наблюденіе было очень важной заботой церкви. Кромѣ того врачи были обязаны служить въ больницахъ, которыя заводила и содержала церковь.

4., Міряне вслѣдствіе болѣзни или увѣчья лишавшіеся способности работать и нуждавшіеся въ благотворительной поддержкѣ — слѣпые, хромые, вообще калѣки. 5., Міряне, изъ набожныхъ побужденій добровольно становившіеся или чужой волей поставленные въ такое положеніе, которое дѣлало для нихъ необходимой юридическую защиту или матеріальную помощь. Таковы были паломники, путешественники-богомольцы, странники, питавшіеся подаяніемъ и для того становившіеся при храмахъ во время богослуженія; прощеники или пущеники — холопы, отпущенные на волю при жизни господина благотворительнымъ образомъ безъ выкупа. Затѣмъ, задушные люди, рабы, получавшіе свободу по завѣщанію на поминъ души. Наконецъ 6., Міряне по собственной винѣ или несчастной случайности принужденные выступить изъ своего состоянія и лишиться соединенныхъ съ нимъ правъ или средствъ къ жизни. Таковы были сыновья духовныхъ лицъ, по безграмотности лишавшіеся возможности вступить въ духовную службу; купцы, становившіеся несостоятельными должниками и съ потерей капитала принужденные прекратить торговлю; холопы, вы-

купившіеся на волю и остававшіеся безъ общественнаго положенія и опредѣленнаго рода жизни. Наконецъ, князья, преждевременно осиротѣвшіе и остававшіеся безъ княжества, выпадавшіе изъ владѣльческой очереди, по которой потомки Ярослава занимали княжескіе столы въ русской землѣ. Безграмотные сыновья духовенства, обанкротившіеся купцы, выкупившіеся на волю холопы и преждевременно осиротѣвшіе князья — эти четыре разряда лицъ носили въ древне-русскомъ правѣ XII в. названіе изгоевъ. Къ нимъ можно причислить и лицъ монашествующаго духовенства, которые слагали съ себя иночество и возвращались въ міръ. Этотъ разрядъ лицъ въ одномъ изъ списковъ устава Владиміра Св. обозначается словами: „кто порты чернеческіе свержетъ".

Таковъ составъ церковнаго общества по княжескимъ уставамъ XI и XII вв. Я намѣренно подробно перечислилъ его составные элементы, чтобы наглядно обозначить его пестроту. Наружная юридическая особенность, которой оно отдѣлялось отъ гражданскаго общества, состояла въ подсудности. По всѣмъ дѣламъ, по которымъ свѣтскіе люди вѣдались въ княжескомъ судѣ, люди церковные судились духовными судьями — митрополитомъ и епископами, либо ихъ уполномоченными. Съ теченіемъ времени церковное общество стало еще сложнѣе; особенно расширился разрядъ церковныхъ слугъ. Когда церковныя учрежденія стали пріобрѣтать недвижимыя имущества, крестьяне, селившіеся на церковныхъ земляхъ, также получили характеръ церковныхъ людей, подлежали полной либо ограниченной юрисдикціи церковныхъ землевладѣльцевъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Для управленія церковными землями и благотворительными учрежденіями, порученными церкви, для веденія дѣлъ сложной церковной юрисдикціи, съ теченіемъ времени образовался многочисленный штатъ свѣтскихъ слугъ церкви, такихъ же служилыхъ людей, какіе были органами княжескаго, государственнаго суда и управленія, и съ одинаковыми званіями бояръ, стольниковъ, дворянъ и т. д. Митрополичьи бояре и слуги впослѣдствіи даже участвовали въ вооруженной защитѣ страны вмѣстѣ съ княжескими ратными людь-

ми ходили въ походы подъ командой особаго митрополичьяго воеводы.

Все это дѣлало церковное общество по составу очень похожимъ на государственное; за исключеніемъ самого духовенства, первое — церковное общество, состояло изъ такихъ же точно элементовъ, какіе входили въ составъ второго. У церкви были свои бояре и вольные слуги; свои крестьяне и даже горожане; потому что она владѣла не только селами и деревнями, но и цѣлыми городами. Еще въ началѣ XIII в. епископъ владимірскій Симонъ въ посланіи къ кіево-печерскому монаху Поликарпу, писалъ о каѳедральныхъ церквахъ своей епархіи, церкви владимірской и церкви суздальской, сколько имѣютъ онѣ городовъ и селъ и всѣмъ этимъ владѣетъ „моя худость". Въ Уставѣ кн. Всеволода даже предполагается возможность церковныхъ богадѣльныхъ князей. Такимъ образомъ церковное общество не входило въ общій строй государственнаго, какъ однородное, цѣльное сословіе, не становилось въ одинъ рядъ съ другими его классами, а выдѣлялось изъ него, какъ особое параллельное ему общество. Духовенство, руководимое всероссійскимъ митрополитомъ, стояло во главѣ этого общества, какъ правящій классъ, какъ власть, у которой были свои органы управленія и свои подвластные. Итакъ, церковное общество XI и XII вв. нельзя назвать сословіемъ.

Но, при сходствѣ въ составѣ, церковное общество рѣзко отличалось отъ государственнаго по своему устройству. Основанія того и другого были совершенно различны. Положеніе лица въ государственномъ обществѣ опредѣлялось его правами и обязанностями или его экономическимъ состояніемъ; положеніе лицъ въ церковномъ обществѣ опредѣлялось ихъ нравственно-религіознымъ назначеніемъ или степенью нужды въ чужой помощи. Наибольшей властью въ немъ облекались лица, отказавшіеся отъ всѣхъ благъ міра — монахи іерархіи. Наиболѣе привилегированными, т. е. наименѣе обязанными, считались въ немъ люди наиболѣе безпомощные — убогіе и безпріютные. Если государственное общество было похоже на тогдашній большой русскій домъ съ хозяиномъ, приказчиками

и рабочими слугами, то общество церковное было устроено по образцу богадѣльни, въ которой, по евангельскому слову, хотящій быть больше всѣхъ долженъ стать слугою всѣхъ. Такимъ образомъ церковь осложнила общественное движеніе, внесла въ него новые мотивы, поставила общежитію невѣдомыя задачи и, согласно съ ними, заставила людей установиться въ новые ряды и шеренги. Легко замѣтить, что она дѣлила общество совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ государство: послѣднее рѣзало его горизонтально, на политическіе и экономическіе слои, лежавшіе одинъ на другомъ; церковь, напротивъ, дѣлила общество вертикально, сверху внизъ, отрѣзывая куски отъ разныхъ общественныхъ классовъ и для своихъ цѣлей разставляя ихъ совершенно не въ томъ порядкѣ, въ какомъ разставлялъ ихъ государственный законъ.

Но поставивъ рядомъ съ государственнымъ обществомъ свое особое общество, состоявшее изъ одинаковыхъ элементовъ, но устроенное на иныхъ основаніяхъ, церковь оказала сильное дѣйствіе и на составъ самого государственнаго общества. Переработку послѣдняго она вела снизу, съ класса, лежавшаго въ самой глубинѣ его и, слѣдовательно, наиболѣе обремененнаго - съ холопства. Она произвела въ русскомъ рабовладѣльческомъ правѣ такой рѣшительный переломъ, котораго одного было достаточно, чтобы дать церкви мѣсто въ ряду главныхъ силъ, создавшихъ наше общество. Этотъ переломъ обозначился тремя перемѣнами.

Во-первыхъ, церковь ввела въ русское общество обычай благотворительнаго освобожденія рабовъ по завѣщанію. Этотъ обычай былъ принесенъ изъ византійскаго общества, гдѣ его источникомъ было внушаемое христіанамъ сознаніе нравственной несправедливости рабства. Это сознаніе успѣло давно проникнуть въ византійское законодательство. Законъ императора Константина Багрянороднаго, относящійся къ половинѣ X в., постановилъ посвящать Богу третью имущества, оставшагося безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ составъ этой трети отчислялись всѣ рабы, оставшіеся послѣ умершаго, которые при этихъ

получали свободу. Мотивируя этотъ законъ, императоръ призналъ наслѣдственность рабства учрежденіемъ богопротивнымъ и безсовѣстнымъ. Допустить, говоритъ законъ, что и самая смерть господина не разбиваетъ тяготѣющихъ на рабѣ оковъ, значило бы оскорбить святость Божію, мудрость государя, самую совѣсть человѣка. Дѣйствуя во имя этихъ понятій, духовенство рано, путемъ исповѣди и участія въ составленіи завѣщаній, укрѣпило среди рабовладѣльцевъ обычай отпускать по смерти свою челядь или часть ея, чтобы создать изъ отпущенныхъ вѣчныхъ богомольцевъ за освободителя.

Вторая перемѣна состояла въ установленіи случаевъ обязательнаго дароваго отпуска холоповъ на волю. Церковь успѣла установить въ XI и XII вв. три такихъ случая. 1.) Раба, прижившая дѣтей отъ собственнаго господина, по смерти его обязательно освобождалась вмѣстѣ съ прижитыми дѣтьми. 2.) Свободный человѣкъ, совершившій насиліе надъ чужой рабой, тѣмъ самымъ дѣлалъ ее свободной. 3.) Холопъ или раба, которымъ причинено увѣчье по винѣ ихъ господина, становились свободными. Два первые случая обязательнаго дароваго освобожденія не были заимствованы прямо изъ греко-римскаго права: они были плодомъ самостоятельнаго опыта русскаго духовенства въ примѣненіи греко-римскаго и церковнаго права къ туземнымъ нравамъ. Въ греко-римскомъ правѣ очень точно была опредѣлена зависимость юридическаго положенія дѣтей отъ юридическаго состоянія ихъ родителей; это опредѣленіе основывалось на возможности или невозможности законнаго брака между лицами разныхъ состояній, на которыя дѣлилось римское общество. Здѣсь дѣйствовало правило: если родители были люди разныхъ состояній, между которыми законъ допускалъ бракъ, то дѣти наслѣдовали состояніе отца; въ противномъ случаѣ — состояніе матери. Такъ, законъ не допускалъ правильнаго брака свободнаго лица съ несвободнымъ; поэтому дѣти свободнаго и рабы рождались рабами, дѣти свободной и холопа — свободными. Эти опредѣленія имѣли цѣлью оградить интересы, связанные съ правами римскаго

гражданства отъ [illegible] обычнаго пріема чуждыхъ элементовъ въ составъ гражданства. Византійское законодательство усвоило себѣ эти римскія постановленія и, переработавъ ихъ, вносило въ византійскіе кодексы, напримѣръ въ Эклогу, кодексъ VIII в., и въ Прохиронъ, кодексъ IX в. Христіанская церковь была равнодушна къ языческимъ институтамъ, которые ограждались этими опредѣленіями; но она старалась усвоить и охотно принимала лишь тѣ изъ нихъ, подъ защиту которыхъ можно было поставить болѣе дорогіе ей интересы. Такъ, не отвергая прямо неравныхъ браковъ, т. е. брачныхъ союзовъ лицъ различныхъ состояній, между которыми римское право не допускало законныхъ браковъ, церковь, въ интересѣ чистоты семейныхъ нравовъ, провела въ упомянутые кодексы постановленіе, въ силу котораго конфисковалась по закону раба, ставшая наложницей женатаго господина: мѣстный правитель обязанъ былъ продать такую соперницу домохозяйки въ пользу казны за границу области. Далѣе, подъ вліяніемъ духовенства, получилъ болѣе широкое дѣйствіе въ греко-римскомъ правѣ особый способъ отпуска рабовъ на волю, носившій названіе молчаливаго освобожденія — σιωπηρὰ ἐλευθερία, tacita libertas. Такое освобожденіе имѣло мѣсто въ томъ, напр., случаѣ, когда господинъ вступалъ въ связь, какъ съ женой, съ выкупленной имъ плѣнницей. Плѣнница получала свободу въ силу презумпціи, т. е. юридическаго предположенія, что господинъ, вступая съ ней въ связь, тѣмъ самымъ прощалъ ей стоимость выкупа и, слѣдовательно, возвращалъ ей свободу. Въ древне-русскомъ обществѣ долго и по принятіи христіанства господствовали чрезвычайно неопрятныя отношенія къ холопкамъ. Духовенство не имѣло прямыхъ средствъ бороться съ этимъ обычаемъ; оно подступило къ нему осторожно, со стороны. Щадя житейскія привычки и не покидая принесенныхъ изъ Византіи понятій о значеніи общественныхъ состояній въ брачныхъ отношеніяхъ, церковь не принуждала неженатаго господина закрѣплять свою связь съ рабой женитьбой на ней и не разрывала насильственно связи съ ней женатаго господина; она оставляла рабу-наложницу при

томъ и другомъ до его смерти. Но примѣняя къ такимъ римскую презумпцію молчаливаго освобожденія, она требовала, чтобы раба, прижившая дѣтей со своимъ господиномъ, по смерти его получала свободу, право на которую она пріобрѣтала самой связью съ нимъ. Это право переходило съ матери и на прижитыхъ ею дѣтей. Послѣдовательно развивая ту же презумпцію, духовенство русское прилагало ее и къ случаямъ насилія, совершеннымъ свободнымъ человѣкомъ надъ чужою рабой: такая раба получала свободу независимо отъ того, сопровождалось ли насиліе извѣстнымъ положеніемъ или нѣтъ, т. е. учинившій насиліе долженъ былъ выкупить ее у господина. Такъ сложилась въ нашемъ правѣ норма, выраженная въ извѣстной статьѣ Русской Правды, которая гласитъ, что дѣти рабы, прижитыя отъ господина, не участвуютъ въ раздѣлѣ оставшагося послѣ него наслѣдства наравнѣ съ законными наслѣдниками, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Впрочемъ Русская Правда не досказала всего; духовенство добилось большаго. Въ византійскомъ законодательствѣ было точно опредѣлено, какую часть отцовскаго имущества и въ какихъ случаяхъ получали незаконные его дѣти. Примѣняя эти византійскія постановленія, и русское духовенство провело въ законодательство „урочную прелюбодѣйную часть", которая обязательно выдавалась дѣтямъ рабы изъ имущества прижившаго ихъ господина ихъ матери. Эта урочная прелюбодѣйная часть является какъ обязательное постановленіе въ церковномъ новгородскомъ уставѣ Всеволода Мстиславича 1130-хъ годовъ. Я изложилъ историческое происхожденіе двухъ случаевъ обязательнаго дароваго отпуска холоповъ на волю, чтобы показать, какъ русское духовенство примѣняло греко-римское и церковное право къ мѣстнымъ общественнымъ условіямъ.

Третья перемѣна, внесенная церковью въ русское рабовладѣльческое право, состояла въ установленіи принудительнаго выкупа холопа. Греко-римское право въ иныхъ случаяхъ обязывало господина отпускать своего холопа, получая за

него вознагражденіе или выкупъ. Такихъ случаевъ было два: жестокое обращеніе съ холопомъ и выкупъ плѣнника; въ первомъ случаѣ господина принуждали продать холопа въ другія руки, – во второмъ самъ холопъ могъ выкупиться безъ согласія господина. Какъ извѣстно, по греко-римскому праву свободный человѣкъ, попавшій въ плѣнъ къ непріятелю, считался рабомъ и въ своемъ отечествѣ. Тогда всѣ права, которыми онъ пользовался дома, пріостанавливались до его возвращенія. Если соотечественникъ выкупалъ такого плѣнника, послѣдній становился въ личную временную зависимость отъ него, которую могъ прекратить по своей волѣ, уплативши ему условленную сумму. Если онъ не былъ въ состояніи уплатить ее, онъ оставался у выкупившаго какъ бы наемнымъ работникомъ и тогда судебнымъ порядкомъ опредѣлялось, по скольку зачитать плѣннику въ счетъ выкупной суммы каждый годъ его работы. Къ русскому рабовладѣнію X – XII вв. удобно примѣнялось это греко-римское постановленіе о выкупѣ плѣнныхъ. Огромное количество русскихъ рабовъ получалось изъ туземнаго населенія; князья и ихъ дружины, завоевывая непокорныя племена или враждуя между собою, массами обращали туземцевъ въ рабство, продавая ихъ туземнымъ же купцамъ. Примѣняя къ этимъ плѣннымъ туземцамъ греко-римское постановленіе, церковь и дала широкое дѣйствіе обязательному выкупу самими холопами своей свободы. Свободный человѣкъ, продавшійся въ рабство, могъ возвратить себѣ свободу, уплативъ хозяину сумму, за которую тотъ купилъ его. Дѣйствіе этого права мы открываемъ въ памятникахъ XII и XIII вв. Легко видѣть, какъ измѣнилось юридическое значеніе продажи свободнаго лица въ рабство: эта продажа обратилась въ долговое обязательство, создавшее временно-обязанное состояніе, которое холопъ могъ прекратить уплатой долга. Изъ этой перемѣны съ теченіемъ времени и развились сложныя сдѣлки о срочной или безсрочной зависимости, обезпеченной личнымъ закладомъ и въ удѣльные вѣка образовавшей особое полусвободное состояніе — закладней. Съ появленіемъ мысли объ условной зависимости,

изъ холопства изъяты были нѣкоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначаетъ три вида личной зависимости, которые она не признаетъ холопствомъ; это во 1-хъ отдача дѣтей родителями въ работу, 2, вступленіе свободнаго человѣка въ личное услуженіе за одинъ прокормъ и 3, вступленіе въ такое услуженіе за прокормъ съ придаткомъ, т. е. съ платой, выдаваемой впередъ въ видѣ ссуды. Эти виды зависимости Русская Правда характеризуетъ одной общей чертой: дослуживъ до условленнаго срока, такіе слуги могли отходить отъ хозяевъ, ничего не платя имъ, но они не могли уйти и до срока, только уплативъ ссуду или вознаградивъ хозяина за прокормъ по условію. Прежнее русское рабовладѣльческое право не признавало такихъ видовъ условной зависимости.

Вотъ главныя перемѣны, внесенныя церковью въ русское рабовладѣльческое право. Она существенно измѣнила юридическій характеръ русскаго холопства. Прежде это холопство отличалось цѣльностью, однообразіемъ и безусловностью; къ нему была вполнѣ приложима встрѣчаемая въ Прохиронѣ характеристика греко-римскаго рабства: „рабство недѣлимо. Состояніе рабовъ не допускаетъ никакихъ различеній. Про раба нельзя сказать, что онъ рабъ больше или меньше". Теперь въ русское холопство внесены были различія и условность: рядомъ съ полнымъ холопствомъ появляется зависимость ограниченная. Эти перемѣны и сдѣлали возможнымъ появленіе описанныхъ выше двухъ переходныхъ состояній закуповъ и привилегированныхъ холоповъ, т. е. боярскихъ тіуновъ, изъ которыхъ первые не дѣлались холопами не смотря на свою личную зависимость отъ хозяевъ, а вторые пользовались нѣкоторыми правами свободныхъ людей, не смотря на свое холопство. Всѣмъ этимъ было положено начало разложенія древне-русскаго холопства. Вмѣстѣ съ этимъ разложеніемъ росло и юридическое значеніе личности холопа. Дѣти Ярослава запретили дозволенное прежде закономъ убійство холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку. Въ Смоленскомъ договорѣ съ

нѣмцами 1229 г. назначена даже денежная пеня за ударъ, нане-
сенный холопу свободнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ юридическимъ
значеніемъ личности холопа укрѣплялось и его имущественное по-
ложеніе. Первоначально холопъ не могъ имѣть ничего своего. Все,
что онъ пріобрѣталъ, принадлежало его господину. Но съ теченіемъ
времени имущество холопа (статьи Русской Правды, римское
peculium) стало считаться его собственностью, хотя и ограни-
ченной, неполной. Въ упомянутомъ Смоленскомъ договорѣ есть
статья, изъ которой видно, что долгъ холопа княжескаго или
боярскаго свободному человѣку обязанъ платить тотъ, къ кому
переходило по наслѣдству имущество должника. Значитъ, иму-
щество, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ привилегированныхъ хо-
лоповъ переходило по наслѣдству одинаковымъ порядкомъ съ
имуществомъ свободныхъ людей.

Таково было дѣйствіе церкви на составъ общества; оно
было двоякое: 1., церковь усложнила общественное дѣленіе, по-
ставивъ рядомъ съ государственнымъ обществомъ другое, церков-
ное; 2., она начала подкапывать самое основаніе государствен-
наго общества, измѣняя положеніе холопства. Она измѣня-
ла его въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она стѣсняла предѣ-
лы холопства, выдѣляя изъ него нѣкоторые виды зависимости;
во-вторыхъ, она размыкала холопство, открывая выходъ изъ
него въ свободныя состоянія.—

VIII.

Удѣльный періодъ исторіи русскихъ сословій.

Основные источники для изученія этого періода.— Новая сословная терминологія удѣльнаго времени.— Видимое сходство сословнаго дѣленія удѣльныхъ обществъ съ прежнимъ.— Перемѣна въ характерѣ верховной власти.— Исчезновеніе мысли о политическомъ подданствѣ.— Гражданскій договоръ и личное подданство какъ основанія политическаго порядка въ удѣльныхъ княжествахъ.— Отношенія къ князьямъ бояръ и слугъ вольныхъ.—

Обращаемся къ изученію второго, такъ называемаго удѣль-

наго періода исторіи русскихъ сословій. Выше обозначены хронологическими границами этого періода начало XIII и половина XV в. Удѣльный періодъ — это не только особое хронологическое, но и особое географическое пространство. Общественныя отношенія, установившіяся въ удѣльные вѣка, выросли не изъ той исторической почвы, которая была родиной изученныхъ нами общественныхъ отношеній предшествующаго періода. Старыя коренныя области Кіевской Руси въ продолженіе удѣльнаго времени сперва сохраняли общественный складъ, установившійся въ XI и XII вв., а потомъ стали измѣнять его подъ дѣйствіемъ чуждыхъ вліяній. Эти вліянія были приносимы въ общество юго-западной Руси съ конца XIII в. ея подчиненіемъ Литвѣ, а съ конца XIV в. династическимъ соединеніемъ Литвы съ Польшей. Общественныя отношенія, созданныя туземными условіями и бывшія плодомъ самороднаго развитія, дѣйствовали не въ старой Днѣпровской, а въ новой верхне-волжской Руси, которая еще въ началѣ XII вѣка была пустынной сѣверо-восточной окраиной русской земли и стала новой Русью благодаря усиленному притоку колонизаціи изъ старыхъ днѣпровскихъ областей. Кто слушалъ изложеніе общаго курса отечественной исторіи, тотъ припомнитъ, какъ и когда совершилось это обрусеніе финскаго Поволжья.

Основными источниками для изученія русскихъ сословій въ удѣльные вѣка служатъ духовныя и договорныя грамоты удѣльныхъ князей, преимущественно московскихъ. Это очень обильные источники. Мы имѣемъ 16 духовныхъ грамотъ, начиная съ грамоты великаго князя Ивана Калиты, составленной около 1328 г. и кончая двумя духовными великаго князя Василія Темнаго, писанными около 1462 г. Кромѣ этихъ духовныхъ грамотъ, сохранился рядъ договорныхъ, числомъ 51-на, начиная съ договора сыновей Калиты 1341 г. и кончая договоромъ Василія Темнаго съ боровскимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ около 1456 г. Къ этимъ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ можно присоединить еще и рядъ такихъ же грамотъ великаго князя Ивана III, потому что и онѣ изображаютъ еще вполнѣ удѣльныя отношенія. Эти источники обильны не только

по количеству актовъ, но и по качеству историческихъ данныхъ. Въ послѣднемъ отношеніи духовныя и договорныя грамоты не уступаютъ Русской Правдѣ и церковнымъ уставамъ князей XI и XII вв.; только онѣ изображаютъ общественныя отношенія нѣсколько съ иной стороны. Русская Правда и церковные уставы — цѣльныя уложенія, не лишенныя нѣкоторой системы; онѣ даютъ намъ общеобязательныя положенія, постоянныя юридическія нормы, но не показываютъ ни ихъ казуальнаго примѣненія, ни практическихъ послѣдствій. Напротивъ, въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ мы находимъ или конкретныя распоряженія завѣщателей, или временныя соглашенія, которыми устанавливались измѣнчивыя отношенія князей и которыя часто сами вызывались случайными обстоятельствами или минутными разсчетами договаривавшихся сторонъ. Эти акты указываютъ казуальное приложеніе общихъ нормъ, практическое дѣйствіе существовавшаго общественнаго порядка, но не формулируютъ самыхъ нормъ, не вскрываютъ основаній этого порядка. То и другое надобно выводить путемъ заключеній отъ практическихъ случаевъ къ общимъ правиламъ, отъ послѣдствій къ основаніямъ. Потому духовныя и договорныя грамоты задаютъ болѣе сложную и трудную работу тому, кто по нимъ изучаетъ общество; за то онѣ и глубже вводятъ изучающаго въ составъ общества, даютъ ему яснѣе видѣть и нагляднѣе представить дѣйствовавшія въ немъ отношенія. По нимъ мы наблюдаемъ не сухой остовъ общества, не соціальную схему времени, а живую общественную организацію, цѣльную картину сословныхъ отношеній.

Въ этихъ грамотахъ изображается исключительно государственное общество удѣльныхъ вѣковъ; общество церковное потерпѣло въ это время мало измѣненій. Изучая составъ государственнаго общества по духовнымъ и договорнымъ грамотамъ, прежде всего встрѣчаемъ новую сословную терминологію. Названіе „княжихъ мужей" для высшаго класса общества теперь исчезаетъ, замѣняясь званіемъ бояръ, которое, сохраняя прежнее экономическое значеніе привилегированныхъ землевла-

дѣльцевъ, получаетъ новое значеніе юридическое: это высшій классъ служилаго сословія. Точно также и младшая дружина, носившая прежде названіе „дѣтскихъ" или „отроковъ" теперь обозначается терминомъ дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ, слугъ дворныхъ или дворянъ. Повидимому, классъ дѣтей боярскихъ былъ только составною частью класса слугъ вольныхъ, выдѣлившейся изъ него своимъ происхожденіемъ. Это - члены младшей дружины, но происходившіе изъ боярскихъ фамилій, принадлежавшихъ къ старшей дружинѣ. Они назывались дѣтьми боярскими, пока не успѣвали получить званія своихъ отцовъ. Точно также и неслужилое населеніе носитъ въ актахъ удѣльнаго времени новыя званія. Въ Кіевской Руси XII в. это населеніе называлось просто „людьми" и распадалось на два класса - на горожанъ и на смердовъ, т.е. сельскихъ обывателей. Теперь городскіе и сельскіе тяглые люди носятъ одинаковое названіе людей черныхъ или земскихъ; законъ не различаетъ горожанъ и сельчанъ. Въ договорныхъ грамотахъ князья повторяютъ условіе, которымъ они взаимно обязывались не покупать у черныхъ людей ни дворовъ въ городѣ, ни земли въ селѣ. Даже холопы являются съ новымъ названіемъ. Русская Правда, какъ мы знаемъ, не различала видовъ холопства, зная только одно холопство - обельное. Теперь полные холопы называются челядью дерноватой. Это тѣ же полные холопы; новое названіе произошло отъ дерна, который при покупкѣ холопа служилъ символическимъ знакомъ, указывавшимъ на то, что лицо или вещь пріобрѣтались въ полную собственность. Въ удѣльное время является и новый видъ укрѣпленія холопства. Это - письменная крѣпость, носившая названіе грамоты дерноватой.

Не смотря на новую сословную терминологію, можно подумать, что общественное дѣленіе въ удѣльные вѣка оставалось прежнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ новыми сословными названіями можно распознать три знакомые намъ по Русской Правдѣ разряда лицъ. Общество удѣльнаго времени, повидимому, также дѣлилось на прежніе три класса: на людей служилыхъ, которые лично служили князю; на людей тяглыхъ, которые міромъ платили князю, и наконецъ, на холоповъ, служив-

лицахъ частнымъ лицамъ. Но разсматривая ближе отношенія этихъ трехъ разрядовъ или классовъ къ удѣльнымъ князьямъ, замѣчаемъ существенную перемѣну, какая въ нихъ совершилась. Перемѣна эта стоитъ въ тѣсной связи съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя. Удѣльные князья верхне-волжской Руси XIII и XIV вв. были дальнѣйшими потомками того-же княжескаго рода, который владѣлъ русской землей въ XI и XII вв. Но по своему политическому характеру эти потомки далеко не были похожи на своихъ предковъ XII вѣка. Въ XII в. русской землей владѣлъ цѣлый княжескій родъ; отдѣльные члены рода имѣли политическое значеніе не сами по себѣ, не какъ одинокія лица, а какъ звенья, входившія въ составъ одной родственной цѣпи князей. Слѣдовательно, верховная власть въ то время была не единоличной, а собирательной. Управляемое общество было связано съ нею отношеніями политическаго подданства, т. е. обязательнаго подчиненія по закону, отношеніями, которыя не зависѣли отъ частныхъ сдѣлокъ или личныхъ соглашеній. Совсѣмъ иной характеръ получила верховная власть, когда ея носителями стали удѣльные князья; это были одинокіе самостоятельные владѣльцы, никакими постоянными политическими отношеніями не связанные другъ съ другомъ. По смерти этого политическаго единенія падало и правительственное значеніе удѣльнаго князя; въ границахъ своего удѣла онъ былъ собственно не политическій правитель, а частный владѣлецъ. Его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ имъ не управлялъ, а эксплуатировалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи удѣла, но только территоріи съ принадлежащими ей угодьями. Люди, свободныя лица, юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ въ удѣльное княжество, работалъ и уходилъ изъ него, былъ для него политической случайностью. Князь не видѣлъ въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Онъ пользовался извѣстными верховными правами въ своемъ удѣлѣ, законодательствовалъ, судилъ, вообще правилъ; но свободные люди подчинялись этимъ верховнымъ

правами князя, пока оставались въ его княжествѣ, въ силу договора съ нимъ, который всегда могъ быть разорванъ той и другой стороной. Слѣдовательно, политическія права князя вытекали изъ его гражданскихъ сдѣлокъ съ свободнымъ населеніемъ удѣла. Слово „государь" на языкѣ того времени обозначало личную власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ. Удѣльный князь, подобно всякому землевладѣльцу, имѣлъ такихъ холоповъ; они одни были его личными подданными. Благодаря всему этому, удѣльное владѣніе по своему юридическому характеру приблизилось къ простому частному землевладѣнію. Итакъ, существенная перемѣна, которая произошла въ характерѣ верховной власти, состояла въ исчезновеніи политическаго подданства и въ замѣнѣ его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сдѣлкѣ. Удѣльные князья были болѣе гражданскими владѣльцами своихъ удѣльныхъ территорій, чѣмъ политическими правителями удѣльныхъ обществъ.

Эта перемѣна и измѣнила характеръ отношеній къ князю всѣхъ свободныхъ классовъ удѣльнаго общества. Теперь свободные обыватели удѣла были связаны съ княземъ не отношеніями обязательнаго подданства, а временными обязательствами, вытекавшими изъ договора съ нимъ. Эти обязательства по юридическому существу своему были одинаковы съ тѣми, какими связывались частныя свободныя лица между собою. Точно также и личные подданные князя, его холопы, принадлежали ему совершенно на томъ же правѣ, по какому владѣли холопами частныя свободныя лица. Итакъ гражданскій договоръ и личное подданство — вотъ два основанія политическаго порядка въ удѣльномъ княжествѣ. Достаточно сдѣлать бѣглый обзоръ отношеній къ князю свободнаго и несвободнаго населенія удѣльнаго княжества, чтобы замѣтить оба эти основанія. Начнемъ съ классовъ, отношенія которыхъ къ князю опредѣлялись договоромъ.

Во главѣ общества стояли служилые люди, распадавшіеся на два класса — бояръ и слугъ вольныхъ или дворянъ. Духовныя и договорныя грамоты очень точно обозначаютъ отношенія

этихъ классовъ къ князю. Въ ихъ опредѣленіяхъ проведено прежде всего строгое разграниченіе двухъ порядковъ отношеній. Бояре и слуги вольные имѣли въ удѣльныхъ княжествахъ двоякое значеніе; — служебное и экономическое; они были орудіями княжескаго управленія и составляли его боевую силу; съ другой стороны они составляли классъ личныхъ землевладѣльцевъ. Духовныя и договорныя грамоты строго отдѣляютъ служебныя отношенія отъ имущественныхъ, поземельныхъ. Служебныя обязанности носили чисто личный характеръ и не падали на землевладѣніе служилыхъ людей. Точно также и землевладѣніе бояръ и слугъ вольныхъ не стояло ни въ какой зависимости отъ ихъ служебныхъ отношеній. Это строгое разграниченіе основывалось на правѣ вольной службы, которымъ пользовались бояре и вольные слуги. Это право состояло въ томъ, что вольный слуга могъ свободно выбирать себѣ мѣсто службы среди удѣльныхъ княжескихъ дворовъ. Это право сложилось еще въ предшествующій періодъ; его источникомъ было сосредоточеніе верховной власти въ цѣломъ княжескомъ родѣ, составлявшее особенность политическаго порядка въ тотъ періодъ. Такъ какъ власть принадлежала всему роду, сообща владѣвшему русской землей, то не было препятствій для служилыхъ людей переходить отъ одного князя-родича къ другому. Когда верховная власть разбилась между удѣльными князьями, старый обычай удержался при помощи воспоминанія объ ихъ родственномъ происхожденіи и выражался въ договорныхъ грамотахъ какъ право служилыхъ людей. Форму этого права встрѣчаемъ въ договорѣ Калитиныхъ сыновей 1341 г. Здѣсь младшіе братья говорятъ старшему великому князю Семену: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля: кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ и къ великому князю или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати (вражды за пріемъ отъѣхавшихъ слугъ намъ другъ къ другу не имѣть)". Переѣзжая на службу къ другому князю, вольный слуга не лишался вотчины, пріобрѣтенной имъ въ покинутомъ княжествѣ. Отсюда и вышло то обычное явленіе, что иные вольные слуги служили въ одномъ княжествѣ, а владѣли землями въ другомъ.

Это явленіе и побуждало точно отдѣлять служебныя отношенія вольныхъ слугъ отъ поземельныхъ. Договорныя и духовныя грамоты довольно подробно опредѣляютъ тотъ и другой порядокъ отношеній бояръ и вольныхъ слугъ.

1, Какъ землевладѣлецъ, вольной слуга несъ связанныя съ тогдашнимъ землевладѣніемъ повинности въ пользу того князя, въ удѣлѣ котораго находилась его вотчина. Это отношеніе къ князю по мѣсту землевладѣнія выражалось въ формулѣ „судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ". Это значило, что судъ по поземельнымъ дѣламъ служилаго человѣка, какъ и право облагать данью его вотчину принадлежало тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась эта вотчина. 2, Какъ служилый человѣкъ, вольный слуга несъ извѣстныя повинности въ пользу того князя, которому служилъ. Въ походахъ бояре и вольные слуги становились подъ знаменами этого князя, а не того, въ чьемъ удѣлѣ владѣли землей. Значитъ, ихъ служба носила чисто личный характеръ, падала на служилое лицо, а не на его поземельную собственность. Впрочемъ, была одна военная повинность, которая падала на служилое лицо по землѣ, привязывая его не къ тому князю, которому онъ служилъ, а къ тому, въ удѣлѣ котораго владѣлъ землей. Если городъ подвергался непріятельскому нападенію, осадѣ, защищать его были обязаны всѣ землевладѣльцы его уѣзда, даже тѣ, которые служили въ удѣлѣ другаго князя. Эта повинность называлась *городной осадой*. Она такъ выражена въ договорѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями 1405 г.: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, подъѣхати ему (идти въ походъ) съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ сѣсти". Послѣднія слова значатъ, что въ случаѣ осады города въ немъ должны садиться для его защиты всѣ землевладѣльцы его уѣзда, не разбирая, какому князю кто изъ нихъ служитъ.

Такъ опредѣлялись служебныя и поземельныя отношенія бояръ удѣльнаго времени. Легко замѣтить общее основаніе, на которомъ строились всѣ эти опредѣленія: такимъ основа-

мѣстъ служилъ договоръ слуги съ княземъ, а не общій законъ. Въ служебныхъ отношеніяхъ это основаніе очевидно само собою. Указаніе на него мы встрѣчаемъ въ одномъ разсказѣ лѣтописи. Въ 1378 г., по причинѣ смуты въ Литвѣ, къ великому московскому князю пріѣхалъ на службу князь Трубчевскій Димитрій Ольгердовичъ; онъ, по словамъ лѣтописи, „урядился у великаго князя московскаго и взялъ крѣпость и рядъ". Великій князь съ честью принялъ знатнаго слугу и далъ ему „крѣпость и рядъ". Такимъ образомъ служебное положеніе слуги при княжескомъ дворѣ закрѣплялось „рядомъ" — личнымъ договоромъ. Но то же основаніе можно замѣтить и въ поземельныхъ отношеніяхъ вольныхъ слугъ къ князю. Вольные слуги пріобрѣтали земли въ удѣлѣ съ разрѣшенія его князя и владѣли ею на условіяхъ, которыя опредѣлялись ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Вотъ почему эти условія въ удѣльное время были чрезвычайно разнообразны. Князья давали служилымъ землевладѣльцамъ большую или меньшую судебную власть въ ихъ вотчинахъ и освобождали послѣднія отъ тѣхъ или другихъ поземельныхъ даней и повинностей.

IX.

Отношенія <u>черныхъ</u> или <u>земскихъ</u> людей къ удѣльному князю. — Слуги „<u>подъ дворскимъ</u>" какъ переходной классъ между служилыми и черными людьми. — Характеръ состоянія отношеній къ князю, вытекавшихъ изъ договора. — Дѣйствіе договора на личное подданство. — Холопы и ихъ хозяйственные разряды. — Закладни какъ переходной классъ между свободными людьми и холопами. — Отношенія общественнаго дѣленія въ удѣльные вѣка къ предшествующимъ. —

Изучая положеніе бояръ и вольныхъ слугъ въ удѣльныхъ княжествахъ, мы видѣли, что ихъ отношенія къ князю опредѣлялись гражданскимъ договоромъ съ послѣднимъ. Отношенія черныхъ или тяглыхъ людей въ удѣльныхъ княжествахъ установились на томъ же основаніи: только черной человѣкъ не договаривался съ княземъ прямо, какъ договаривался бояринъ или слу-

га вольный. Это различіе объясняется отношеніемъ князя къ различнымъ разрядамъ земель въ его удѣлѣ. Всѣ земли въ удѣльномъ княжествѣ можно раздѣлить на два разряда: одни находились въ непосредственномъ владѣніи князя, другія онъ уступалъ въ собственность частнымъ владѣльцамъ — лицамъ и учрежденіямъ, сохраняя надъ ними только права верховнаго вотчинника, т. е. право суда и дани, или даже уступая и эти права цѣликомъ или по частямъ частнымъ собственникамъ вмѣстѣ съ другими правами владѣнія. Земли перваго разряда князь большей частью отдавалъ въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ чернымъ людямъ, городскимъ или сельскимъ, но не каждому лицу порознь, а цѣлымъ обществамъ, обязывая ихъ круговой порукой въ исполненіи условій пользованія. Земли владѣльческія раздавались въ пользованіе тѣмъ же чернымъ людямъ самими владѣльцами на условіяхъ, ими назначаемыхъ, но въ число этихъ условій входили дани и повинности, которыхъ требовалъ удѣльный князь со всѣхъ черныхъ людей, работавшихъ въ его княжествѣ. Черный человѣкъ договаривался или съ обществомъ, въ которое онъ вступалъ, или съ землевладѣльцемъ, въ вотчинѣ котораго селился. Но соглашеніе съ тѣмъ и другимъ было косвеннымъ договоромъ съ самимъ княземъ, въ удѣлѣ котораго онъ селился, потому что требованіями князя опредѣлялись исключительно или преимущественно тѣ условія, на которыхъ предлагали черному человѣку землю тяглое общество или землевладѣлецъ. Если черный человѣкъ не соглашался на эти условія, онъ могъ перейти въ другое княжество. Это право перехода всегда признавалось за черными людьми наравнѣ съ боярами и слугами вольными. Въ жалованныхъ грамотахъ князья предоставляли частнымъ землевладѣльцамъ право призывать на свои земли тяглыхъ людей и изъ чужихъ княжествъ, не считая перехода по такому призыву незаконнымъ побѣгомъ. Въ договорной грамотѣ рязанскихъ князей 1496 г. крестьяне въ правѣ перехода изъ одного княжества въ другое прямо уравнены съ людьми высшихъ классовъ: „А бояромъ, говорятъ договаривающіеся князья братья, и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ

насъ вольнымъ воля". При такой свободѣ перехода крестьяне, жившіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ удѣльные вѣка сдѣлали важное юридическое пріобрѣтеніе. Во времена Русской Правды ролейный закупъ, владѣльческій крестьянинъ-должникъ, становился холопомъ своего владѣльца, если уходилъ отъ него, не возвративъ полученной ссуды; въ XV в. такого крестьянина иногда возвращали къ покинутому владѣльцу до уплаты ссуды, а иногда только обязывали уплатить ссуду въ два года, притомъ безъ процентовъ, но ни въ какомъ случаѣ не лишали личной свободы. Поступокъ крестьянина, за который въ XII в. Русская Правда карала, какъ за тяжкое преступленіе, въ XV в. законъ считалъ простымъ гражданскимъ правонарушеніемъ.

Классъ черныхъ людей связывался съ классомъ слугъ вольныхъ однимъ переходнымъ состояніемъ. То былъ классъ, носившій названіе слугъ „подъ дворскимъ" или слугъ дворцовыхъ. Кромѣ слугъ вольныхъ, которые несли ратную службу князю, при дворѣ послѣдняго находились еще слуги, несшіе различныя хозяйственныя службы по дворцовому вѣдомству. То были: дьяки, подъячіе, псари, конюхи, садовники, бортники (дворцовые пчеловоды) и другіе ремесленники и чернорабочіе люди. Юридически они распадались на два слоя: одни изъ нихъ были крѣпостные холопы князя, другіе — лично свободные люди. Эти послѣдніе за свои услуги князю получали отъ него участки земли въ пользованіе. Въ отличіе отъ холоповъ, которые несли тѣ же хозяйственныя службы, эти дворцовые слуги и назывались „слугами, что подъ дворскимъ". Такое названіе произошло оттого, что главнымъ ихъ управителемъ былъ княжескій дворецкій или „дворскій". Эти слуги пользовались полученными отъ князя участками земли, пока состояли на службѣ. Но они, какъ и вольные люди, могли покинуть ее и перейти на службу къ другому князю; только вмѣстѣ съ тѣмъ они лишались и своихъ земельныхъ участковъ. Ихъ отношеніе къ князю всего точнѣе опредѣляется въ одномъ мѣстѣ духовной грамоты удѣльнаго серпуховскаго князя Владиміра 1410 г.; говоря о дворцовыхъ слугахъ — псаряхъ, конюхахъ, садовникахъ, бобровникахъ, пользовавшихся

участками княжеской земли, завѣщатель замѣчаетъ: „а кто изъ нихъ не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ; поди прочь, а сами сыну моему князю Ивану не надобны, на которыхъ грамоты полной не будетъ, а земли ихъ сыну моему князю Ивану". Смыслъ этого мѣста таковъ: дворцовые слуги, лично свободные, а не холопы полные, если не захотятъ служить дѣтямъ завѣщателя, могутъ уйти отъ него, но земли ихъ отъ нихъ отнимаются и переходятъ къ наслѣдникамъ завѣщателя. Итакъ дворцовые слуги получали отъ князя земельные участки не въ собственность, а только во временное пользованіе. Повидимому, они даже лишены были права пріобрѣтать какую либо землю въ собственность; такъ можно заключить изъ другаго мѣста той же духовной грамоты. Въ числѣ дворцовыхъ слугъ находились и княжескіе ключники, которыми были какъ свободныя лица, такъ и холопы. О ключникахъ свободныхъ завѣщатель замѣчаетъ: „а что мои ключники некупленные (т.е. свободные), а покупали деревни за моимъ ключемъ; сами ключники дѣтямъ моимъ не надобны, а деревни ихъ дѣтямъ моимъ, въ чьемъ будутъ удѣлѣ". Итакъ, даже свободные ключники, которые, занимая эту должность, покупали себѣ деревни въ удѣлѣ, покидая службу князю, лишались и этихъ купленныхъ деревень. Купля - актъ, которымъ пріобрѣтается вещь въ собственность; значитъ, свободные ключники могли куплей пріобрѣтать деревни только въ условную собственность, обусловленную службой извѣстному князю, чѣмъ они отличались отъ бояръ и слугъ вольныхъ. Все это сообщало дворцовымъ слугамъ характеръ переходнаго класса, стоявшаго между вольными слугами и черными людьми и совмѣщавшаго въ себѣ нѣкоторыя особенности тѣхъ и другихъ. Подобно слугамъ вольнымъ, они несли личную службу князю, но эта служба была не военная, а хозяйственная, приносившая князю прямую имущественную пользу, какую приносили ему и черные люди, и князь извлекалъ эту пользу изъ дворцовыхъ слугъ такъ же, какъ и изъ черныхъ людей, въ видѣ работы на дворецъ или въ видѣ оброка въ дворцовую казну съ той земли, которой они пользовались; только и оброки и работы падали на дворцо-

выхъ слугъ по личному назначенію князя, какъ падала ратная служба на вольныхъ слугъ, а не по мірской разверсткѣ, какъ падало тягло на черныхъ людей. Наконецъ, подобно послѣднимъ, дворцовые слуги могли лишь пользоваться княжеской землей, но не могли пріобрѣтать ничьей земли въ княжествѣ на правѣ собственности, какъ пріобрѣтали ее бояре и вольные слуги. Значитъ, одной стороной своего положенія дворцовые слуги соприкасались со слугами вольными, а другой – съ черными людьми.

Такимъ образомъ отношенія всѣхъ свободныхъ классовъ удѣльнаго общества къ князю вытекали изъ гражданскаго договора. Такой источникъ сообщалъ имъ характеръ сдѣлокъ, основанныхъ на обоюдномъ соглашеніи интересовъ – на обмѣнѣ услугъ и выгодъ. Князь покупалъ трудъ свободнаго человѣка, платя ему за это какой-либо статьей его хозяйства. Свойство этой статьи соотвѣтствовало роду труда, какой покупалъ князь у свободныхъ людей, и той цѣнѣ, какую онъ придавалъ покупаемому труду. Этотъ обмѣнъ очень явственно обозначенъ въ княжескихъ грамотахъ удѣльнаго времени и по нимъ легко усмотрѣть сословныя особенности, которыми различались классы удѣльнаго общества. Служилые люди не составляли однороднаго плотнаго сословія; они распадались на два класса, соотвѣтствовавшіе старшей и младшей дружинѣ XII в. – на бояръ и вольныхъ слугъ. Бояре служили князю правительственнымъ совѣтомъ, составляли его Думу, занимали высшія должности по управленію военному и гражданскому, центральному какъ и областному, были ближайшими сотрудниками князя и руководящими органами удѣльнаго управленія и суда. За эти услуги князь платилъ имъ кормленіями – такъ называлось пользованіе доходами, какіе соединены были съ высшими должностями по центральному и по областному управленію. Въ княжескихъ грамотахъ иногда обозначался самый размѣръ этихъ кормленій; такъ великій князь Семенъ въ духовной своей, отказывая свой удѣлъ женѣ, замѣчаетъ о своихъ боярахъ: „кто изъ моихъ бояръ станетъ служить моей княгинѣ и займетъ какую-либо должность, тотъ будетъ отдавать моей княгинѣ

половину получаемаго отъ этой должности дохода."(*) Значитъ, доходъ выбиралъ изъ управляемаго общества самъ управитель-кормленщикъ, дѣлясь имъ съ княгиней пополамъ. Слуги вольные несли рядовую ратную службу князю, составляли его боевую силу и за это князь платилъ имъ доводомъ — такъ назывались второстепенныя и низшія должности по удѣльному управленію съ административно-судебными доходами, какіе были съ ними соединены. Кормленіе — доходъ отъ должности по высшему управленію; доводъ — отъ должности по управленію низшему. Этимъ различіемъ вознагражденія за службу объясняется одно условіе въ договорѣ сыновей Калиты 1341 г.; договаривающіеся князья-братья подтверждаютъ право всѣхъ вольныхъ слугъ, высшихъ и низшихъ, бояръ и дворянъ, выбирать родъ и мѣсто службы: „а вольнымъ слугамъ воля, кто въ кормленіи бывалъ и въ доводѣ при отцѣ нашемъ и при насъ". Былъ и другой способъ вознагражденія за службу служилыхъ людей высшихъ и низшихъ — землевладѣніе. Князья позволяли имъ покупать земли въ своихъ удѣлахъ, даже сами жаловали имъ земельныя имущества на правѣ собственности, и какъ жалованныя, такъ и купленныя имѣнія надѣляли различными судебными и податными льготами. Мы видѣли, что это служилое землевладѣніе въ удѣльные вѣка не было связано съ служебными отношеніями землевладѣльцевъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ былъ распространенъ въ удѣльныхъ княжествахъ и даже дѣйствовалъ ли гдѣ нибудь третій способъ вознагражденія за вольную службу — денежное жалованіе, которое тѣмъ отличалось отъ судебно-административнаго кормленія, что выдавалось служилому человѣку изъ княжеской казны, а не выбиралось изъ управляемаго населенія прямо самимъ кормленщикомъ. Но объ этомъ жалованіи, „урокъ", какъ говорили въ старину, вспоминаетъ одинъ лѣтописецъ удѣльнаго времени какъ о способѣ вознагражденія за службу, когда-то употреблявшемся на Руси при „древнихъ князьяхъ". Тѣ князья,

(*) А кто моихъ бояръ имѣетъ служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, даютъ княгинѣ моей прибытка половину. Собр. Гос. Гр. и Догов., т. I, № 24.

замѣчаетъ лѣтописецъ, бросая косвенный упрекъ своему времени, что князья не копили много имѣнія, не отягощали людей вымышленными вирами и продажами (судебными пошлинами), но собирали только правыя виры и раздавали ихъ дружинѣ на оружіе; а дружина кормилась этимъ и воевала чужія страны, ободряя себя боевымъ кликомъ: „потрудимся братья для своего князя и для русской земли!" Дворцовые слуги несли хозяйственную службу князю, платили ему хозяйственнымъ личнымъ трудомъ за пользованіе земельными участками, которые отъ него получали. Черные люди, городскіе и сельскіе, снимали у князей земли городскія, торгово-промысловыя, или сельскія, пахотныя, и за это тянули тягло, работали на князя либо платили ему. Таковъ былъ обмѣнъ услугъ и выгодъ, которымъ опредѣлялись отношенія всѣхъ свободныхъ классовъ удѣльнаго общества къ князю.

Что такое всѣ эти сословныя различія въ юридическомъ смыслѣ? суть ли они сословныя права и обязанности въ политическомъ значеніи этихъ словъ? Общественные классы, которые различались указанными отношеніями, можно ли назвать сословіями въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Эти классы различались своими отношеніями къ князю такъ же, какъ различались классы русскаго общества XI и XII вв. Но теперь эти отношенія были не обязательныя, а добровольныя, вытекали не изъ общаго закона, а изъ частнаго договора съ княземъ. Условія этого договора различались по роду услугъ, какія обязывались дѣлать въ пользу князя люди разныхъ классовъ, и по свойству выгодъ, какія они получали въ вознагражденіе за эти услуги. Бояре и слуги вольные, городскіе и сельскіе обыватели, слуги дворцовые были не подданные князя, а либо его служилые наемники, либо арендаторы его земли, либо то и другое вмѣстѣ. Поэтому повинности, какія несли они въ пользу князя, были не столько государственныя обязанности, сколько личныя хозяйственныя обязательства. Согласно съ этимъ и преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждалъ ихъ за оказываемыя ему услуги.

Права и обязанности въ политическомъ смыслѣ слова вытекають изъ общаго постояннаго закона и имѣють цѣлью общее благо. Преимущества и обязательства, которыми различались классы удѣльнаго общества, вытекали изъ гражданскаго договора съ княземъ и имѣли цѣлью частныя выгоды, частные интересы договаривавшихся сторонъ. Изъ такого характера отношеній различныхъ классовъ удѣльнаго общества къ князю вытекала необходимо подвижность общественныхъ состояній. Если положеніе въ обществѣ опредѣлялось соглашеніемъ съ княземъ, то это положеніе не могло быть наслѣдственнымъ и должно было часто мѣняться. Удѣльное общество отличалось подвижностью и измѣнчивостью состояній; слуги дворцовые легко переходили какъ въ разрядъ слугъ вольныхъ, такъ и въ классъ людей черныхъ; даже черные люди становились слугами дворцовыми и могли переходить въ разрядъ слугъ вольныхъ. Князья, правда, старались сдерживать это колебаніе общественныхъ состояній; въ ихъ договорныхъ грамотахъ замѣтно стремленіе замкнуть отдѣльные классы, преимущественно высшіе – бояръ и слугъ вольныхъ, закрывая доступъ въ эти состоянія людямъ несвоимъ. Такъ въ упомянутой уже мною духовной Владиміра Серпуховскаго мы встрѣчаемъ совѣтъ его наслѣдникамъ: „а боярамъ и слугамъ, которые не подъ дворскимъ – вольнымъ воля; а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои межъ собой на службу не принимаютъ.“ Князь-завѣщатель совѣтуетъ наслѣдникамъ не принимать на ратную службу дворцовыхъ слугъ. Такое же условіе встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ великаго князя Димитрія Донскаго съ упомянутымъ удѣльнымъ серпуховскимъ княземъ: „которые слуги тянутъ къ дворскому, а черные люди къ сотнику, тѣхъ намъ въ службу не принимать, а смотрѣть намъ за ними сообща.“ Но самое появленіе этого условія въ договорной грамотѣ показываетъ, что она шла въ разрѣзъ съ установившимся порядкомъ. Князья старались прекратить постоянное передвиженіе лицъ изъ одного состоянія въ другое, вводя это какъ новую мѣру, которая была посягательствомъ князей на дѣйствующее право во имя порядка и правительственнаго правила.

Такъ устроены были въ удѣльныхъ княжествахъ свободные общественные классы. Но, кромѣ свободныхъ состояній внутри удѣльнаго общества лежалъ еще классъ несвободный. Люди этого класса находились въ личномъ подданствѣ у князя или у лицъ высшихъ состояній. Личное подданство основывалось на частной сдѣлкѣ, а не на общемъ законѣ; такими зависимыми лично людьми были холопы. Ихъ юридическое состояніе не измѣнилось въ удѣльные вѣка, но за то измѣнилось ихъ состояніе экономическое. Дѣйствіе основнаго принципа удѣльнаго устройства, который дѣлилъ общество на классы болѣе по экономическимъ, чѣмъ юридическимъ признакамъ, отразилось на холопствѣ чрезвычайною дробностью дѣленія его на хозяйственные разряды. Въ удѣльномъ княжествѣ и прежде всего при дворѣ удѣльнаго князя многочисленные холопы дѣлились на два главныхъ разряда: на холоповъ большихъ и меньшихъ. Большіе холопы раздѣлялись въ свою очередь на два слоя – на людей служилыхъ и на людей приказныхъ; служилые люди были походными спутниками князя или вольныхъ слугъ; приказные люди служили по хозяйственному управленію князя или его бояръ, были ихъ приказчиками, ключниками, дьяками и т. п. Отъ большихъ холоповъ отличались меньшіе, носившіе общее названіе дѣлюевъ или дѣловыхъ людей. Это – чернорабочая челядь. „Дѣловые" люди въ свою очередь раздѣлялись на два разряда – на людей дворовыхъ, исправлявшихъ низшія дворовыя и на людей страдныхъ – холоповъ, посаженныхъ на землю и обрабатывавшихъ либо участки дворовой земли, либо участки, данные имъ въ пользованіе за оброкъ. Юридически несвободные люди всѣхъ этихъ хозяйственныхъ разрядовъ были холопы полные. Такимъ образомъ, оставаясь въ прежнемъ юридическомъ положеніи, холопство распалось на множество экономическихъ разрядовъ.

Съ другой стороны тотъ же хозяйственный договоръ создалъ особый промежуточный классъ, лежавшій между холопами и вольными людьми. Мы видѣли, что въ первые вѣка христіанской жизни Руси церковь настаивала на правѣ свободнаго человѣка, продававшагося въ рабство, прекратить зависимость по

своей волѣ возвратомъ заплаченной за него суммы. Въ удѣльное время князья и бояре начали принимать на свою дворовую службу вольныхъ людей, давая имъ ссуду на извѣстныхъ условіяхъ и не лишая ихъ права покинуть эту службу, возвративъ ссуду. Такія зависимыя лица получили въ удѣльные вѣка названіе закладней. Они отличались отъ холопства условностью службы и правомъ прекратить ее по своей волѣ. Ихъ отношенія къ князю или боярамъ основывались на хозяйственной сдѣлкѣ: то были договоры свободныхъ рабочихъ, бравшихъ у своихъ хозяевъ ссуду и обязывавшихся за то работать на нихъ до возврата послѣдней.

Если теперь мы еще разъ бросимъ общій взглядъ на составъ удѣльнаго общества, то оно представится намъ разбитымъ на слѣдующіе разряды. То были: 1) бояре, 2) вольные слуги, 3) слуги дворцовые, 4) черные люди, городскіе и сельскіе; 5) закладни и наконецъ, 6) холопы. Основаніемъ такого дѣленія, источникомъ изъ котораго вытекали различныя отношенія къ князю этихъ шести разрядовъ, служилъ хозяйственный гражданскій договоръ.—

Изучая составъ русскаго общества въ XI и XII вѣкахъ, мы замѣтили въ немъ двойное дѣленіе — политическое и экономическое. Политическое дѣленіе держалось на отношеніяхъ лицъ къ верховной власти; болѣе позднее — экономическое — на различіи имущественныхъ состояній, соединенныхъ съ неравенствомъ правъ. Теперь въ удѣльные вѣка общество раздѣлилось также по отношеніямъ лицъ къ князю, только не обязательнымъ, а добровольнымъ. Сущность этихъ отношеній заключалась въ договорномъ обмѣнѣ вещей и услугъ, въ обмѣнѣ службы или податного тягла съ одной стороны на пользованіе какой либо статьей княжескаго хозяйства съ другой. Различіемъ вещей и услугъ опредѣлялось и дѣленіе общества на классы. Итакъ, удѣльное общество дѣлилось не по обязательнымъ отношеніямъ къ князю и не по имущественнымъ состояніямъ, а по условіямъ гражданскаго договора съ княземъ. Слѣдовательно, дѣленіе удѣльнаго общества было не политическое и не экономическое, а хозяйственно-юридическое. Такимъ терминомъ можно опредѣ-

чить это дѣленіе отъ двухъ предшествующихъ. Такой характеръ общественнаго состава вполнѣ соотвѣтствовалъ и характеру удѣльнаго князя, который, какъ мы видѣли, былъ не государемъ въ политическомъ смыслѣ этого слова, а хозяиномъ въ смыслѣ хозяйственно-юридическомъ. Такое дѣленіе удѣльнаго общества имѣло тѣсную историческую связь съ дѣленіями предшествующими. Первоначальное дѣленіе по обязательнымъ отношеніямъ къ князю дробило общество на людей служилыхъ и неслужилыхъ. Но изъ этого политическаго дѣленія вытекали экономическія различія между обоими классами, соединявшіяся съ неодинаковыми гражданскими правами, а изъ этихъ имущественныхъ и юридическихъ различій складывались различныя общественныя состоянія. Служилыя лица становились преимущественно землевладѣльцами; лица неслужилыя работали торгово-промышленнымъ капиталомъ или земледѣльческимъ трудомъ, а по землевладѣнію и торгово-промышленному капиталу служилые и торговые люди пользовались правами, какихъ лишены были земледѣльцы, работавшіе на чужой землѣ, казенной или частной. Различіе имущественныхъ состояній, сложившихся въ XI и XII вв. можно замѣтить и въ основаніи удѣльнаго дѣленія общества. Это дѣленіе опредѣлялось условіями гражданскаго договора, какой заключали съ княземъ свободныя лица, родомъ хозяйственныхъ услугъ и выгодъ, какими обмѣнивались обѣ стороны. Но, очевидно, условія договора свободныхъ лицъ съ княземъ опредѣлялись ихъ имущественнымъ состояніемъ или общественнымъ положеніемъ. Землевладѣльцы вступали въ личную правительственную или ратную службу къ князю; лица, обладавшія торгово-промышленнымъ капиталомъ или земледѣльческимъ инвентаремъ, снимали у князя торгово-промышленныя городскія мѣста или пахотные сельскіе участки. Такъ вскрывается историческая связь между общественными дѣленіями, преемственно смѣнявшимися. Каждое слѣдующее дѣленіе основывалось на экономическихъ послѣдствіяхъ, вытекавшихъ изъ предшествующаго. — Прошу васъ замѣтить эту связь, потому что она объяснитъ намъ происхожденіе и сущность

дальнѣйшихъ явленій, какія мы будемъ изучать.

III періодъ въ исторіи русскихъ сословій.-

X.

Классификація чиновъ въ Московскомъ государствѣ.

Теперь, изучивъ составъ удѣльнаго общества, обращаемся къ третьему періоду въ исторіи нашихъ сословій. Довольно трудно обозначить его хронологическія границы. Третій періодъ въ исторіи русскихъ сословій – это общественная формація, слагавшаяся въ московскомъ государствѣ XV, XVI и XVII в.в. Завязку этой формаціи можно замѣтить около половины XV в.; ея измѣненіе и переходъ въ дальнѣйшій новый складъ становится замѣтнымъ во второй половинѣ XVII в. Поэтому я обозначу хронологическими предѣлами этого періода половину XV и половину XVII в. Изученіе общественнаго состава въ московскомъ государствѣ этихъ вѣковъ представляетъ большія трудности; главная причина ихъ – чрезвычайная дробность общественнаго дѣленія. Общество распадается на множество іерархическихъ разрядовъ; этихъ разрядовъ такъ много, что трудно составить полный и точный ихъ перечень. Затрудненіе увеличивается еще тѣмъ, что эта соціальная диференціація не останавливается въ продолженіе всего періода, – напротивъ, идетъ все усиленнымъ ходомъ. Общество дробится на все болѣе мелкіе разряды на глазахъ наблюдателя. Мозаическій подборъ мелкихъ слоевъ не остается неподвижнымъ, постоянно измѣняется. Рядомъ съ основными классами, которые обозначаются въ первое время, становятся классы переходные, которые, постепенно твердѣя, присоединяются къ основнымъ и выдѣляютъ изъ себя новые переходные слои. Благодаря этому, все усиливающемуся дробленію, общество въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. производитъ на изучающаго впечатлѣніе постоянно движущагося калейдоскопа. Чтобы найтись въ этомъ безпорядочномъ, повидимому, дробленіи, необходимо посмотрѣть

главное основаніе общественнаго дѣленія этого времени. Я уже указалъ на это основаніе: имъ служило дѣленіе классовъ по роду государственныхъ повинностей, разверстанныхъ по имущественному состоянію лицъ. Такимъ образомъ каждый классъ отличался отъ другого двумя признаками — политическимъ и экономическимъ. Политическимъ признакомъ служила извѣстная спеціальная повинность, падавшая на этотъ классъ, — экономическимъ — имущественное состояніе лицъ этого класса. По этимъ двумъ признакамъ можно и различить отдѣльные мелкіе разряды другъ отъ друга, и свести ихъ въ крупные классы, установить нѣкоторый порядокъ въ ихъ классификаціи. Изученіе причинъ и хода этого дробленія я начну прямо съ его результатовъ, перечнемъ тѣхъ мелкихъ разрядовъ, на какіе разбилось общество въ Московскомъ государствѣ. Для этого мы возьмемъ московское общество въ томъ составѣ, какой оно получило приблизительно къ половинѣ XVII в. и перечитаемъ его слои въ вертикальномъ его разрѣзѣ сверху внизъ. Какъ ни обременителенъ для памяти такой перечень, но не зная его трудно понять самый ходъ общественнаго дробленія.

Всѣ мелкіе іерархическіе разряды, на которые дѣлилось общество въ московскомъ государствѣ, на политическомъ языкѣ тѣхъ вѣковъ носили названіе *чиновъ*. Чиномъ въ московскомъ государствѣ назывался общественный слой, который несъ свою спеціальную государственную повинность, соотвѣтствовавшую его экономическому состоянію. Всѣ чины, по ихъ хозяйственному и государственному положенію можно распредѣлить на три отдѣла. То были: 1.) чины служилые, 2.) тяглые и 3.) нетяглые.

Чины служилые раздѣлялись на двѣ группы: на чины *служилые по отечеству* и на чины *служилые по прибору*.

Къ чинамъ служилымъ по отечеству (т. е. по отчеству) принадлежали лица, которыя несли на себѣ государственную службу, по своему происхожденію, какъ наслѣдственную повинность.

Эти чины въ свою очередь распадались на два разряда: 1.) на чины *думные*, 2.) на чины *служилые* собственно.

Служилые люди низшихъ чиновъ XVI в. говорили, отличая себя отъ чиновъ высшихъ: „мы люди служилые, а не думные".

Думныхъ чиновъ было три: бояре, окольничіе и думные дворяне. Думные чины состояли изъ лицъ правительственныхъ, занимавшихъ должности по высшему управленію и мѣста въ государственномъ совѣтѣ — въ государевой Думѣ.

Чины „служилые собственно" раздѣлялись также на два разряда — чины московскіе и чины городовые. Московскіе, т. е. столичные, чины въ нисходящемъ порядкѣ были: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе (столичные) и жильцы (дворцовые). По самымъ этимъ званіямъ можно замѣтить, что чины московскіе первоначально различались родомъ придворной службы. Но впослѣдствіи люди московскихъ чиновъ составляли высшій слой боевой московской силы: изъ столичныхъ стряпчихъ и другихъ московскихъ чиновъ составлялся „государевъ полкъ", соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Люди московскихъ чиновъ назначались также головами или даже воеводами, т. е. офицерами или полковниками въ армейскіе полки, а также служили органами низшей администраціи.

Чиновъ городовыхъ было три: дворяне выборные или выборъ, дѣти боярскіе дворовые и дѣти боярскіе городовые собственно. Объ этихъ чинахъ въ спискахъ провинціальнаго дворянства обыкновенно писалось, что одни изъ нихъ служатъ „изъ выбору", другіе по дворовому списку, а третьи служатъ городовую или осадную службу. Чтобы понять различіе повинностей, падавшихъ на эти городовые чины, надобно знать устройство главной рати въ московскомъ государствѣ. Масса этой рати состояла изъ дворянства, разсѣяннаго по уѣздамъ. Но по имущественному состоянію это дворянство дѣлилось на слои, каждый изъ которыхъ несъ ратную повинность не въ одинаковой мѣрѣ; одни провинціальные дворяне ходили въ дальніе походы, т. е. къ границамъ, отдаленнымъ отъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ они владѣли землей; другіе могли ходить только въ ближніе походы для обороны границъ, вблизи которыхъ имѣли земли. Наконецъ третьи не могли совсѣмъ ходить въ по-

ходы, потому что не имѣли лошадей и надлежащаго походнаго вооруженія; они обыкновенно составляли пѣшіе гарнизоны своихъ уѣздныхъ городовъ. Эти различные роды службы и обозначались на московскомъ служиломъ языкѣ словами: „служба государева дальняя", служба ближняя и служба городовая или осадная. Дворяне выборные и дѣти боярскіе дворовые несли дальнюю службу; кромѣ того, *выборные дворяне* по извѣстной очереди посылались для отправленія разныхъ обязанностей при дворѣ и въ столицѣ.

„Чины служилые по прибору" были также многочисленны. Къ нимъ относились ратные служилые люди низшихъ разрядовъ, каковы были *стрѣльцы* (постоянная пѣхота, возникшая въ началѣ XVI в.), *пушкари* и *затинщики* (т. е. служители при затинныхъ пищаляхъ, крѣпостныхъ орудіяхъ), вообще артиллерійская прислуга, *пограничные казаки*, *рейтары*, *солдаты* и *драгуны*, полки которыхъ возникли при новой династіи въ XVII в. Эти приборные чины вербовались правительствомъ изъ охотниковъ, людей разныхъ классовъ, преимущественно изъ людей, свободныхъ отъ государственнаго тягла. Первоначально люди этихъ чиновъ зачислялись на службу временно, только на извѣстный походъ и распускались по окончаніи его; но въ XVII ст. и *приборные люди* становились постоянными ратниками, служившими до своей смерти, до старости или до болѣзни. Эти приборные чины отличались отъ служилыхъ по отечеству тѣмъ, что не составляли служебной іерархіи, а считались равными между собою, различались родомъ службы, а не достоинствомъ званія; потому въ нихъ не было іерархическаго движенія. Переходъ казака въ рейтары или въ стрѣльцы былъ перемѣной рода службы, а не служебнымъ повышеніемъ, какимъ былъ, напримѣръ, переходъ выборнаго дворянина въ жильцы, или жильца въ чинъ дворянина московскаго.

Второй отдѣлъ составляли чины *тяглые* или *земскіе*. Тяглые люди подраздѣлялись въ свою очередь на людей *посадскихъ* и *уѣздныхъ*. Первые были тяглые городскіе обыватели, вторые — тяглые обыватели сельскіе. Не предполагайте рѣзкаго эконо-

лическаго различія между посадскими и уѣздными людьми; не думайте, что первые были торговцы и промышленники, а вторые — хлѣбопашцы; такого различія между тѣми и другими не существовало. Какъ между посадскими людьми очень многіе занимались хлѣбопашествомъ, такъ и среди людей уѣздныхъ существовало очень много промышленниковъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Тотъ и другой разрядъ различались между собой политически, свойствомъ обществъ, въ которыя они соединялись. Посадскіе люди входили въ составъ городскихъ обществъ, люди уѣздные — въ составъ обществъ сельскихъ. Общества сельскія отличались отъ городскихъ родомъ спеціальныхъ повинностей, падавшихъ на нихъ и другіе и способомъ разверстки общаго тягла между отдѣльными лицами. Государственная подать въ городскихъ обществахъ разверстывалась по дворамъ, въ обществахъ сельскихъ — по размѣру сельскихъ участковъ.

Посадскіе люди были неодинаково устроены въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Устройство посадскаго населенія города Москвы отличалось особенной сложностью. Это населеніе распадалось на слѣдующіе классы; то были: 1., гости, 2., гостинная сотня, 3., суконная сотня, 4., черныя сотни и слободы. Первые три разряда составляли высшее купечество, выдѣлявшееся изъ торгово-промышленнаго населенія столицы. Гости — это крупные оптовые торговцы, которые вели дѣла съ другими городами или даже съ чужими землями; они отличались отъ торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ размѣромъ капитала. Подъячій второй половины XVII в. Котошихинъ говоритъ, что „гости" имѣли оборотнаго капитала отъ 20-ти до 100 тысячъ. Такъ какъ московскій рубль его времени, т. е. времени царя Алексѣя, равнялся 17-ти нынѣшнимъ, то 20.000 значили тоже, что теперь тысячъ 300 слишкомъ, 100.000 — около двухъ милліоновъ. Къ сотнямъ гостинной и суконной принадлежали купцы, обладавшіе меньшими капиталами. Если гостей можно сравнить съ нынѣшними коммерціи совѣтниками, то сотни гостинная и суконная соотвѣтствовали нынѣшнимъ первой или второй гильдіямъ. Торговые люди трехъ названныхъ

разрядовъ, соотвѣтственно размѣрамъ капиталовъ, несли неодинаковыя государственныя повинности. Сверхъ общаго городского тягла, падавшаго на все посадское населеніе, они исполняли еще финансовыя порученія по эксплуатаціи разныхъ казенныхъ монополій и доходныхъ статей. Таковы были продажа соболиной казны государевой, т. е. мѣховъ, которыми торговала казна, продажа питей, составлявшихъ монополію казны, сборъ таможенныхъ пошлинъ на внутреннихъ рынкахъ и т. п. Эти казенныя операціи велись поочереди гостями и людьми обѣихъ высшихъ сотенъ не только безвозмездно, но и подъ ихъ имущественной отвѣтственностью. Такая отвѣтственная служба въ отличіе отъ ратной называлась вѣрной или цѣловальной, т. е. присяжной. На гостей падали болѣе тяжелыя и отвѣтственныя порученія, чѣмъ на людей гостиной и суконной сотенъ. Люди черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ составляли массу торгово-промышленнаго населенія столицы, соотвѣтствовавшую позднѣйшему мѣщанству. Сотни и слободы различались между собой родомъ промышленныхъ занятій; поэтому ихъ можно сравнить съ позднѣйшими цехами. Слободы отличались отъ сотенъ тѣмъ, что состояли изъ торговцевъ и ремесленниковъ, приписанныхъ къ дворцу и поставлявшихъ во дворецъ различные припасы или работавшихъ на него. Таковы были слободы дворцовыхъ садовниковъ, кузнецовъ, хамовниковъ (ткачей столоваго бѣлья на дворецъ), кадашей (ткачей полотенъ на бѣлье для государева семейства) и т. п. Каждая черная сотня и слобода составляла особое общество, управлявшееся выборнымъ старостой или сотникомъ.-

XI.

Продолженіе предыдущаго.

Продолжаю перечень тяглыхъ чиновъ.

За чинами посадскими московскими слѣдовали чины посадскіе провинціальные или посадскіе люди городовые. По торговой состоятельности или размѣрамъ оборотнаго капи-

тала, они также раздѣлялись на разряды, соотвѣтствовавшіе нашимъ гильдіямъ и носившіе названія *людей лучшихъ*, *среднихъ* и *молодшихъ*. Каждый изъ этихъ экономическихъ разрядовъ составлялъ особый чинъ, политически отличавшійся отъ другихъ размѣромъ общаго посадскаго тягла, на него падавшимъ, и тяжестью службы или казенныхъ порученій, на него возлагавшихся. Съ двора „лучшаго" посадскаго человѣка шло тягло вдвое тяжелѣе, чѣмъ со двора „средняго", а съ послѣдняго вдвое тяжелѣе, чѣмъ со двора молодшаго человѣка. „Лучшій" или „средній" человѣкъ обыкновенно служилъ по выбору либо вѣрнымъ головой на кружечномъ дворѣ въ селѣ своего уѣзда, либо въ таможнѣ своего города, но не вѣрнымъ головой, а только цѣловальникомъ, т. е. присяжнымъ помощникомъ вѣрнаго таможеннаго головы. Такъ распредѣлялись между городовыми посадскими чинами и тяжесть тягла, и степень отвѣтственности по исполненію казенныхъ порученій. Теперь перехожу къ перечню чиновъ второго разряда тяглыхъ людей — людей тяглыхъ уѣздныхъ (сельскихъ).

Въ ихъ средѣ существовало двойное дѣленіе — по юридическому положенію обрабатываемыхъ ими земель и по размѣрамъ ихъ рабочихъ сельско-хозяйственныхъ силъ или средствъ. По юридическому положенію земель различались: 1, крестьяне *черные и дворцовые*, жившіе на казенной государевой землѣ, прикрѣпленные къ своимъ участкамъ или, точнѣе, къ своимъ сельскимъ обществамъ, но лично свободные. 2, Крестьяне *крѣпостные*, поселившіеся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ обыкновенно со ссудой на сельско-хозяйственное обзаведеніе и состоявшіе въ личной крѣпостной зависимости отъ нихъ, но не прикрѣпленные ни къ своимъ земельнымъ участкамъ, ни къ сельскимъ обществамъ.

По рабочимъ средствамъ тяглые сельскіе обыватели также дѣлились на два разряда. То были: 1, *крестьяне* собственно, обрабатывавшіе полные или нормальные надѣлы, какіе были приняты въ извѣстной мѣстности по качеству почвы и по густотѣ населенія, и тянувшіе съ нихъ полные оклады государственнаго тягла. 2, *Бобыли (малопашные крестьяне)*, под-

раздѣлявшіеся также на два разряда: одни обрабатывали участки меньшаго размѣра сравнительно съ крестьянскими, другіе совсѣмъ не имѣли средствъ пахать, владѣли только дворовыми усадьбами и жили сельскими промыслами или ремесленнымъ трудомъ. Соотвѣтственно тому и крестьянское тягло падало на нихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Теперь обратимся къ перечню разрядовъ третьяго отдѣла въ составѣ общества московскаго государства.

Этотъ отдѣлъ составляли *люди нетяглые*. Они отличались отъ другихъ классовъ тѣмъ, что не несли ни государевой службы, ни податнаго тягла. Они раздѣлялись на два класса – на *людей вольныхъ* и на *холопей*, какъ говорили въ старину, или на холоповъ, какъ говоримъ мы.

I. *Вольные* или *гулящіе* люди составляли классъ чрезвычайно пестрый по своему экономическому составу. Одни изъ нихъ жили за чужимъ тягломъ; то были люди, не имѣвшіе своихъ хозяйствъ и вступавшіе въ товарищества съ тяглыми людьми. Они обыкновенно помогали послѣднимъ въ ихъ работахъ, но не принимали на себя податнаго тягла. То были или сторонніе, чужіе для хозяевъ лица, или ихъ родственники – отцы, потерявшіе способность къ работѣ, дѣти, еще не сѣвшіе на отдѣльные участки и т. п. Тѣ и другіе – и чужія лица, и родственники – носили названіе *захребетниковъ*, *сосѣдей* или *подсосѣдниковъ*. Другіе вольные люди не имѣли опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства, промышляли подвижными перехожими занятіями, „кормились походя" по старинному выраженію. Наконецъ, третьи совсѣмъ не работали, а жили Христовымъ именемъ, просили милостыню. Вольные люди жили въ городахъ и селахъ, но не приписывались ни къ городскимъ, ни къ сельскимъ обществамъ.

II. Холопы. Въ положеніи холопства *XVI* и *XVII* вв. встрѣчаемъ явленіе, противоположное тому, какое мы видѣли въ холопствѣ удѣльнаго времени. Въ то время холопство, составляя однородный въ юридическомъ отношеніи классъ холоповъ полныхъ, дробилось на мелкіе хозяйственные разряды; теперь,

напротивъ, холопство, сохраняя установившіяся въ удѣльные времена экономическія состоянія, чрезвычайно мелко дробилось на различные юридическіе разряды. Всѣ эти разряды различались между собой степенью и условіями личной неволи, которая и составляла особенность всего этого класса, отличавшую его отъ людей служилыхъ, тяглыхъ и вольныхъ. Я перечислю эти разряды, начиная съ наиболѣе тяжелыхъ видовъ неволи и кончая наиболѣе легкими.

1., Холопство полное. До XVII в. оно возникало изъ тѣхъ же источниковъ, которые дѣйствовали во времена Русской Правды и въ удѣльные вѣка. Холопство полное было во первыхъ, безусловнымъ и безсрочнымъ, во вторыхъ, потомственнымъ и наслѣдственнымъ. Какъ неволя переходила отъ холопа на его потомство, такъ и право на невольника передавалось господиномъ его наслѣднику. Письменная крѣпость, которой укрѣплялось холопство полное, носила названіе полной грамоты.

2., Холопство докладное. Источникъ, изъ котораго оно возникало, былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ создавалось холопство полное — продажа лица въ рабство. Но эта продажа устанавливала зависимость условную и временную. Условность этой зависимости выражалась въ томъ, что докладной холопъ отдавался не на всякую работу, а только на службу въ должности сельскаго ключника. Въ сдѣлкахъ это выражалось формулой, которая гласила, что холопъ „отдавался" за столько-то рублей „на ключъ въ село, а по ключу и въ холопы". Временный характеръ неволи выражался въ томъ, что „докладной" холопъ холопилъ господину только до смерти послѣдняго, послѣ которой по закону выходилъ на волю, не платя долга. Это холопство получило свое названіе отъ юридической формальности — доклада, которымъ оно укрѣплялось. Письменная крѣпость, заключавшая въ себѣ сдѣлку, докладывалась намѣстнику, который провѣрялъ ее допросомъ холопа и скрѣплялъ ее своею печатью. Потому и эта письменная крѣпость, укрѣплявшая докладное холопство,

носила названіе <u>докладной грамоты.</u>

3. <u>Холопство кабальное.</u> Въ разныя времена оно возникало изъ разныхъ источниковъ. Въ XVI в. такимъ источникомъ служилъ заемъ, обезпеченный личнымъ закладомъ должника и соединенный съ обязательствомъ послѣдняго „за ростъ служити", т. е. работать на заимодавца въ его домѣ вмѣсто уплаты процентовъ. Въ XVII в. источникомъ кабальнаго холопства былъ простой уговоръ холопа служить во дворѣ господина безъ всякаго займа и безъ выговореннаго ясно вознагражденія за эту службу. Холопство кабальное, подобно докладному, было временнымъ: оно продолжалось только до смерти господина, послѣ которой кабальный холопъ по закону выходилъ на волю. Письменный актъ, которымъ укрѣплялось холопство кабальное, носилъ названіе <u>служилой кабалы</u>, которую надобно отличать отъ „кабалы заемной" - простой долговой росписки, не создававшей личной зависимости и не соединенной съ обязательной работой.

4. <u>Холопство жилое.</u> Оно развилось изъ кабальнаго съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее перестало возникать изъ займа, соединеннаго съ обязательной работой. Холопство жилое отличалось отъ кабальнаго разнообразіемъ источниковъ и условій неволи. Оно возникало изъ займа, соединеннаго съ обязательной работой за ростъ; изъ найма, соединеннаго съ условной платой по окончаніи работы, и, наконецъ, изъ прокорма, т. е. изъ обязательства со стороны хозяина одѣвать и кормить работника. Холопство жилое было не только временнымъ, но и срочнымъ. Смотря по соглашенію, оно продолжалось опредѣленное въ крѣпости число лѣтъ („урочная лѣта") или до смерти господина, или до смерти его дѣтей; обыкновенно это значило до смерти холопа. Оно отличалось отъ кабальнаго еще тѣмъ, что неволя возникала не только изъ свободнаго договора лица, отдававшагося въ неволю, съ господиномъ, но также и изъ договора родителей и старшихъ родственниковъ невольника или мужа невольницы. Въ такую неволю отдавали родители своихъ дѣтей, дяди племянниковъ, стар-

ніе братья младшихъ, мужья своихъ женъ. Выраженіе Минина „заложимъ своихъ женъ!" не было ораторской фразой, а самой дѣловой юридической формулой, выражавшей простыя, ежедневныя сдѣлки. Актъ, которымъ укрѣплялось это холопство, носило названіе жилой или житейской записи.

Я кончилъ утомительный перечень чиновъ, на которые распадалось московское общество въ XVI и XVII вв. Я описалъ составъ этого общества, какъ оно сложилось приблизительно къ половинѣ XVII в., ко времени Уложенія. Я перечислилъ составныя его части въ вертикальномъ разрѣзѣ. Мы видѣли, что общество дѣлилось на три главныхъ отдѣла — на людей служилыхъ, на людей тяглыхъ и нетяглыхъ; каждый отдѣлъ раздѣлялся на нѣсколько разрядовъ, подраздѣлявшихся въ свою очередь на нѣсколько мелкихъ слоевъ или чиновъ. Эти чины имѣли неодинаковое значеніе и взаимное отношеніе. Въ иныхъ отдѣлахъ чины составляли іерархическую лѣстницу, ступени которой различались между собою тяжестью и важностью государственныхъ обязанностей, падавшихъ на каждый чинъ. Потому здѣсь существовало іерархическое движеніе лицъ, переходъ ихъ по службѣ или по средствамъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе. Таковы чины, на которые распадался отдѣлъ служилыхъ людей или отдѣлъ людей тяглыхъ посадскихъ. Въ другихъ отдѣлахъ чины не имѣли значенія ступеней лѣстницы, расположенныхъ въ вертикальномъ направленіи. То были разряды, параллельные другъ другу въ направленіи горизонтальномъ. Они различались между собою не степенью тяжести, не важностью государственнаго служенія, а только родомъ специальныхъ обязанностей, которыя всѣ имѣли для государства одинаковое значеніе. Таковы были чины, на которые распадались служилые люди по прибору: стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики и т. д. Поэтому здѣсь не было іерархическаго движенія лицъ. Служилый человѣкъ за службу или по его средствамъ не повышался изъ пушкарей въ казаки, изъ казаковъ въ стрѣльцы, ибо и стрѣльцы, и казаки, и пушкари несли различныя, но въ политическомъ смыслѣ равноцѣнныя службы. Для того, чтобы прочнѣе запечатлѣть въ

памяти чиновное дробление общества въ московскомъ государствѣ, я сведу изложенный перечень въ слѣдующую таблицу, которая представитъ наглядную графическую схему общественнаго дѣления.-

А. Служилые люди.

I. Служилые люди по отечеству.

а., Чины думные:
1., бояре,
2., окольничіе,
3., думные дворяне.

в., Чины служилые московскіе:
1., стольники,
2., стряпчіе,
3., дворяне московскіе,
4., жильцы.

с., Чины служилые городовые:
1., выборъ
2., дѣти боярскіе дворовые
3., дѣти боярскіе городовые.

II. Служилые люди по прибору.

1., Стрѣльцы, 2., казаки, 3., пушкари и т.д.

Б. Тяглые люди.

I. Тяглые люди посадскіе.

а., Чины посадскіе московскіе:
1., гости,
2., гостинная сотня,
3., суконная сотня,
4., черныя сотни и слободы московскіе.

в., Чины посадскіе городовые:
1., лучшіе люди,
2., середніе и
3., молодшіе.

II. Тяглые люди уѣздные.

а., Крестьяне черные и дворцовые:
1., Крестьяне собственно,
2., бобыли.

в., Крестьяне крѣпостные:
1., крестьяне собственно,
2., бобыли.

В. Люди нетяглые.

I. Люди вольные

II. Холопы:
1., полные,
2., докладные
3., кабальные
4., жилые.

XII.

Происхожденіе и ходъ общественнаго дѣленія въ московскомъ государствѣ.– Политическія основанія этого дѣленія.– Перемѣна въ значеніи верховной власти.– Отличіе власти московскаго государя отъ двухъ, ей предшествовавшихъ русскихъ типовъ верховной власти.– Перемѣны въ характерѣ отношеній государя къ обществу: 1., возникновеніе идеи политическаго подданства; 2., исчезновеніе личнаго гражданскаго подданства и новое политическое значеніе званія „государевыхъ холоповъ"; 3., превращеніе договорныхъ сословныхъ обязательствъ въ государственныя обязанности.– Общія основанія сословной развёрстки этихъ обязанностей.– <u>Выводы.</u>–

Изъ какого источника вышло столь дробное общественное дѣленіе, какъ оно началось и совершилось? Это дѣленіе вышло изъ очень сложнаго историческаго процесса, начавшагося въ жизни древней Руси съ тѣхъ поръ, какъ разбитая на удѣлы сѣверо-восточная Русь соединилась подъ властью московскаго государя. Этотъ процессъ не принадлежитъ къ порядку крупныхъ всемірно-историческихъ явленій; но онъ очень своеобразенъ. Въ немъ вскрылись не только черты народнаго характера, но и общія мотивы историческаго движенія, пружины, механики общежитія, и если Вы, подобно мнѣ, придаете научный интересъ явленіямъ такого рода, то терпѣливо послѣдуете за мной въ микроскопическихъ наблюденіяхъ, въ которыя я хочу Васъ ввести. Прежде всего я изложу общія политическія основанія этого дѣленія, которыя попытаюсь вывести изъ подробностей всего склада московскаго государства, указывая на самыя эти подробности только мимоходомъ.

Политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси рѣшительно измѣнило характеръ отношеній, установившихся въ удѣльные вѣка между княземъ и всѣми классами удѣльнаго общества. Мы видѣли, что въ удѣльные вѣка эти отношенія держались на частномъ гражданскомъ договорѣ или на кр-

постнымъ личнымъ подданствомъ и состояли въ обмѣнѣ матеріальныхъ услугъ и выгодъ между обѣими сторонами. Такой характеръ отношеній вполнѣ отвѣчалъ юридическому значенію удѣльнаго князя, который былъ владѣльцемъ-хозяиномъ удѣла, а не государемъ-правителемъ удѣльнаго общества. Территоріальное раздѣленіе власти по удѣламъ и еще сохранявшееся воспоминаніе о родственномъ происхожденіи князей, между которыми она была раздѣлена, давали свободнымъ лицамъ возможность разрывать договоръ съ однимъ княземъ и заключать его съ другимъ. Такимъ образомъ составъ удѣльнаго общества, возникновеніе и прекращеніе его отношеній къ князю, зависѣли отъ чисто случайнаго условія - отъ воли самого князя и свободныхъ частныхъ лицъ, съ нимъ договаривавшихся. Самое пространство территоріальной власти князя опредѣлялось волей его предшественника: каждый удѣльный князь обыкновенно владѣлъ лишь тѣмъ, что ему доставалось по духовному завѣщанію отца, брата или дальняго родственника.

Сосредоточеніе раздѣленной по удѣламъ власти въ лицѣ московскаго государя измѣнило его положеніе въ государствѣ съ двухъ сторонъ, но въ одномъ направленіи. 1.) Пространство и содержаніе его власти перестали зависѣть отъ такого случайнаго условія, какъ воля отдѣльныхъ лицъ. Они опредѣлялись государственными требованіями, политической необходимостью. Когда сѣверо-восточная Русь соединилась подъ властью московскаго государя, послѣдній очутился властителемъ всей Великороссіи, т. е. цѣлой великорусской народности. Мало того, онъ укрѣпилъ за собою титулъ „государя всея Руси", въ которомъ громко звучало притязаніе и на другія части русской земли, еще не находившіяся въ его обладаніи. Такимъ образомъ московскій князь становился въ положеніе творца національнаго единства и блюстителя національныхъ интересовъ. Русское населеніе, обитавшее въ предѣлахъ московскаго государства, подчинялось ему не въ силу договора съ нимъ, а въ силу своей принадлежности къ русскому народу и общности народныхъ интересовъ. Владѣлецъ территоріи теперь сталъ и правителемъ общества.

Пространство и характеръ его власти, какъ и составъ управляемаго имъ общества, теперь опредѣлялись уже не условіями и количествомъ гражданскихъ сдѣлокъ и не предсмертной волей его предшественника, а границами народности и цѣлями народнаго блага. 2) Возникая изъ столь повелительныхъ условій, зависимость подданныхъ отъ московскаго государя не могла быть и прекращаема съ прежней легкостью старымъ удѣльнымъ способомъ — уходомъ, выселеніемъ. Въ XVI в., послѣ того какъ Ярославль, Ростовъ, Новгородъ, Тверь, Псковъ, Рязань и княжества Черниговской линіи вошли въ составъ московскаго государства, рядомъ съ нимъ, на всемъ пространствѣ русской равнины, не оказалось другой территоріи, которая принадлежала бы владѣльцу самостоятельному и родственному по крови и по вѣрѣ московскому государю. Теперь изъ московскаго государства стало некуда уйти, не совершая незаконнаго побѣга. Выселеніе, которое признавалось удѣльными князьями какъ право всѣхъ свободныхъ обывателей русскихъ княжествъ, теперь получило характеръ политическаго преступленія и національно-религіозной измѣны. Такъ власть, которой свободныя лица подчинялись прежде условно и временно, стала для нихъ безусловно обязательной.

Получивши такой характеръ, московскій государь явился въ исторіи нашего государственнаго права новымъ типомъ верховной власти, отличнымъ отъ типовъ, господствовавшихъ въ обоихъ предыдущихъ періодахъ. Въ XI и XII вв. верховная власть на Руси принадлежала цѣлому княжескому роду, который сообща владѣлъ всей русской территоріей и правилъ жившимъ на ней разноплеменнымъ населеніемъ. Въ XIII и XIV вв. этотъ владѣтельный родъ распался на множество родственныхъ и независимыхъ другъ отъ друга владѣльцевъ, которые были наслѣдственными собственниками своихъ удѣльныхъ территорій, но не считались политическими правителями удѣльныхъ обществъ. Составныя единицы этихъ обществъ — свободныя лица были не подданными его, а лишь контрагентами, вольными случайными наемниками или вольными съемщиками земли въ его удѣлѣ. Московскій государь совмѣщалъ въ себѣ нѣкоторыя

признаки обоихъ этихъ типовъ: онъ былъ и наслѣдственнымъ владѣльцемъ всей государственной территоріи, и политическимъ правителемъ жившаго на ней населенія. Но къ этимъ двумъ признакамъ, территоріальному и политическому, въ содержаніе власти московскаго государя присоединился еще третій — національный. Власть княжескаго рода XI и XII вв. не имѣла такого національнаго значенія; она вытекала не изъ чувства народнаго единства, а изъ факта завоеванія. Идея русской народности, едва начавшая зарождаться въ умахъ, еще не была проведена въ государственное право, въ политическій порядокъ. Такого значенія не имѣли и удѣльные князья XIV в., потому что каждый изъ нихъ владѣлъ лишь частью русской территоріи и самая мысль о политическомъ единствѣ народа погибла среди удѣльнаго раздробленія русской земли. Напротивъ, въ лицѣ московскаго государя эта національная идея является не только основаніемъ его дѣйствительной политической власти, но и оправданіемъ его политическихъ притязаній. Ставши блюстителемъ общихъ интересовъ великорусскаго племени, главной части русскаго народа, онъ стремился сдѣлаться и творцомъ политическаго единства всего этого народа и поставилъ себѣ задачей распространить свою власть на всѣ его вѣтви и на всѣ области, когда-либо бывшія въ обладаніи русскаго народа. Эти притязанія и были заявлены въ принятомъ великими московскими князьями титулѣ царя и великаго князя всея Руси. Такимъ образомъ власть московскаго государя отличалась отъ власти княжескаго рода XII в. тѣмъ, что была единоличной, а не коллективной, отъ власти удѣльнаго князя тѣмъ, что была не только территоріальной, но и политической; наконецъ, отъ той и другой тѣмъ, что была національной.

Такая перемѣна въ значеніи верховной власти рѣшительно измѣнила характеръ ея отношеній и ко всему обществу, и къ отдѣльнымъ его классамъ. Я перечислю эти перемѣны, которыя представляютъ рядъ слѣдствій, тѣсно между собою связанныхъ и вытекшихъ изъ одного источника — изъ національнаго значенія верховной власти.

1. Это новое значеніе верховной власти превратило вольныхъ контрагентовъ удѣльнаго князя въ политическихъ подданныхъ московскаго государя. Такъ воскресла мысль о политическомъ подданствѣ, слабо и на короткое время блеснувшая въ нашемъ правѣ XI и XII вв. и скоро погасшая среди разрыва княжескаго рода на враждебныя линіи и среди одновременнаго распаденія русской земли на обособленныя области. Но эта мысль о политическомъ подданствѣ теперь вышла изъ другого источника, не изъ того, изъ котораго она вышла въ первомъ періодѣ. Тогда ея источникомъ было завоеваніе: подданными считались покоренные. Теперь эта мысль вышла изъ чувства національнаго единства и сознанія внѣшнихъ опасностей, угрожавшихъ народной свободѣ. Теперь подданнымъ сталъ считаться русскій, т. е. частный человѣкъ одного племени и вѣры съ московскимъ государемъ.

2. Въ связи съ этой перемѣной стояла другая. Личное подданство холопа удѣльнаго князя превратилось въ подданство государственное. Въ этомъ состояла одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей московскаго государственнаго права: у московскаго государя не было частныхъ лично-крѣпостныхъ холоповъ, какіе были у удѣльнаго князя, какъ и князей XII в.; въ XV и XVI вв. такіе холопы слились съ свободными подданными московскаго государя. Но здѣсь слѣдуетъ объяснить одно явленіе, которое можетъ помѣшать установленію правильнаго взгляда на строеніе общества въ московскомъ государствѣ и которое часто этому мѣшаетъ. Лично-крѣпостные холопы государя, сливаясь съ его свободными подданными, сообщили послѣднимъ свое юридическое званіе: свободныя лица, преимущественно служилые люди, въ удѣльное время отличавшіеся отъ холоповъ званіемъ слугъ вольныхъ, обращаясь къ московскому государю XVI и XVII вв., называли себя „его государевыми холопами". Не слѣдуетъ придавать этому того обостреннаго, шокирующаго смысла, какой подсказывается нашимъ современнымъ, нѣсколько щекотливымъ политическимъ чувствомъ; не слѣдуетъ думать, что всѣ свободныя лица въ московскомъ государствѣ стали такими же личными крѣпостными московскаго государя, какими были

холопы удѣльныхъ князей или какими и въ XVI в. оставались холопы частныхъ рабовладѣльцевъ. Такіе холопы могли быть у князей XI и XII вв. потому, что ни одинъ изъ нихъ не былъ носителемъ политической верховной власти. Верховная власть была сосредоточена въ цѣломъ родѣ, а отдѣльные члены его были лишь мѣстными представителями этой власти; поэтому они могли вступать въ частныя крѣпостныя отношенія съ отдѣльными лицами. Такіе холопы могли быть и у удѣльнаго князя, который считался не властителемъ удѣльнаго общества по закону, а только одной изъ сторонъ по договору. Московскій государь XVI в. не могъ имѣть такихъ холоповъ: послѣдніе были орудіями частнаго личнаго интереса, а московскій государь, начавъ сознавать себя національнымъ властителемъ, былъ связанъ со своими подданными не личными интересами, а цѣлями народнаго блага. Разсматриваемое явленіе относится больше къ политической терминологіи, чѣмъ къ государственному праву; но не слѣдуетъ пренебрегать и терминологіей: исторія политическихъ терминовъ есть исторія если не политическихъ формъ, то политическихъ представленій. Мысль о государственномъ подданствѣ, возникшая изъ политическаго объединенія великорусской народности, была новой идеей, незнакомой русскому обществу прежнихъ вѣковъ, разбитому на множество независимыхъ политическихъ союзовъ. Въ удѣльное время знали подданнаго только въ юридическомъ образѣ холопа, укрѣпившагося за своимъ господиномъ средствами гражданскаго права. Когда возникла идея государственнаго подданства, новому политическому отношенію усвоенъ былъ привычный терминъ гражданскаго права. Итакъ, званіе государевыхъ холоповъ, которымъ стали величаться въ московскомъ государствѣ прежніе бояре и слуги вольные, значило, что и они изъ временныхъ вольныхъ помощниковъ государя превратились въ его вѣчно-обязанныхъ подданныхъ и больше ничего не значило это званіе. Когда въ умахъ рождаются новыя представленія, люди, силясь ихъ выразить, роются въ старомъ заученномъ лексиконѣ и хватаются за первое, подходящее по смыслу слово, имъ подвертывающееся. Повторяю: когда

въ московскомъ государствѣ возникла зависимость во имя общаго народнаго блага, а не частнаго интереса, тогдашній языкъ сталъ обозначать новыя политическія отношенія старыми терминами гражданскаго права. Но первыя не слѣдуетъ отождествлять съ послѣдними. Этотъ выводъ, извлеченный изъ исторіи одного сословнаго термина, надобно твердо запомнить, чтобы не ошибиться въ пониманіи явленій, по которымъ мы будемъ слѣдить за строеніемъ нашего общества въ XV и XVI вв. Значитъ, и превращеніе лично-крѣпостныхъ государя въ государевыхъ подданныхъ было тѣсно связано какъ послѣдствіе съ національнымъ значеніемъ государевой власти.

3. Измѣнился источникъ отношеній разныхъ классовъ общества къ государю. Въ матеріальномъ, хозяйственномъ смыслѣ эти отношенія остались прежними, но они вытекали теперь не изъ частнаго договора, а изъ общаго закона. Служилые люди по преимуществу служили государю мечемъ или правительственнымъ совѣтомъ и получали отъ него доходныя должности, кормленія; но они теперь обязаны были служить, хотя бы и не получали кормленій, и если продолжали получать ихъ, то только какъ средство, помогавшее имъ исправно служить. Прежде государь кормилъ ихъ *за то*, что они служили; теперь онъ кормилъ ихъ *для того*, чтобы они были въ состояніи служить. Точно также тяглый человѣкъ платилъ удѣльному князю тягло, *если* и *пока* пользовался въ его удѣлѣ городскимъ промысловымъ мѣстомъ или пахотнымъ участкомъ; теперь онъ обязанъ былъ пользоваться такимъ мѣстомъ или участкомъ, *потому что* безъ того не могъ платить тягла. Значитъ, виды условій и выгодъ, которыми обмѣнивались государь и свободные обыватели государства, не измѣнились, но измѣнился характеръ обмѣна, связь между условіями и выгодами. Прежде эта связь была юридическая, устанавливалась свободнымъ добровольнымъ соглашеніемъ, т. е. актомъ гражданскаго права; теперь она стала политической, принудительной, устанавливалась одностороннимъ требованіемъ власти. Поэтому и договорныя выгоды свободныхъ лицъ, бывшія прежде юридическими

условіемъ или юридическимъ послѣдствіемъ ихъ договорныхъ услугъ князю, теперь стали лишь экономическими средствами для исправнаго несенія государственныхъ повинностей. Эти перемѣны въ юридической связи услугъ и выгодъ, т. е. въ источникѣ отношеній государя къ обществу, можно выразить такими словами: договорныя обязательства со стороны свободныхъ лицъ превратились въ государственныя обязанности, а договорныя выгоды со стороны князя — въ казенное пособіе для исправнаго исполненія этихъ обязанностей.

Это превращеніе въ исторіи русскаго государственнаго права и было кореннымъ фактомъ, которымъ надолго опредѣлилось положеніе русскаго общества. Этотъ фактъ сообщилъ всему строю московскаго государства своеобразный характеръ. Въ другихъ странахъ мы знаемъ государственные порядки, основанные на сочетаніи сословныхъ правъ съ сословными обязанностями или на сосредоточеніи правъ въ однихъ сословіяхъ и обязанностей въ другихъ. Политическій порядокъ въ московскомъ государствѣ основанъ былъ на разверсткѣ между всѣми классами только обязанностей, не соединенныхъ съ правами. Правда, обязанности соединены были съ неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособіями для несенія обязанностей. Отношеніе обязанностей къ этимъ выгодамъ въ московскомъ государствѣ было обратно тому, какое существовало въ другихъ государствахъ между политическими обязанностями и правами: тамъ первыя вытекали изъ послѣднихъ, какъ ихъ слѣдствія; здѣсь, напротивъ, выгоды были политическими послѣдствіями государственныхъ обязанностей. Это различіе отношенія выражалось въ томъ, что тамъ сословныя обязанности слагались съ лица, отказавшагося отъ сословныхъ правъ; здѣсь, напротивъ, не позволено было слагать съ себя обязанность даже подъ условіемъ отказа отъ выгодъ и часто обязанность оставалась на лицѣ, не пользовавшемся соотвѣтствующими выгодами. Такъ обязательная ратная служба въ московскомъ государствѣ соединена была съ помѣстнымъ владѣніемъ, но иному служилому человѣку не давали

помѣстья, если онъ и безъ того имѣлъ средство служить, владѣя достаточной вотчиной. Такой своеобразный складъ государственнаго порядка объясняется господствующимъ интересомъ, его создавшимъ. Этимъ интересомъ было огражденіе внѣшней безопасности народа, во имя которой политически раздробленныя прежде части его соединились подъ одною властью. Великороссія объединилась подъ властью московскаго государя не вслѣдствіе завоеванія, а подъ давленіемъ внѣшнихъ опасностей, грозившихъ существованію великорусскаго народа. Московскіе государи расширяли свою территорію и вооруженной борьбой; но это была борьба съ мѣстными правителями, а не съ мѣстными обществами. Поражая правителей княжествъ или аристократію вольныхъ городовъ, московскіе государи не встрѣчали отпора со стороны мѣстныхъ обществъ, которыя большей частью добровольно и раньше своихъ правителей тянули къ Москвѣ. Итакъ, политическое объединеніе Великороссіи вызвано было необходимостью борьбы за національное существованіе. Эта необходимость мѣшала установиться самому понятію о сословномъ правѣ. Въ первомъ періодѣ нашей исторіи, когда государственный порядокъ развился изъ завоеванія, такое понятіе установилось легко. Побѣдители старались присвоить себѣ возможно больше правъ, возлагая на побѣжденныхъ возможно больше обязанностей. Въ московскомъ государствѣ, всѣ силы котораго направлены были на внѣшнюю борьбу, усилія законодательства должны были сосредоточиться на томъ, какое участіе принимать въ этой борьбѣ разнымъ классамъ общества, а не на томъ, какими правами будетъ пользоваться каждый классъ. Предметомъ законодательной разработки и стала разверстка тяжестей національной борьбы, которыя налагала эта борьба, а не сословныхъ правъ, которые не вели къ цѣли.

Изъ сказаннаго видно, что всѣ три перемѣны въ характерѣ отношеній государя къ обществу возникли изъ національнаго значенія, какое получила верховная власть въ московскомъ государствѣ. Подъ вліяніемъ этихъ перемѣнъ измѣнилось отношеніе экономическаго дѣленія общества къ политиче-

скому. Въ удѣльное время экономическое положеніе свободныхъ лицъ въ удѣлахъ опредѣлялось родомъ обязательствъ, въ которыя они вводили съ своимъ княземъ. Служилый человѣкъ обыкновенно становился землевладѣльцемъ, потому что право пріобрѣтенія земельной собственности было непремѣннымъ условіемъ его договора съ княземъ и потому, что землевладѣніе при тогдашнемъ состояніи народнаго хозяйства было единственнымъ удобнымъ средствомъ матеріальнаго обезпеченія служилаго человѣка. Подобно тому и черный человѣкъ становился либо городскимъ промышленникомъ, либо хлѣбопашцемъ, потому что непремѣннымъ условіемъ его договора съ княземъ было либо пользованіе городскимъ промысловымъ мѣстомъ, либо пахотнымъ участкомъ. Теперь отношеніе экономическаго дѣленія къ политическому совершенно измѣнилось, стало обратнымъ: такъ какъ государственныя повинности стали обязательны сами по себѣ, а хозяйственныя состоянія служили только средствомъ для ихъ исполненія, то теперь экономическимъ положеніемъ класса долженъ былъ опредѣляться родъ государственныхъ повинностей на него падавшихъ. Московская политика теперь должна была согласовать сословную раскладку государственныхъ обязанностей съ тѣми экономическими состояніями, въ которыхъ она застала выходящіе изъ удѣльнаго порядка общественные классы. Этой перемѣной въ отношеніи экономическаго дѣленія къ политическому указано было и общее основаніе разверстки повинностей между подданными. Въ устройствѣ общественныхъ классовъ эта перемѣна связала неразрывно экономическое положеніе каждаго изъ нихъ съ родомъ государственнаго его служенія. Отсюда сложилось правило, которое и легло въ основаніе общественнаго дѣленія въ московскомъ государствѣ — разверстывать государственныя обязанности между классами общества по хозяйственному состоянію каждаго изъ нихъ.

На этомъ основаніи московская политика и строила государственное положеніе всѣхъ классовъ общества. Изъ этого основанія она и выработала спеціальные пріемы разверстки, которыми руководилась при раскладкѣ государственныхъ по-

винностей между отдѣльными классами.

XIII.

Практическіе пріемы разверстки государственныхъ повинностей между отдѣльными классами общества. — Пріемы разверстки между служилыми людьми по чинамъ. — Составъ и характеръ московскаго боярства въ удѣльное время. — Три генеалогическіе слоя въ составѣ московскаго боярства XVI в. —

Руководясь сформулированнымъ въ концѣ прошлаго чтенія правиломъ сословной разверстки государственныхъ повинностей, московская политика и создала въ XVI и XVII вв. новое общественное устройство, которое постепенно установилось на мѣсто удѣльнаго среди внѣшней борьбы. Это устройство — цѣлая политическая система, которой нельзя отказать ни въ стройности и послѣдовательности, ни въ практической пригодности. Пригодность системы доказали ея результаты; она помогла государству впродолженіи двухъ вѣковъ слишкомъ, съ половины XV и до второй четверти XVIII в. выдержать трехстороннюю борьбу — на западѣ, югѣ и юго-востокѣ, съ которой по тяжести ни въ какое сравненіе не могутъ идти внѣшнія затрудненія, испытанныя въ тѣ вѣка государствами западной Европы. Что касается стройности и послѣдовательности системы, это, надѣюсь, обнаружится изъ самаго ея изученія. Намъ необходимо внимательно разсмотрѣть эту систему; тогда не будетъ никакого труда объяснить происхожденіе и значеніе того сословнаго устройства, которое установилось въ нашемъ государствѣ XVIII в.

Строя общество на указанныхъ политическихъ основаніяхъ, московская политика крѣпко держалась за общественный порядокъ, унаслѣдованный ею отъ удѣльнаго времени. Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, общество распадалось на двѣ главныя части, различавшіяся между собой отношеніями къ князю и хозяйственнымъ положеніемъ. Служилые люди несли ли-

ную службу князю, административную и ратную, и въ ихъ же рукахъ сосредоточивалась частная земельная собственность. Люди тяглые пользовались чужой землей, княжеской или частной, и за то несли мірскіе платежи и работы. Московская политика начала перестройку удѣльнаго общества тѣмъ, что этотъ порядокъ, создавшійся посредствомъ соглашенія частныхъ интересовъ, закрѣпила во имя государственныхъ интересовъ, сообщивъ имъ обязательность. Такъ, напр. если въ удѣльное время личными земельными собственниками обыкновенно были служилые люди, то теперь было установлено, что личные земельные собственники непремѣнно должны становиться служилыми людьми. Въ удѣльные вѣка, кто служилъ, тотъ обыкновенно становился личнымъ земельнымъ собственникомъ; теперь, кто былъ личнымъ земельнымъ собственникомъ, тотъ обязанъ былъ служить. Но у московскаго правительства не было особаго правительственнаго персонала, который бы завѣдывалъ дѣлами службы служилыхъ и тяглыхъ людей. Въ удѣльное время орудіями администраціи были тѣ же служилые люди и только неважныя мѣстныя дѣла земскихъ тяглыхъ обществъ, городскихъ и сельскихъ, предоставлены были выборнымъ земскимъ властямъ – старостамъ и сотскимъ. Московское правительство XVI в. увеличило число дьяковъ и подьячихъ, которые въ удѣльное время вели несложное канцелярское дѣлопроизводство. Однако при этомъ оно не только не отказалось отъ удѣльнаго правительственнаго порядка, но еще усложнило и развило его въ томъ же направленіи, расширивъ кругъ дѣятельности низшихъ, мѣстныхъ органовъ администраціи – земскихъ учрежденій, которыя оставались едва замѣтными въ удѣльное время. Теперь московское правительство попыталось этимъ земскимъ учрежденіямъ передать все мѣстное управленіе. Такимъ образомъ все государственное управленіе въ московскомъ государствѣ распалось на двѣ сферы: въ одной сосредоточены были дѣла, касавшіяся внѣшней обороны страны и устройства ея боевыхъ силъ, въ другой – дѣла внутренней безопасности и государственнаго хозяйства, т. е.

устройства тѣхъ экономическихъ источниковъ, изъ которыхъ должены были получать питаніе боевыя силы. Въ первой сферѣ военно-административной, правительственными органами сдѣлались имъ все служилые люди, которыхъ положеніе и организація устроялись въ этой сферѣ. Дѣла полицейскія и финансовыя, которыя составляли вторую сферу, возложены были на мѣстныя земскія общества; безопасность которыхъ ограждалась этимъ порядкомъ учрежденій и которыя доставляли матеріальныя средства для содержанія боевыхъ силъ страны. Въ первой сферѣ правительственные органы дѣйствовали по непосредственному порученію или приказу государя и потому она называлась _приказной_; во второй – органами управленія служили отвѣтственныя выборныя власти земскихъ обществъ, которыя только дѣйствовали подъ руководствомъ и контролемъ центральныхъ приказныхъ учрежденій и потому эту сферу управленія можно назвать _земской_.

Такъ обозначились и практическіе пріемы разверстки государственныхъ обязанностей между отдѣльными классами общества. Эти пріемы выработаны были посредствомъ примѣненія общаго основанія разверстки къ тѣмъ экономическимъ состояніямъ, какія установились въ удѣльные вѣка. Такихъ состояній было два: одни свободные люди владѣли землей на правѣ собственности, эксплуатируя ее руками вольныхъ съемщиковъ или крѣпостныхъ рабочихъ, холоповъ, другіе пользовались чужой землей, казенной или частной, эксплуатируя ее непосредственно собственнымъ трудомъ. Сообразно съ тѣмъ пріемы разверстки государственныхъ обязанностей, выработанные путемъ такого примѣненія, можно выразить въ слѣдующихъ трехъ правилахъ: 1., _кто владѣетъ своей землей, тотъ долженъ нести государственную ратную службу_; 2., _кто непосредственно пользуется чужой землей, частной или казенной, тотъ несетъ податное государственное тягло_; 3., _управленіе какъ служебной, такъ и тяглымъ, ведется посредствомъ самихъ служилыхъ и тяглыхъ людей съ тою разницей, что первые получаютъ_

свои правительственныя полномочія по назначенію государя; вторые - по мірскому выбору и потому дѣятельность первыхъ соединена съ властью, дѣятельность вторыхъ - только съ отвѣтственностью. Запомнивъ эти три правила, мы безъ труда разберемся въ томъ сложномъ общественномъ складѣ, какой установился въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв.

Теперь разсмотримъ, какъ развертывались государственныя обязанности въ каждомъ отдѣльномъ классѣ по чинамъ. Прежде всего, примѣняя указанные пріемы развертки государственныхъ обязанностей къ устройству служилыхъ людей людей по отечеству, московская политика раздѣлила этотъ многочисленный классъ на длинный рядъ іерархическихъ слоевъ. На этотъ классъ, какъ мы знаемъ, падали двѣ повинности - ратная и приказная; но каждая изъ нихъ была раздроблена на мельчайшія доли или спеціальныя функціи, соотвѣтственно которымъ и вся служилая масса раскололась на нѣсколько чиновъ. Это дробленіе облегчалось составомъ многочисленнаго служилаго люда, собравшагося подъ рукой московскаго государя. Независимо отъ развертки государственныхъ повинностей и даже раньше ея этотъ классъ слагался изъ очень пестрыхъ элементовъ, различавшихся происхожденіемъ и экономическимъ положеніемъ. Дворъ московскаго великаго князя, въ удѣльное время дѣлившійся на бояръ, слугъ вольныхъ и дворовыхъ, со второй половины XV вѣка вобралъ въ себя дворы другихъ великихъ и удѣльныхъ князей, дѣлившіеся на тѣ же самые разряды. Но бояре и слуги другихъ княжествъ не слились съ боярами и слугами московскими, стали ниже ихъ въ порядкѣ политическаго значенія своихъ княжествъ, образуя рядъ новыхъ ступеней служилой московской іерархіи. Наконецъ, выше всѣхъ этихъ разрядовъ, и туземныхъ, и пришлыхъ, стали бывшіе владѣтельные князья съ ихъ потомками, превратившіеся изъ самостоятельныхъ государей въ слугъ московскаго государя, а въ самомъ низу пустымъ пластомъ легли новые служилые люди, навербованные для усиленія внѣшней обороны страны изъ несвободныхъ клас-

совъ – изъ семей духовенства, изъ горожанъ, изъ степныхъ казаковъ; даже изъ крестьянъ и холоповъ. Съ происхожденіемъ въ то время было связано и хозяйственное положеніе столь непохожихъ другъ на друга классовъ. Новобранцы изъ неслужилыхъ состояній были люди безземельные; потомки удѣльныхъ бояръ и слугъ вольныхъ въ большинствѣ были крупные или мелкіе землевладѣльцы. Наконецъ, большинство потомковъ владѣтельныхъ князей не только владѣло крупной земельной собственностью, но и сохраняло въ своихъ вотчинахъ значительную долю правительственныхъ полномочій, какими пользовались ихъ владѣтельные предки въ удѣльныя времена. Происхожденіемъ и экономическимъ положеніемъ условливалась служебная годность служилаго лица. При тогдашнемъ положеніи народнаго и государственнаго хозяйства землевладѣніе было необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія ратной службы, какъ она была тогда устроена. Для занятія высшихъ должностей по службѣ приказной нужны были навыкъ и авторитетъ, которые пріобрѣтались практикой власти и особенно „породой", отечествомъ, происхожденіемъ изъ родовитой фамиліи, членовъ которой общество привыкло видѣть облеченными властью и которымъ потому привыкло повиноваться. Съ этими средствами и условіями московская политика и должна была согласовать устройство служилаго класса. Легко видѣть, какъ она должна была дѣйствовать въ этомъ устройствѣ. Сдѣлавъ ратную службу пожизненной и потомственной обязанностью всѣхъ служилыхъ людей, надобно было разверстать ее по размѣрамъ служилаго землевладѣнія и съ этой цѣлью прежде всего надѣлить худородныхъ безземельныхъ служилыхъ людей казенной землей въ размѣрахъ, которые бы обезпечивали исправное исполненіе обязанностей рядовой ратной службы. Далѣе, на людей средней породы и состоятельности сверхъ ратной повинности надобно было возложить исполнительныя доли приказной службы, людямъ знатнѣйшихъ фамилій и вмѣстѣ крупнымъ землевладѣльцамъ дать руководящее значеніе въ военномъ и гражданскомъ управленіи посредствомъ такихъ

разнообразныхъ сочетаній породы, землевладѣльческой состоятельности и службы размѣстить весь пестрый служилый людъ по ступенямъ чиновной лѣстницы. Пріемы, которые московская политика прилагала къ устройству этого люда, разверстывая ратную и административную повинность по чинамъ, можно для памяти обозначить такой короткой формулой: приказная служба по отечеству, ратная по землямъ, земельной надѣлъ по службѣ, чины по отечеству и по службѣ. Изъ разверстки приказной службы по отечеству постепенно развились высшіе думные чины, съ которыхъ по принятому въ перечнѣ чиновъ порядку мы и начнемъ изученіе процесса чиновнаго дѣленія въ московскомъ государствѣ.

Еще въ удѣльное время при московскомъ дворѣ собралось боярство, которое и численностью, и политическимъ характеромъ замѣтно отличалось отъ боярства, служившаго при другихъ княжескихъ дворахъ сѣверной Руси. При господствѣ боярскаго права служить князю по временному личному уговору, часто мѣняя мѣсто службы, боярство нигдѣ, ни при одномъ дворѣ не могло составить плотнаго общественнаго класса. Въ каждомъ княжествѣ это былъ не общественный классъ, плотный и солидарный по своему положенію и интересамъ, а скорѣе измѣнчивый кругъ одинокихъ лицъ, случайно встрѣтившихся другъ съ другомъ при одномъ княжескомъ дворѣ. Но въ Москвѣ обстоятельства рано начали сплавлять такія одинокія служилыя лица въ плотный общественный классъ. Служба при московскомъ дворѣ уже въ XIV в. доставляла служилому человѣку выгоды, какихъ онъ не могъ найти ни при какомъ другомъ дворѣ. Это было причиной усиленнаго прилива служилыхъ людей въ Москву и сравнительно меньшей наклонности московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Благодаря этому усиленному приливу въ половинѣ XV в. въ Москвѣ собралось боярство, элементы котораго представляли собою почти всю тогдашнюю русскую землю. Родоначальники московскихъ боярскихъ фамилій сошлись въ Москву чуть не изо всѣхъ угловъ русской земли, даже изъ такихъ, гдѣ въ тѣ вѣка еще

очень мало пало Кіеву. Достаточно простаго перечня главныхъ фамилій, чтобы видѣть этотъ сборный составъ московскаго боярства. Около половины XV в. при дворѣ московскаго государя видная дѣятельность принадлежала членамъ фамилій: Волынскихъ, пришедшихъ съ Волыни, Квашниныхъ изъ Кіева, Плещеевыхъ и Фоминыхъ изъ Чернигова, Фоминскихъ и Всеволожскихъ изъ Смоленска, Алферьевыхъ и Бѣзниныхъ изъ Твери, Овцыныхъ изъ Мурома, князей Патрикѣевыхъ-Гедиминовичей изъ Литвы, Сабуровыхъ и Годуновыхъ изъ Орды, Ховриныхъ-Головиныхъ изъ Крыма, Кошкиныхъ, Захарьиныхъ и Колычевыхъ изъ Пруссіи. Кромѣ того, среди этихъ фамилій стояли съ виднымъ значеніемъ, но неизвѣстнаго происхожденія боярскіе роды Морозовыхъ, Поплёвиныхъ, Бутурлиныхъ, Челядниныхъ и многихъ другихъ. Не смотря на различіе происхожденій, въ этомъ боярствѣ замѣтна большая устойчивость положеній и отношеній. Выгоды московской службы увеличивались съ политическими успѣхами Москвы. Вотъ почему московское боярство въ продолженіе полутора вѣка усердно работало въ полномъ согласіи и объ руку съ московскими государями. Благодаря этимъ выгодамъ и видной дѣятельности, какая открылась московскому боярству съ усиленіемъ московскаго княжества, здѣшніе бояре привыкали къ дружному дѣйствію въ одномъ направленіи, воспитывая въ себѣ твердыя политическія привычки и крѣпкое политическое преданіе. Все это сообщало московскому боярству больше сословной сплоченности и выправки сравнительно съ его братіей другихъ княжествъ. Бояре московскіе переставали быть случайными товарищами по службѣ и равнодушными наемниками своего князя. Въ началѣ XV ст. на Руси ни при одномъ княжескомъ дворѣ не было боярства болѣе дисциплинированнаго и болѣе преданнаго своему князю. Въ этомъ боярствѣ и стала совершаться глубокая перемѣна съ половины XV в. подъ вліяніемъ политическихъ событій, которыя превратили московскій удѣлъ въ великорусское государство.

Политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси принесло въ Москву густой слой знатнаго удѣльнаго княжья,

сведеннаго или добровольно сошедшаго съ наслѣдственныхъ столовъ. Этотъ слой сталъ выше стараго нетитулованнаго московскаго боярства. Московскій государь долженъ былъ признать за первымъ служебное превосходство предъ послѣднимъ, давая служилымъ князьямъ первыя мѣста въ управленіи. Это предпочтеніе вынуждалось самымъ ходомъ политическаго объединенія Руси. Едва ли не большая часть удѣльныхъ князей добровольно подчинилась московскому государю съ своими удѣлами. Таковы были многочисленные князья Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Вяземскіе и многіе другіе. Принимая ихъ важныя политическія услуги, московскій государь обыкновенно оставлялъ ихъ владѣльцами или по крайней мѣрѣ намѣстниками-правителями ихъ прежнихъ удѣловъ съ значительной долей ихъ владѣтельныхъ правъ. Въ первое время своей московской службы это были не столько подданные московскаго государя, сколько союзные съ нимъ государи, его державные вассалы. Многіе изъ нихъ, напр. князья Одоевскіе, Бѣльскіе, долго сохраняли при себѣ особыя удѣльныя войска, которыми сами командовали въ московскихъ походахъ независимо отъ воеводъ московскихъ полковъ. При такомъ положеніи знатное удѣльное княжье не могло скоро слиться въ плотный классъ съ старымъ нетитулованнымъ боярствомъ Москвы; оно легло поверхъ его густымъ и надменнымъ слоемъ, помня, что у него самого еще недавно были на службѣ точно такіе же бояре, какихъ оно встрѣтило при московскомъ дворѣ. Съ другой стороны, бояре этихъ служилыхъ князей съ переходомъ послѣднихъ на московскую службу, разрывали свои служебныя связи съ прежними хозяевами и вступали въ непосредственную зависимость отъ московскаго государя. Но и она не слилась со старымъ московскимъ боярствомъ; не вошли въ его плотно сомкнутые ряды, а стали въ соціальномъ распорядкѣ ниже его, какъ бывшіе слуги младшихъ князей сравнительно съ московскимъ государемъ. Къ этому новому слою примкнули и удѣльные князья, владѣвшіе мелкими удѣлами или утратившіе удѣльную самостоятельность еще до перехода на московскую службу. Такъ старое московское боярство обно-

оказалось сверху и снизу двумя пришлыми классами, изъ которыхъ одинъ давилъ его книзу, погружая его въ рядовую служилую массу, а другой подпиралъ его кверху, отрѣзывая его отъ этой массы.

XIV.

Происхожденіе думныхъ чиновъ.— Обособленіе чина окольничьего отъ чина боярина.— Генеалогическое значеніе обоихъ этихъ чиновъ.— Происхожденіе и значеніе чина думнаго дворянина.— Устройство московскихъ чиновъ.— Дворъ московскаго государя въ XVI в.— Наборъ дѣтей боярскихъ для столичной службы по закону 3 октября 1550 г. Двойной генеалогическій составъ московскаго дворянства.— Двоякія специальныя порученія — административныя и военныя, падавшія на московскихъ дворянъ сверхъ общей ратной повинности.— Отношеніе московскихъ чиновъ къ думнымъ.

... Мы обозначили три генеалогическіе слоя въ новомъ составѣ московскаго боярства. Эти новыя наслоенія въ его составѣ и усложнили высшую чиновную іерархію. Прежде всего они внесли чиновное дѣленіе въ однообразный дотолѣ составъ государевой Думы, государственнаго совѣта. Въ удѣльное время всѣ члены этого совѣта носили одинаковое званіе бояръ; сначала XVI в. рядомъ съ этимъ званіемъ является званіе *окольничьяго* съ значеніемъ втораго думнаго чина. Въ удѣльное время окольничество было дворцовой должностью, вѣдомство которой, впрочемъ, недостаточно извѣстно. По смыслу самаго званія, окольничій былъ ближайшимъ человѣкомъ въ свитѣ князя, находившимся постоянно *около* него, распоряжался всѣмъ во дворцѣ во время пріема пословъ, ѣздилъ передъ княземъ въ поѣздкахъ послѣдняго, приготовлялъ все нужное въ пути. Сначала XVI в. особая должность окольничьяго исчезаетъ при московскомъ дворѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государева Дума составляется изъ членовъ двухъ разрядовъ — одни зовутся просто боярами, другіе „боярами окольничими" и послѣдніе ставятся ниже первыхъ. Повидимому, отношеніе бояръ окольничихъ къ боярамъ было такое же, какое

теперь существуетъ между тайными совѣтниками и дѣйствительными тайными. Наконецъ, еще въ первой половинѣ XVI вѣка окольничество совершенно отдѣлилось отъ боярства и получило значеніе второго думнаго чина.

Но это были не просто служилые чины: они представляли собою и особые генеалогическіе слои боярства. До насъ дошли списки бояръ и окольничихъ сначала великокняженія Ивана III до конца царствованія Өедора Алексѣевича; значитъ, эти списки обнимаютъ два слишкомъ вѣка. Разсматривая эти списки, находимъ, что званіемъ бояръ облекались преимущественно люди знатнѣйшихъ титулованныхъ фамилій. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ Думу съ званіемъ окольничихъ, и потомъ становились боярами, но другіе прямо получали чинъ бояръ. Къ этому послѣднему разряду принадлежали по спискамъ наиболѣе громкія имена потомковъ удѣльныхъ князей — князья Ростовскіе, князья Пѣнковы Ярославскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Шуйскіе и другіе. Считая фамиліи бояръ за время съ 1505 г. по 1593 г. включительно, находимъ, что черезъ государеву Думу въ это время прошло около двухсотъ бояръ, изъ нихъ 130 принадлежали къ знатнѣйшимъ титулованнымъ фамиліямъ и только 70 къ нетитулованному боярству. Значитъ, титулованная знать въ это время выслала въ Думу около 65 % бояръ, тогда какъ нетитулованная всего около 35%. Итакъ, удѣльное княжье численностью преобладало въ званіи бояръ впродолженіи всего XVI ст. — Совсѣмъ другой служилый міръ открывается передъ нами, когда мы просматриваемъ списки окольничихъ за тѣ же 89 лѣтъ. За это время въ званіи окольничихъ перебывало въ Думѣ до 140 человѣкъ; изъ нихъ съ небольшимъ 30 человѣкъ, значитъ менѣе 23% принадлежали къ знатному титулованному боярству, къ потомкамъ удѣльнаго княжья; всѣ остальные окольничьи были изъ нетитулованныхъ боярскихъ фамилій. Справляясь о происхожденіи этихъ фамилій по родословной книгѣ XVI в., находимъ, что это все потомки стариннаго московскаго боярства, родоначальники которыхъ начали служить въ Москвѣ еще въ XIV в. или даже нѣсколько раньше. Чаще всего

въ спискѣ окольничихъ являются немногія коренныя фамиліи старого московскаго боярства съ ихъ отраслями — Морозовы съ Поплевыными, Салтыковыми, Тучковыми и Шеиными, Кошкины съ Захарьиными, Яковлевыми, Шереметевыми, Сабуровы съ Годуновыми, Давыдовы съ Бутурлиными и Челядниными, Плещеевы и проч. Такимъ образомъ въ спискахъ московскихъ окольничихъ XVI в. вскрывается старое боярское гнѣздо, которое свилось въ Москвѣ еще въ XIV ст. Это боярство было придавлено наплывомъ новыхъ титулованныхъ слугъ съ половины XV в. Но оно не погибло среди этого наплыва, успѣло удержать свое положеніе и отстоять въ государственномъ совѣтѣ второй думный чинъ.

Съ половины XVI в. въ спискахъ членовъ Думы появляется третій чинъ — думныхъ дворянъ. Чинъ этотъ имѣлъ еще болѣе сложное происхожденіе. Если пересчитать по упомянутымъ спискамъ фамиліи, изъ которыхъ выходили бояре и окольничіе въ княженіе Ивана III, его сына и внука, то насчитаемъ около ста такихъ фамилій. Но до насъ дошла родословная московскаго боярства, составленная въ концѣ XVI в.; пересчитавъ по этой книгѣ всѣ боярскія фамиліи, которыя служили въ московскомъ государствѣ того вѣка, найдемъ ихъ не менѣе двухсотъ. Итакъ, бóльшая половина всего московскаго боярства въ его новомъ составѣ въ продолженіи XVI в. не имѣла своихъ представителей въ Думѣ и на дѣлѣ лишена была того политическаго преимущества, которое одно давало боярскимъ фамиліямъ значеніе боярства. Такъ образовался въ составѣ боярства особый слой, оставшійся за думнымъ штатомъ. По происхожденію, „по отечеству" онъ принадлежалъ къ боярству, но началъ отдѣляться отъ него по службѣ, не попадая въ Думу, въ званіе бояръ и окольничихъ. Люди этого слоя обыкновенно носили названіе дѣтей боярскихъ, т. е. кандидатовъ на боярство. Хотя эти люди оставались за дверьми Думы, но имъ нашли видную дѣятельность въ новомъ административномъ строѣ московскаго государства. Чѣмъ болѣе расширялись его границы, тѣмъ болѣе усложнялся его административный механизмъ. Появился рядъ новыхъ учрежденій, непохожихъ на прежнія; эти учрежде-

ніе вѣдали не военныя, а финансовыя и полицейскія дѣла. Къ этимъ дѣламъ непривычна была первостепенная военно-придворная знать; для нихъ потребовались новые дѣльцы, обладавшіе дѣловой опытностью, какой не давала ратная служба, и умѣніемъ вести канцелярскія дѣла. Люди этого слоя, составлявшагося изъ упавшихъ московскихъ боярскихъ фамилій и изъ боярскихъ родовъ, которые пришли изъ удѣловъ, теперь и понадобились для этихъ новыхъ административныхъ задачъ. Начиная службу снизу, хорошо знакомые съ подробностями административнаго дѣлопроизводства, они иногда высоко поднимались по службѣ и получали въ завѣдываніе военныя дѣла, съ которыми постоянно должна была справляться боярская дума. Такимъ образомъ этихъ гражданскихъ административныхъ дѣльцовъ правительство должно было ввести въ составъ Думы. Но они были слишкомъ худородны, чтобы ихъ можно было вводить въ Думу прямо съ званіемъ бояръ или окольничихъ; они принадлежали, говоря старымъ московскимъ языкомъ, къ „такимъ статьямъ родовъ, которыя въ боярехъ не бываютъ." Таковы были Зюзины, Адашевы, Алферьевы, Черемисины, Сукины и другіе. Для нихъ и созданъ былъ третій думный чинъ. Въ княженіе Василія, отца Грознаго, въ торжественныхъ случаяхъ упоминаются по актамъ всюду за боярами и окольничими дѣти боярскіе, <u>что въ Думѣ живутъ</u>, т. е. бываютъ, имѣютъ въ ней мѣсто или приглашаются на ея засѣданія. Съ половины <u>XVI</u> в. эти дѣти боярскіе, въ Думѣ живущіе получаютъ званіе думныхъ дворянъ.

Такъ произошло раздѣленіе личнаго состава Думы на три чина. Въ спискахъ людей, которые облекались этими чинами, мы встрѣчаемъ три особыхъ слоя въ составѣ московскаго боярства. Думные чины въ то время не были неподвижными, замкнутыми политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи одновременно носили разные думные чины. Думныхъ дворянъ за службу возводили въ окольничьи, окольничьи дослуживались до боярства; но въ то время эти званія еще не превратились въ простые служебные ранги, сохраняли

нѣкоторое социальное различіе: за каждымъ изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій слой. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, къ которымъ присоединились немногіе роды стараго московскаго боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого послѣдняго, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ слугъ въ Москву. Наконецъ, думное дворянство было политическимъ пріютомъ для выслужившихся дѣльцовъ того смѣшаннаго класса, который состоялъ изъ уцѣлѣвшихъ фамилій стараго московскаго боярства и изъ массы пришлыхъ бояръ удѣльныхъ. Такимъ образомъ чиновный составъ Думы въ XVI в. отражалъ въ себѣ генеалогическій складъ московскаго боярства того времени. Между слоями, изъ которыхъ состояло это боярство, и разверстаны были соотвѣтственно ихъ генеалогическому значенію различныя функціи высшей приказной службы. Дѣятельность думныхъ людей не ограничивалась законодательными работами въ Думѣ; они занимали и другія высшія должности, управляли московскими приказами и областями, командовали полками, словомъ руководили всѣмъ управленіемъ, но не съ одинаковымъ авторитетомъ. Важнѣйшія должности по военному и гражданскому управленію поручались боярамъ, второстепенныя – окольничимъ

За думными чинами въ служилой іерархіи слѣдовали чины московскіе. Происхожденіе ихъ тѣсно было связано съ чиновнымъ дѣленіемъ Думы. Въ Думу, при ея неширокомъ численномъ составѣ, попадали немногіе члены боярскихъ фамилій, притомъ они получали мѣста послѣ долгихъ лѣтъ службы внѣ ея: боярами и окольничими становились уже пожилые служаки. Огромное большинство лицъ, принадлежавшихъ къ боярскому классу, всю жизнь оставалось въ званіи дѣтей боярскихъ, дожидаясь мѣста въ Думѣ. Эти непопавшіе въ Думу члены боярскихъ фамилій или дѣти боярскіе и составляли собственно дворъ московскаго государя. Во второй половинѣ XVI в. эти дворовые дѣти боярскіе получили общее названіе московскихъ дворянъ. До половины XVI в. дворъ этотъ не имѣлъ правильнаго устройства. Дѣти боярскіе или дворяне московскіе росписаны были по раз-

нымъ уѣздамъ, гдѣ находились ихъ недвижимыя имущества. Но въ 1550 году дворяне, обязанные службой въ столицѣ, были сосредоточены въ одинъ классъ и крѣпче привязаны къ столицѣ, получили правильную организацію и болѣе опредѣленное служебное назначеніе. 3 Октября 1550 г. государь приговорилъ съ боярами набрать по разнымъ уѣздамъ 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ, лучшихъ слугъ, и раздать имъ помѣстья въ московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ не далѣе 70ти верстъ отъ столицы. Эти новобранцы должны были всегда быть наготовѣ въ столицѣ для исполненія различныхъ правительственныхъ порученій. Ихъ раздѣлили на три статьи или разряда по размѣрамъ помѣстныхъ окладовъ. Къ этимъ дѣтямъ боярскимъ присоединили нѣсколько бояръ и окольничихъ, которые не имѣли ни вотчинъ, ни помѣстій вблизи Москвы. Боярамъ, окольничимъ и дворянамъ первой статьи назначили помѣстный окладъ въ 200 четей (четь - 1½ десятины) пахатной земли, не считая сѣнокосной, дѣтямъ боярскимъ второй статьи по 150 четей, третьей статьи - по 100. Всего было испомѣщено 28 бояръ и окольничихъ и 1050 дѣтей боярскихъ; пахатной земли имъ роздано 138.200 четей, т. е. 207.000 десятинъ пахатной земли. До насъ дошелъ полный списокъ этой тысячи. Въ первой статьѣ, очень немногочисленной, встрѣчаемъ все титулованныя или знатныя нетитулованныя имена; здѣсь обозначенъ и кн. Андрей Михайловичъ Курбскій, и Никита Романовичъ Юрьевъ, родной братъ царицы. Напротивъ, во второй статьѣ являются люди неодинаковаго происхожденія: рядомъ съ знатью обозначены члены очень скромныхъ служилыхъ фамилій. Наконецъ, въ третьей статьѣ очень мало родовитыхъ именъ; господствуетъ рядовое дворянство. Такимъ образомъ статьи, на которыя раздѣлены были дѣти боярскіе, испомѣщенные вокругъ столицы, представляли собою особые чины, различавшіеся степенью знатности. Къ концу XVI в. дѣленіе на статьи замѣнилось дѣленіемъ на чины стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ. Названія этихъ чиновъ прежде значили придворныя должности, подобно званію окольничаго; теперь они получили значеніе простыхъ чиновъ. Этимъ наборомъ пополнены были ряды дворянства, призаннаго службой къ столицѣ.

Оно получило двойственный составъ: рядомъ съ людьми знатныхъ фамилій стали люди, набранные по различнымъ уѣздамъ государства изъ низшаго провинціальнаго дворянства. Служба по московскому списку была началомъ служебной карьеры для людей знатныхъ фамилій и завершеніемъ ея для людей средняго и низшаго дворянства. Молодой сынъ боярина, достигнувъ боеваго возраста, обыкновенно начиналъ служить дворяниномъ московскимъ или стольникомъ, и потомъ, смотря по знатности, получалъ мѣсто въ Думѣ съ званіемъ окольничьяго или прямо боярина. Напротивъ, дворянинъ провинціальный, долго прослуживъ по выбору, потомъ возвышался въ чинъ жильца, въ рѣдкихъ случаяхъ дворянина московскаго и еще рѣже стольника. Этотъ двойственный составъ московскаго списка легко различить, просматривая боярскую книгу 1627г.: здѣсь обозначены имена бояръ, окольничьихъ и всѣхъ чиновъ московскаго списка: поименовано 236 стольниковъ, 94 стряпчихъ и 826 дворянъ московскихъ; жильцовъ нѣсколько позднѣе, въ половинѣ вѣка, было около 2000. Любопытно остановиться на длинномъ спискѣ дворянъ московскихъ; первые два-три десятка именъ въ немъ принадлежатъ все къ знатнѣйшимъ титулованнымъ или нетитулованнымъ фамиліямъ; это князья Голицыны, Хованскіе, Ростовскіе, Прозоровскіе, — дѣти бояръ Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ. Чѣмъ ниже спускаемся мы по этому списку, тѣмъ рѣже мелькаютъ знатныя имена. Напротивъ, все чаще и чаще попадаются фамиліи, которыхъ члены никогда не появлялись въ спискахъ думныхъ чиновъ: Биркины, Боборыкины, Загряжскіе, Наумовы и т.д., съ отмѣтками при именахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что прежде они служили выборными дворянами по такому-то городу. Значитъ, московскій списокъ былъ служебнымъ поприщемъ, на которомъ встрѣчались другъ съ другомъ обѣ половины служилаго класса — знатная и рядовая. Согласно съ этимъ двойственнымъ составомъ на московское дворянство падали сверхъ ихъ общей ратной повинности и двоякія служебныя порученія — административныя и военныя. Стольники и дворяне московскіе въ мирное время были вѣчно на посылкахъ; ихъ назначали управителями второстепенныхъ московскихъ приказовъ, воеводами во второстепенные

города, въ свиту къ посламъ, отправляемымъ къ иностраннымъ дворамъ, ихъ посылали и для производства слѣдствій по важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ различныя части государства, словомъ — на нихъ возлагались въ особыя административныя и дипломатическія порученія. Это были исполнительныя орудія гражданскаго управленія. Рядомъ съ этимъ они занимали совершенно особое положеніе въ военномъ строѣ; стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы составляли значительный и наилучше вооруженный корпусъ, называвшійся царевымъ полкомъ и обыкновенно сопровождавшій царя въ военныхъ походахъ; ихъ бывало иногда болѣе 6.000 человѣкъ. Но они рѣдко ходили въ походы всей массой; они имѣли еще значеніе офицерскаго запаса для провинціальныхъ служилыхъ людей: часть ихъ разсылалась въ военное время по армейскимъ полкамъ, состоявшимъ изъ провинціальнаго дворянства. Въ этихъ полкахъ они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами, а также составляли свиту полковыхъ воеводъ, т. е. корпусныхъ командировъ. Такимъ образомъ одну часть московскаго дворянства, составлявшую царевъ полкъ, можно назвать московской гвардіей, а другая, руководившая полками городоваго дворянства, имѣла значеніе московскаго генеральнаго штаба. Но не думайте, что и въ царевомъ полку люди московскаго списка служили рядовыми; они были большею частью крупные землевладѣльцы, которые выходили въ походъ съ значительнымъ числомъ вооруженныхъ холоповъ. Мы увидимъ послѣ, какъ развернута была эта ратная служба по размѣрамъ землевладѣнія. Каждый московскій дворянинъ выступалъ въ походъ съ десятками или сотнями вооруженныхъ холоповъ и ими командовалъ. Такимъ образомъ люди московскихъ чиновъ, служа командирами частей въ городовыхъ полкахъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ своемъ царевомъ полку имѣли значеніе командировъ вотчинныхъ холопьихъ отрядовъ.

Чтобы нагляднѣе видѣть это двойственное значеніе московскаго дворянства, достаточно просмотрѣть роспись 1681 г. Всего стольниковъ и другихъ московскихъ чиновныхъ людей по этой росписи считалось 6385 человѣкъ, изъ нихъ 3761 человѣкъ расписаны были по полкамъ провинціальнаго дворянства въ офицерскихъ

должностямъ; 2624 входили въ составъ московскаго гвардейскаго корпуса, „царева полка", но они приводили съ собою въ этомъ полку 21.000 слишкомъ вооруженныхъ холоповъ, такъ что весь московскій корпусъ состоялъ почти изъ 25.000 съ небольшимъ; на каждого дворянина въ немъ приходилось круглымъ числомъ почти по 10 холоповъ. Перечисленные московскіе чины различались между собою свойствомъ административныхъ и военныхъ порученій, какія возлагались на людей каждаго изъ нихъ: стольникъ назначался въ большіе воеводы, посломъ, дворянинъ московскій и т. д. Впрочемъ и между ними существовало такое же іерархическое движеніе, какъ и въ думныхъ чинахъ: жилецъ повышался въ дворяне московскіе, дворянинъ въ стряпчіе или стольники. Но это движеніе несколько отличалось отъ того, какое происходило въ думной службѣ. Думные чины давались преимущественно по отечеству или по породѣ. Тоже отечество служило основаніемъ чиновнаго возвышенія и для знатныхъ людей, служившихъ по московскому списку, но значительное большинство столичнаго дворянства поднималось по чиновной лѣстницѣ по службѣ, т. е. по заслугамъ, а не по породѣ. Такимъ образомъ двойственный генеалогическій составъ московскаго списка отражался и въ служебномъ движеніи людей, по нему служившихъ.

XV.

Происхожденіе служилыхъ чиновъ городовыхъ. – Разверстка службы по землѣ и превращеніе удѣльныхъ дворовъ въ мѣстныя общества служилыхъ вотчинниковъ. – Разверстка земли по службѣ и образованіе новыхъ обществъ служилыхъ помѣщиковъ. – Поземельное устройство новобранцевъ на опасныхъ границахъ государства. – Слѣдствія разверстки службы по землѣ и земли по службѣ: 1) разрушеніе первоначальныхъ мѣстныхъ обществъ служилыхъ вотчинниковъ; 2) происхожденіе двойственнаго характера и состава столичнаго дворянства; 3) установленіе нормы поземельной службы.

Изучая происхожденіе высшихъ служилыхъ чиновъ, думныхъ

и столичныхъ, мы видѣли, что они имѣли генеалогическій источникъ и правительственное значеніе. Они соотвѣтствовали слоямъ, изъ которыхъ составлялась московская служилая знать къ XVI в. и различались важностью правительственныхъ порученій, какія возлагались на людей того или другого чина. Чиновное дѣленіе низшаго провинціальнаго дворянства имѣло другое основаніе: здѣсь чиновныя различія возникли изъ распорядка поголовной ратной службы, т. е. общей повинности, падавшей на всѣхъ служилыхъ людей, какъ столичныхъ, такъ и городовыхъ. Если высшіе чины были различныя степени правительственнаго довѣрія или авторитета, которымъ облекались лица, ихъ носившія, то чины городовые были различныя степени боевой годности. Въ тогдашнемъ военномъ строѣ боевая годность служилаго человѣка опредѣлялась не столько строевой выучкой или личной храбростью, сколько количествомъ вооруженныхъ дворовыхъ людей, съ которыми онъ выступалъ въ походъ, и качествомъ своего и ихъ вооруженія. Такой боевой годностью иной молодой знатный стольникъ, унаслѣдовавшій отъ отца обширную вотчину, намного превосходилъ иного стараго боярина, выводя въ поле несравненно большее количество хорошо вооруженныхъ ратниковъ. Тѣмъ не менѣе въ военномъ и гражданскомъ управленіи стольникъ становился гораздо ниже боярина, пока самъ не дослуживался „до Думы", т. е. до думнаго чина. Напротивъ, положеніе провинціальнаго дворянина въ городовой чиновной іерархіи опредѣлялось исключительно его боевыми средствами. Эта разница происходила оттого, что обязанности правительственной службы распредѣлялись между служилыми людьми по ихъ отечеству, породѣ, а тягости службы ратной развёрстывались по землѣ, то есть по землевладѣльческой состоятельности.

Первоначально, т. е. въ первую пору образованія московскаго государства, „дворы" пережившихъ самостоятельность князей оставались на мѣстахъ, образуя мѣстныя землевладѣльческія общества; съ нихъ снимался только верхній слой — знатнѣйшее удѣльное дворянство, которое всюду за своими князьями переселялось въ Москву для столичной службы. Но и въ столицѣ эти пришлые элементы московскаго двора нѣкоторое время не сливались

со старыми московскими служилыми людьми, образуя особыя родословныя или удѣльныя группы. Такъ, знатные придворные люди, присутствовавшіе во дворцѣ при торжественномъ пріемѣ польскихъ пословъ въ 1542 г., были расписаны на такія группы: „князи Оболенскіе, князи Ростовскіе, князи Ярославскіе, князи Стародубскіе, дворъ Тверской, Москва." Въ послѣдней группѣ поименованы члены двухъ старинныхъ московскихъ фамилій — Морозовыхъ и Шеиныхъ, да одинъ Ласкиревъ — сынъ выѣхавшаго въ Москву въ XV в. знатнаго грека изъ фамиліи Ласкарисовъ. Люди, принадлежавшіе къ этимъ мѣстнымъ группамъ — кн. Оболенскіе, Ростовскіе и дворъ Тверской, Москва — владѣли вотчинами въ тѣхъ княжествахъ, имена которыхъ они носили. Такъ ратные люди въ московскомъ государствѣ первоначально складывались въ мѣстныя служилыя общества по землямъ, т. е. по мѣсту землевладѣнія.

Но рядомъ съ этими мѣстными обществами, основанными на удѣльномъ распорядкѣ служилыхъ людей, возникали другія, вызванныя новыми стратегическими условіями внѣшней обороны. По мѣрѣ расширенія московскаго государства въ составъ его территоріи входили мѣстности, въ которыхъ было мало или вовсе не было служилыхъ землевладѣльцевъ, но которыя нуждались во внѣшней защитѣ. Для огражденія такихъ мѣстностей отъ внѣшнихъ нападеній онѣ заселялись безземельнымъ людомъ, составлявшимъ изъ низшихъ слугъ прежнихъ удѣльныхъ дворовъ — изъ тяглыхъ людей и даже привычныхъ къ оружію холоповъ, которыхъ правительство брало изъ боярскихъ дворовъ и ставило въ ряды провинціальнаго дворянства. Подъячій второй половины XVII вѣка Котошихинъ, вспоминая объ этой усиленной военной вербовкѣ, въ своемъ описаніи московскаго государства говоритъ, что въ прошлые давніе годы, когда у московскаго государства были войны съ окрестными государствами, ратныхъ людей набирали изъ всякихъ чиновъ и иные изъ нихъ „за службу и полонное терпѣніе" (т. е. за страданіе въ плѣну) освобождались отъ холопства и крестьянства и получали въ награду за свою службу небольшія помѣстья и вотчины. Средствомъ для поземельнаго устройства этихъ новобранцевъ былъ новый видъ землевладѣнія, выработав-

шійся въ московскомъ государствѣ и получившій названіе помѣстнаго. Я не буду говорить ни о происхожденіи этого землевладѣнія, ни о тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, которыя входили въ составъ помѣстной системы: одни изъ васъ, можетъ быть, слушали объ этомъ въ общемъ курсѣ русской исторіи; другіе услышатъ въ общемъ курсѣ исторіи русскаго права. Для насъ теперь важны практическія послѣдствія этой системы, которыя показываютъ, какъ устроилось военно-служилое и поземельное положеніе провинціальнаго дворянства при помощи законодательства о помѣстныхъ владѣніяхъ. Напомню только, что въ московскомъ государствѣ помѣстьемъ въ отличіе отъ вотчины, наслѣдственной поземельной собственности, назывался участокъ казенной земли, данный служилому человѣку во временное, обыкновенно пожизненное владѣніе подъ условіемъ службы и какъ средство для службы. Этотъ видъ землевладѣнія возникъ еще въ удѣльные вѣка: его черты носили на себѣ тѣ участки, которыми князья надѣляли за службу и только на время службы не боевыхъ, а дворцово-хозяйственныхъ своихъ слугъ, знакомыхъ уже намъ подъ названіемъ слугъ, подъ дворскимъ." Только въ XV и XVI вв. это землевладѣніе было распространено на всѣхъ служилыхъ людей и приведено было законодательствомъ въ стройную систему.

Эта помѣстная система была выраженіемъ другаго правила, которое положено было въ основу военно-поземельнаго устройства служилыхъ людей и было тѣсно связано съ первымъ, которое проводилось чрезъ вотчинное землевладѣніе. Мы видѣли, что когда ратная служба стала обязательной повинностью цѣлаго класса, ея тягости были разложены между служилыми людьми по землѣ, т. е. по размѣрамъ вотчины каждаго. Но если всѣ люди, владѣвшіе землей, должны были нести ратную службу въ мѣру земельнаго владѣнія, то естественно — всѣ, кто несъ постоянную ратную службу, должны были владѣть землей соразмѣрно съ служебными тягостями. Такъ, правило служить по землѣ привело къ другому обратному — владѣть землей по службѣ. Согласно съ этимъ новымъ правиломъ и надѣлялись помѣстьями безвотчинные или маловотчинные служилые люди.

Это испомѣщеніе не только ввело новыхъ землевладѣльцевъ въ ряды старыхъ мѣстныхъ вотчинныхъ обществъ, но и создало впродолженіи XVI и XVII вв. одно за другимъ новыя уѣздныя землевладѣльческія общества, на которыя падала обязанность защищать ближайшія къ нимъ границы государства. Наиболѣе угрожаемыя западныя, южныя и восточныя границы были обсажены болѣе или менѣе густыми рядами помѣщиковъ, которыми, какъ живой изгородью, съ трехъ сторонъ былъ защищенъ государственный центръ. Мы можемъ судить о ходѣ этихъ оборонительныхъ работъ по нѣсколькимъ сохранившимся въ памятникахъ даннымъ. Въ 1488 г., нѣсколько лѣтъ спустя по завоеваніи Новгорода, здѣсь былъ открытъ заговоръ, вслѣдствіе котораго болѣе 8000 бояръ, знатныхъ горожанъ и купцовъ переселены были изъ Новгорода въ Московскую землю. Эти бояре и знатные горожане были въ большинствѣ крупные землевладѣльцы. Личные землевладѣльцы должны были служить, по правилу московской политики; но туземные землевладѣльцы на своихъ новгородскихъ вотчинахъ были опасны для московскаго правительства. Поэтому 8.000 переселенцевъ были разсыпаны по уѣздамъ владимірскому, нижегородскому, муромскому, переяславскому, юрьевскому, ростовскому и костромскому и надѣлены помѣстьями. На ихъ опустѣлыя мѣста посланы были сотни московскихъ служилыхъ людей, которымъ розданы были въ помѣстья конфискованныя вотчины переселенцевъ. При этомъ, чтобы добыть требуемое количество московскихъ служилыхъ замѣстителей, велѣно было распустить болѣе 50-ти семей походныхъ холоповъ, служившихъ во дворахъ московскихъ бояръ Тучковыхъ, Шереметевыхъ, Ряполовскихъ, Травиныхъ и другихъ. Всѣ эти невольно-отпущенные получили помѣстья въ Вотской пятинѣ, пограничной съ шведскими и ливонскими владѣніями. До насъ дошла окладная книга этой самой пятины, составленная въ 1500 г. Въ 14-ти погостахъ двухъ уѣздовъ этой пятины, Ладожскомъ и Орѣховскомъ (уѣздный городъ Орѣшекъ) мы встрѣчаемъ по окладной книгѣ 106 московскихъ помѣщиковъ и между ними много бывшихъ холоповъ московскихъ бояръ. Въ имѣніяхъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ значилось около 45.000 десятинъ пашенной

земли, на которой работало болѣе 4.000 крестьянъ и помѣщичьихъ дворовыхъ людей. Такое служилое гнѣздо свито было Москвой въ пограничномъ съ Шведскими владѣніями уголкѣ Новгородской земли менѣе чѣмъ въ два десятилѣтія. Еще раньше и гуще заселены были восточные и сѣверовосточные уѣзды. Въ 1499 г. совершенъ былъ подъ командой кн. Семена Курбскаго походъ за Уралъ на вогуловъ, нападавшихъ на русскія владѣнія; подъ начальствомъ князя было послано между прочимъ 1304 служилыхъ человѣка устюжскаго уѣзда и болѣе 2.000 служилыхъ людей уѣздовъ вятскаго, важскаго и пинежскаго. Еще заботливѣе ограждались самыя опасныя южныя границы. Баронъ Герберштейнъ, посѣтившій дважды Московію въ началѣ XVI в. и хорошо ее изучившій, говоритъ, что даже въ мирное время по рѣкамъ Окѣ и Дону ставили ежегодно до двадцати тысячъ ратныхъ людей для предупрежденія татарскихъ нападеній. По установившемуся порядку мобилизаціи большинство этихъ сторожевыхъ отрядовъ состояло изъ служилыхъ людей южныхъ пограничныхъ уѣздовъ. Можно даже уловить по книгамъ XVI в. географическое распредѣленіе провинціальнаго дворянства. Въ центральныхъ уѣздахъ, особенно въ московскомъ, было очень мало городовыхъ дворянъ; рѣшительно преобладали землевладѣльцы высшихъ чиновъ, думныхъ и московскихъ, обыкновенно крупные вотчинники и съ крупными помѣстными окладами. Помѣстья самихъ городовыхъ дворянъ, разсѣянныя между крупными имѣніями людей высшихъ чиновъ въ этихъ уѣздахъ, были также довольно значительны. Чѣмъ дальше отъ московскаго уѣзда на востокъ и югъ, тѣмъ рѣже становились помѣстья и вотчины высшихъ чиновъ, тѣмъ больше являлось провинціальныхъ помѣщиковъ и тѣмъ меньше были ихъ помѣстные оклады. Размѣры помѣщичьяго и вотчиннаго землевладѣнія шли въ рѣдѣющемъ порядкѣ отъ центра къ южнымъ, западнымъ и восточнымъ окраинамъ. Возьмемъ списокъ служилыхъ людей Коломенскаго уѣзда съ ихъ помѣстными окладами 1577 г. По этому списку значилось 295 помѣщиковъ, за которыми по окладамъ числилось 804.000 десятинъ пахатной земли, не считая лѣсной, луговой и неудобной. Слѣдовательно, на каждаго помѣщика при-

ходилось по 285 десятинъ. Возьмемъ списокъ служилыхъ людей рязскаго уѣзда 1597 г. Рязскій уѣздъ въ концѣ XVI в. принадлежалъ къ числу юго-восточныхъ пограничныхъ. По списку, въ немъ было 770 помѣстій, въ которыхъ по окладамъ значилось 127.860 десятинъ; слѣдовательно, средне помѣстье имѣло 166 десятинъ. Такова разница отъ средняго помѣстья коломенскаго уѣзда, заключавшаго въ себѣ 285 десятинъ. Въ этомъ рязскомъ и смежныхъ или еще болѣе южныхъ уѣздахъ — епифанскомъ, ефремовскомъ, козловскомъ, лебедянскомъ, елецкомъ, ливенскомъ, воронежскомъ — въ концѣ XVI и началѣ XVII в. садились служилые люди „вновь на дикихъ поляхъ". Тамъ было чрезвычайно мало, въ иныхъ мѣстахъ даже совсѣмъ не было крестьянъ; служилые люди были здѣсь первыми русскими поселенцами съ своими дворовыми людьми. Они разсаживались не одинокими помѣщичьими усадьбами, а огромными сплошными и притомъ укрѣпленными селеніями и почти всѣ жили „однодворкою", т. е. имѣли только свои собственные дворы, не имѣя дворовъ крестьянскихъ.

Совмѣстнымъ дѣйствіемъ обоихъ правилъ, которыя легли въ основаніе устройства служилыхъ людей провинціальныхъ, и вызванъ былъ рядъ важныхъ для этого класса слѣдствій.

1., Разбились старинныя общества служилыхъ вотчинниковъ, которыя образовались еще въ удѣльное время, безземельные слуги удѣльныхъ князей, жившіе кормленіями, теперь разсѣялись по помѣстьямъ въ разныхъ уѣздахъ, отдаленныхъ отъ мѣста службы ихъ отцовъ. То же самое случилось и съ потомками самихъ удѣльныхъ князей: князья Оболенскіе стали помѣщиками въ новгородской земли, а князя Дулова изъ линіи ярославскихъ встрѣчаемъ мелкимъ помѣщикомъ въ рязскомъ уѣздѣ, а князя Засѣкина изъ той же линіи — въ каширскомъ.

2., Въ половинѣ XVI в., какъ только установились новыя уѣздныя служилыя общества, состоявшія изъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, съ нихъ опять былъ снятъ верхній слой для службы столичной, какъ было сдѣлано еще прежде, въ XV в. Этимъ слоемъ и была та тысяча, о которой я упоминулъ въ прошедшій разъ, набранная изъ дѣтей боярскихъ разныхъ уѣздовъ и

получившая помѣстья около Москвы. Въ нее попали, по выраженію указа 1550 г., „лучшіе слуги", т. е. наиболѣе состоятельные и годные къ ратной службѣ. То были или знатные люди, владѣвшіе хорошими наслѣдственными вотчинами, каковъ былъ напр. князь Мезецкій, у котораго въ вотчинѣ оказалось болѣе 2.000 десятинъ пахатной земли, — или потомки служилыхъ людей очень простаго происхожденія, но успѣвшіе удачно устроиться на пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ. Между ними встрѣчаешь даже потомки бывшихъ боярскихъ холоповъ, распущенныхъ при великомъ князѣ Иванѣ III и получившихъ помѣстья въ новгородской землѣ. Получивши подмосковные помѣстья, люди этой тысячи не потеряли своихъ вотчинъ и помѣстій въ уѣздахъ, изъ которыхъ они были взяты; но вошедши въ составъ столичнаго дворянства, они вышли изъ дворянскихъ уѣздныхъ обществъ, къ которымъ прежде принадлежали. Отсюда и произошелъ двойственный генеалогическій и служебный характеръ этого дворянства. Въ немъ встрѣчаешь люди отечества, породы, съ людьми службы, выслуги. Это были и лучшіе боевые ратники („царевъ полкъ"), и исполнительныя орудія управленія. Такимъ образомъ одной стороной своей дѣятельности и верхиной своего состава московское дворянство было обращено къ боярству, а другой стороной своей дѣятельности и нижней частью состава — къ провинціальному дворянству.

3. Если государственное положеніе боярства держалось на отечествѣ, а положеніе столичнаго дворянства на отечествѣ и приказной службѣ, то положеніе городоваго дворянства строилось единственно на ратной службѣ. Примѣняя оба правила, въ половинѣ XVI в. законодательство установило норму поземельной службы. Въ лѣтописи, среди узаконеній 1556 г., мы встрѣчаемъ плохую парафразу закона, не дошедшаго до насъ въ подлинникѣ, который гласитъ приблизительно слѣдующее: „государь разсмотрѣлъ, что иные вельможи и воины многими землями завладали, а службой оскудѣли — несоразмѣрна ихъ служба съ государевымъ жалованьемъ (помѣстьями) и съ ихъ вотчинами; потому государь указалъ измѣрить ихъ земли и уравнять ихъ помѣстьями, надѣливъ каждаго, кто чего заслу-

живаетъ; а лишнее отобрать и раздѣлить между неимущими. И тогда установлена была точно опредѣленная служба съ вотчинъ и помѣстій — со ста четвертей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ съ двумя конемъ запаснымъ, — и кто послужитъ по землѣ, того государь пожалуетъ кормленіемъ и на людей походныхъ даетъ денежное жалованіе; кто же землей владѣетъ, а службы съ нея не платитъ, съ того самого взыщутъ деньги за походныхъ людей. И все устроилъ государь такъ, чтобы служба его государская была безо лжи и безъ грѣха по правдѣ." (*) — Чтобы понять этотъ важный законъ, надобно припомнить значеніе земельной чети или четверти въ XVII в. Четь — пространство пахатной земли, засѣянное четвертью ржи; а тогда обыкновенно считали такъ, что пространство земли, засѣянное двумя четвертями, равнялось нынѣшней десятинѣ. Итакъ, четь, какъ земельная мѣра, равнялась половинѣ десятины, въ трехъ поляхъ, слѣдовательно, — 1½ десятинамъ. Такимъ образомъ нормой поземельной службы былъ установленъ одинъ вооруженный конный ратникъ съ каждыхъ 150 десятинъ пахатной земли. Поэтому владѣлецъ трехсотъ десятинъ пашни долженъ былъ выступать въ походъ самъ-другъ съ вооруженнымъ холопомъ и т. д. Но эта норма имѣла двухстороннее примѣненіе согласно съ двумя указанными правилами, изъ которыхъ была выведена. Если съ каждыхъ 150 десятинъ пахатной земли по закону ставился въ походъ одинъ вооруженный конный ратникъ, то, съ другой стороны, каждый служилый человѣкъ, являвшійся въ походъ полнымъ вооруженнымъ коннымъ ратникомъ, долженъ былъ имѣть помѣстье не менѣе 150 десятинъ пахатной земли. Принимая такъ служебную норму, московское правительство и развёрстало между провинціальнымъ дворянствомъ тягости ратной службы, раздѣливъ этой развёрсткой провинціальное дворянство на три чина, которые слѣдовали снизу вверхъ въ такомъ порядкѣ: дѣти боярскіе городовые, дѣти боярскіе дворовые и дворяне выборные. —

(*) Лѣт. по Никонов. списку VII, 261.

XVI.

Дѣти боярскіе городовые; происхожденіе этого званія.— Развёрстка службы между городовыми чинами по десятнямъ XVI и XVII вв.— Отношеніе помѣщичьяго землевладѣнія къ вотчинному.— Помѣстные оклады и помѣстныя дачи.— Отличіе городового чиновнаго дѣленія отъ московскаго и думнаго.— Вліяніе военнаго устройства московскаго государства на сословно-географическое размѣщеніе русскаго общества.—

Термина дѣти боярскіе не понимали уже въ XVII в.: его не умѣлъ объяснить Котошихинъ; но происхожденіе его объясняется довольно просто. Въ удѣльныхъ княжествахъ образовалось очень много боярскихъ фамилій, т. е. служилыхъ родовъ, члены которыхъ бывали въ званіи бояръ. Но званіе боярина обыкновенно оказывалось служилымъ людямъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, притомъ не всѣмъ членамъ боярскихъ фамилій. Члены боярскаго рода, еще не получившіе званія бояръ, въ удѣльное время назывались дѣтьми боярскими, которые стояли выше простыхъ вольныхъ слугъ или дворянъ. Съ исчезновеніемъ удѣловъ, только знатнѣйшее удѣльное боярство перешло въ Москву. Члены боярскихъ родовъ, не носившіе этого званія, остались на мѣстахъ, нося званіе дѣтей боярскихъ, какъ бы кандидатовъ на боярство. Но мы видѣли, что большая половина фамилій, записанныхъ въ боярскую родословную книгу XVI в., не провела впродолженіе всего этого столѣтія ни одного члена въ Думу. Такимъ образомъ большая половина старыхъ боярскихъ фамилій удѣльнаго времени переставала принадлежать къ дѣйствительному боярству. Члены этихъ, такъ сказать, заштатныхъ боярскихъ фамилій рождались и умирали впродолженіе цѣлаго вѣка слишкомъ въ званіи дѣтей боярскихъ. Такимъ образомъ, сынъ боярскій становился синонимомъ провинціальнаго служилаго человѣка. Нѣкоторыхъ изъ этихъ городовыхъ дѣтей боярскихъ брали въ столицу „во дворъ“, т. е. для дворцовой службы. Съ половины XVI в. или раньше эти дѣти боярскіе получили названіе дворовыхъ или дво-

рянъ. Такъ *дворянинъ*, прежде означавшій слугу вольнаго не боярскаго происхожденія и потому стоявшій ниже сына боярскаго, теперь превратился въ придворное званіе, въ которое возводились только нѣкоторые городовые дѣти боярскіе. Благодаря тому, званіе дѣтей боярскихъ стало низшимъ провинціальнымъ чиномъ. Высшіе чины провинціальнаго дворянства стали зваться дѣтьми боярскими дворовыми или дворянами. Нѣкоторые изъ нихъ дослуживались до столичнаго дворянства и въ чинѣ московскихъ дворянъ назывались *дворовыми дворянами* или *дворянами большими*.

Теперь посмотримъ, какъ разверстывалась служба между служилыми людьми и какъ они верстались помѣстными окладами. Для того и другого назначались *смотры* или *разборы*. Смотръ служилыхъ людямъ уѣзда производился полковыми воеводами на походѣ, или особо назначенными ревизорами, *разборщиками*, которые въ мирное время пріѣзжали въ уѣзды и созывали на съѣздъ все уѣздное дворянство. Разборъ и верстанье служилыхъ людей производились посредствомъ допроса выборныхъ изъ представителей, которые назывались *окладчиками*. Ихъ выбирали, смотря по надобности, въ числѣ $4^{\text{ех}}$, $5^{\text{ти}}$ и даже болѣе десяти человѣкъ; при вступленіи въ должность они приносили присягу; въ каждомъ уѣздѣ это была какъ бы коллегія уѣздныхъ предводителей дворянства. Они обязаны были сообщать о дворянахъ своего уѣзда всѣ свѣдѣнія, какія были нужны присланному изъ столицы разборщику. Руководствуясь ихъ показаніями, разборщикъ назначалъ каждому дворянину родъ службы, назначалъ безпомѣстнымъ дворянамъ помѣстные оклады, составлялъ списокъ всѣхъ служилыхъ людей уѣзда, раздѣляя ихъ на чины и чины на статьи, подробно обозначая какъ окладъ, такъ и родъ службы каждаго человѣка. Эти списки носили названіе *десятень*. Нѣсколько ихъ дошло до насъ еще отъ XVI в.; XVII ст. оставило намъ сотни; ни одна изъ нихъ не издана. Изученіе этихъ списковъ открываетъ тѣ пріемы разверстки службы и окладовъ между служилыми людьми. Согласно съ общими основными правилами разверстки, помѣстные оклады назначались по качеству службы или боевой годности, и наоборотъ — качество службы и степень боевой годности опредѣлялись прежде назначенны-

ми окладами. Боевая годность опредѣлялась четырьмя способами. 1, Разборщикъ спрашивалъ окладчиковъ про служилаго человѣка, каковъ онъ собою? Если ему говорили, что онъ собою молодъ или „молодецъ", ему назначали хорошій окладъ; если говорили, что онъ собою худъ, т.е. старъ или слабъ, его писали въ низшій разрядъ. Такъ встрѣчаемъ выраженія окладчиковъ: „собою молодъ и окладу того стоитъ". 2, Разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ своею головою? Если окладчики говорили, что онъ своею головою добръ или средній, это значило, что онъ имѣетъ хорошія матеріальныя средства и хорошо ведетъ свое земельное хозяйство, имѣетъ хорошее вооруженіе, коней, боевыхъ холоповъ, словомъ хорошее походное обзаведеніе и способенъ нести добрую походную службу. 3, Разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ отечествомъ? Если ему говорили, что онъ отечествомъ добръ, это значило, что отецъ его служилъ въ хорошемъ чинѣ, напримѣръ выборнымъ дворяниномъ и слѣдовательно могъ передать сыну боевой навыкъ и боевыя средства. Наконецъ, 4, разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ своею службой, т.е. бывалъ-ли онъ прежде въ походахъ, пріобрѣлъ ли боевую опытность, или только что выступаетъ на служебное поприще? Руководствуясь этой оцѣнкой, разборщикъ писалъ однихъ въ низшій чинъ дѣтей боярскихъ городовыхъ, назначая имъ служить службу „осадную" или „ближнюю", состоявшую въ защитѣ ближней границы, другихъ писалъ въ чинъ дѣтей боярскихъ дворовыхъ, назначая имъ службу „дальнюю", состоявшую въ далекихъ походахъ, которые требовали хорошаго походнаго прибора и большихъ расходовъ; наконецъ, третьихъ зачислялъ въ чинъ дворянъ выборныхъ, которые кромѣ дальнихъ походовъ очередными партіями призывались въ Москву для исправленія разныхъ придворныхъ обязанностей. Для примѣра приведемъ изъ Коломенской десятни 1577 г. описаніе службы одного двороваго сына боярскаго второй статьи: помѣстный окладъ 350 четей; быти ему на службѣ на конѣ въ панцырѣ въ шеломѣ въ саадакѣ (съ лукомъ и стрѣлами) въ саблѣ да три человѣки (боевые холопы) на конѣхъ въ пансырѣхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ саадакѣхъ, въ саблѣхъ съ копьи да три кони простые да человѣкъ о дву меринѣхъ въ кошу (въ обозъ съ запасами).

Сообразно съ прежней службой и степенью боевой годности назначались служилымъ людямъ разныхъ чиновъ различные размѣры помѣстныхъ окладовъ. Впрочемъ, въ разныхъ уѣздахъ и общія нормы чиновныхъ окладовъ были неодинаковы: это зависѣло отъ густоты служилаго населенія. Въ московскомъ уѣздѣ оклады вообще были меньше, чѣмъ въ рязанскомъ, потому что первый уѣздъ былъ гуще заселенъ служилыми людьми, чѣмъ послѣдній. Въ каждомъ уѣздѣ оклады различались по чинамъ. Но такъ какъ къ помѣстнымъ окладамъ въ подспорье назначались еще и оклады денежнаго жалованья, которое выдавалось обыкновенно передъ походомъ, то, благодаря различнымъ комбинаціямъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, каждый чинъ распадался на нѣсколько статей. Возьмемъ упомянутую десятню коломенскаго уѣзда 1577г. Въ коломенскомъ уѣздѣ не было выбора: служили только дворовые и городовые дѣти боярскіе. Помѣстные оклады дворовыхъ людей были отъ 400 до 200 четей, т.е. отъ 600–300 десятинъ; денежные – отъ 14 руб. – 8 (отъ 840 до 480 р. на наши деньги); по размѣрамъ этихъ окладовъ дворовые люди распадались на 14 статей. Городовымъ людямъ назначались оклады отъ 300 до 100 четей; денежный окладъ отъ 14–6р.; ихъ было болѣе 20 статей. Итакъ, помѣстные оклады назначались по чинамъ, какъ чины назначались по службѣ, т.е. по боевой годности и по заслугамъ. Но количество четвертей, назначенное въ окладъ, не всегда бывало дѣйствительнымъ помѣстнымъ владѣніемъ служилаго человѣка. Отъ оклада надобно отличать помѣстную дачу. Оклады назначались по чинамъ, но размѣры дачъ соображались съ тѣмъ, имѣлъ-ли служилый человѣкъ вотчину или нѣтъ. Если онъ не имѣлъ вотчины, ему давали во владѣніе полный окладъ; если онъ имѣлъ вотчину, то ему давали въ дачу только часть оклада: вотчина служила подспорьемъ къ помѣстью. Можно найти указаніе и на отношеніе дачъ къ помѣстнымъ окладамъ. Возьмемъ десятню елецкаго уѣзда 1622 г., въ которой обозначены при помѣстныхъ окладахъ и дѣйствительныя дачи. Сосчитавъ тѣ и другіе, найдемъ, что средній помѣстный окладъ дворовыхъ дѣтей боярскихъ (выборныхъ тамъ не было) былъ 240 четвертей, городовыхъ

— 93, новиковъ, т. е. только что поступившихъ на службу и вновь верставшихся помѣстьями — въ 79 четвертей; всего назначено было въ оклады 878-ми служилымъ людямъ уѣзда 123.230 четвертей. Но такъ какъ у многихъ служилыхъ людей были болѣе или менѣе значительныя помѣстья, то въ дѣйствительное владѣніе этимъ служилымъ людямъ было отведено всего 53.570 четвертей. Итакъ окладъ относился къ дачѣ какъ 2,3 къ 1. Отсюда можно обозначить такой формулой отношеніе оклада къ дачѣ: окладъ по чину, дача по вотчинѣ. Окладъ находился въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи къ чину, дача — въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ вотчинѣ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ выше окладъ; чѣмъ больше вотчина, тѣмъ меньше дача.

Такъ обозначилось служебное и поземельное различіе между чинами провинціальнаго дворянства. Легко замѣтить основаніе этого дѣленія, отличное отъ того, на которомъ держалась іерархія думныхъ и московскихъ чиновъ. Отношеніе чиновъ городовыхъ къ думнымъ и московскимъ можно выразить въ такой формулѣ: чины думные по отечеству, чины московскіе по отечеству и службѣ, чины городовые — только по службѣ.

Теперь предстояло бы рѣшить нашъ вопросъ: какъ описанное устройство столичнаго и провинціальнаго дворянства подѣйствовало на складъ общества, на его мѣстное географическое размѣщеніе. Нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы сказать, какое количество земли роздано было въ помѣстное владѣніе въ XV, XVI и XVII вв., гдѣ это помѣстное владѣніе было распространено шире, гдѣ меньше. Мы не можемъ представить себѣ живо весь складъ, какой получило общество, когда помѣстная система вмѣстѣ съ военнымъ строемъ достигла полнаго развитія. Мы можемъ только почувствовать, изучая этотъ строй, что все московское государство, можетъ быть — за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, покрылось болѣе или менѣе густымъ слоемъ служилыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, вооруженныхъ и всегда готовыхъ подняться въ походъ. Почти вся территорія московскаго государства устроена была какъ обширный лагерь, который былъ обращенъ фронтомъ въ три стороны — на западъ,

югъ и востокъ. Но есть одинъ способъ по даннымъ позднѣйшаго времени представить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ описанный военный складъ служилаго класса на географическое размѣщеніе русскаго общества. Я попытаюсь изложить вамъ эти данныя и указать на то, о чемъ говорятъ они. Мы имѣемъ подробные списки крѣпостныхъ крестьянъ по вѣдомости IV ревизіи, которая была произведена въ 1782 г. Крѣпостное населеніе распредѣлено было по губерніямъ не съ одинаковой густотой, оно составляло неодинаково высокій процентъ всего сельскаго населенія губерніи. Если выписать губерніи въ какомъ нибудь порядкѣ съ обозначеніемъ этого процента, то, при первомъ взглядѣ колебанія его, повидимому, ничего не говорятъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно извлечь, напр., изъ того, что въ московской губерніи крѣпостное населеніе во время IV ревизіи составляло 66% всего населенія губерніи, вятской — всего 2%, пермской 33%? Что крѣпостное населеніе не вездѣ было одинаково густо, это извѣстно и понятно; но въ какомъ порядкѣ оно размѣстилось и какія историческія условія дѣйствовали на это размѣщеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не дается при первомъ взглядѣ на цифры; но расположимъ губерніи, начиная съ московской, по группамъ, въ порядкѣ ихъ близости къ послѣдней, обозначая процентъ крѣпостнаго населенія въ каждой группѣ.

I. Московская 66%, владимірская 67%.

II. Смоленская, калужская, тульская, рязанская, нижегородская, костромская, ярославская и псковская — 83–69%, тверская — 64%.

III. Орловская, саратовская, тамбовская, пензенская, симбирская, новгородская — 68–45%, вологодская — 34%.

IV. Курская, воронежская, казанская, пермская, уфимская — 47–18%.

Въ этомъ перечнѣ нѣтъ юго-западныхъ и западныхъ губерній: онѣ не были территоріей московскаго государства и строеніе общества находилось тамъ подъ дѣйствіемъ другихъ условій. Обозначенныя губерніи опредѣляютъ территорію московскаго государства. Что значатъ эти цифры? Очень густой процентъ

крѣпостнаго населенія въ двухъ губерніяхъ первой группы; это самый центръ московскаго государства, гдѣ помѣщались его главный штабъ и постоянная квартира его верховнаго вождя. Здѣсь крѣпостной процентъ очень густъ, но есть мѣстности, гдѣ онъ еще гуще. Легко замѣтить, что такое губерніи второй группы — онѣ поясомъ окаймляютъ двѣ центральныя; въ нихъ процентъ значительно гуще, чѣмъ въ послѣднихъ. Это *первая боевая линія*, окружавшая *штабъ*, первая оборонительная цѣпь и потому самая густая. Надъ укрѣпленіемъ ея всего больше работали; когда эта цѣпь бывала разорвана, московское государство становилось неспособнымъ защищаться; какъ скоро татары прорывались сквозь эту линію, Москва гибла. Припомнивъ географическое отношеніе губерній третьей группы ко второй, замѣтимъ, что онѣ составляютъ также кольцо, оцѣпляющее первый поясъ. Здѣсь процентъ крѣпостнаго населенія ниже второй группы, приближается къ тому, какой мы видѣли въ центральныхъ губерніяхъ; это — *вторая боевая линія*; объ укрѣпленіи ея меньше заботились, для укрѣпленія ея и меньше оставалось боевыхъ силъ. Надобно обратить вниманіе на то, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ поясѣ, окружавшемъ московско-владимірскій центръ, встрѣчаемъ по одной губерніи, гдѣ процентъ крѣпостнаго населенія гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ одного съ ней пояса. Таковы въ первомъ поясѣ тверская, во второмъ — вологодская. Обѣ эти губерніи — сѣверныя; такимъ образомъ обѣ боевыя цѣпи, окружавшія центръ, замѣтно рѣдѣютъ, потому что здѣсь меньше было нужды въ оборонѣ. Процентъ крѣпостнаго населенія отъ Москвы къ сѣверу вообще быстро падалъ: въ московской — 66%, въ тверской — 64%, въ новгородской — 55%, въ олонецкой — 6%, въ архангельской почти не было крѣпостныхъ. Наконецъ, четвертая группа составляла третью цѣпь, которая окаймляла вторую. Эта цѣпь не сплошная: вы видите, что рядъ этихъ губерній не соединяется въ непрерывное территоріальное пространство. Эта цѣпь, на укрѣпленіе которой оставалось всего меньше боевыхъ силъ, была передовой оборонительной линіей и состояла изъ отдѣльныхъ, разорванныхъ звеньевъ, которыя обращены были противъ разбросанныхъ восточныхъ,

юго-восточныхъ и южныхъ инородцевъ — татаръ крымскихъ, калмыковъ, ногаевъ, башкиръ и др. — и защищали отдѣльныя окраины, наиболѣе угрожаемыя. Вотъ почему въ этой послѣдней разорванной цѣпи и крѣпостной процентъ падаетъ до низкой степени — до 18.

Итакъ, что такое эти три кольца, окаймлявшія московско-владимірскій центръ? Это три боевыя цѣпи, густота которыхъ уменьшалась по мѣрѣ удаленія отъ центра. Слѣдовательно, онѣ представляютъ собою три степени напряженія боевыхъ силъ для защиты государственнаго центра. Еще въ XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укрѣпленіями, сколько людьми, дворянской помѣстной милиціей. Крѣпостное населеніе своей густотой должно указывать, гдѣ эти боевыя силы дворянской милиціи сосредоточены были наиболѣе. Боевая крѣпость уѣзда опредѣлялась не количествомъ дворянъ, а количествомъ ратныхъ силъ, находившихся въ уѣздѣ. Въ иномъ уѣздѣ было немного дворянъ, но каждый былъ способенъ вывести въ походъ по нѣскольку сотъ и даже тысячи. Курбскій говоритъ, что князья Одоевскіе и другіе водили со своихъ вотчинъ и помѣстій тысячи вооруженныхъ слугъ. Итакъ уѣздъ, въ которомъ былъ десятокъ такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ — дворянъ, выводившихъ въ поле цѣлый корпусъ, въ боевомъ отношеніи былъ сильнѣе уѣзда, въ которомъ была тысяча мелкихъ дворянъ, изъ коихъ каждый являлся въ походъ съ однимъ холопомъ или даже одинокимъ. Но количество выводимыхъ людей опредѣлялось количествомъ пахатной земли: съ каждыхъ 150 десятинъ шелъ вооруженный конный ратникъ. Количество пахатной земли зависило отъ количества крестьянъ, на ней работавшихъ. Слѣдовательно, гдѣ гуще было крѣпостное населеніе, тамъ сильнѣе были сосредоточены боевыя силы. Вотъ почему эту густоту крѣпостнаго населенія и можно принять за мѣрило напряженія боевыхъ силъ для защиты той или другой земли московскаго государства. Ревизскія сказки 1782 г. — это поздняя, но вѣрная лѣтопись, разсказывающая о томъ, какъ устраивалась оборона московскаго государства въ XVI и XVII вв., т. е. какъ географически размѣщалось общество для этой обороны. Размѣщеніе крѣпостнаго населенія по означеннымъ

четыремъ группамъ губерній показываетъ, что сильно защищенъ былъ самый центръ государства, гдѣ находился штабъ, руководившій его обороной, но что еще сильнѣе защищена была первая линія, которая кольцомъ огибала главный штабъ. Эта линія только на сѣверѣ, въ тверской губерніи, представляла меньшія крѣпости (64%). Третья линія представляла другое кольцо, огибавшее первое, но уже съ меньшею крѣпостью. Наконецъ, четвертая линія представляла не сплошную цѣпь, а рядъ разорванныхъ звеньевъ, которые окружали вторую цѣпь. Это размѣщеніе крѣпостного населенія концентрическими кругами вокругъ Москвы въ русской имперіи XVII в., очевидно, вполнѣ было слѣдствіемъ того устройства военныхъ силъ, какое установлено было московской политикой XVI и XVII вв., слѣдствіемъ того разселенія боевыхъ землевладѣльцевъ, какое было установлено помѣстной системой. Эта политика размѣщала классы общества по соображеніямъ стратегіи, по требованіямъ Московскаго Разряда, генеральнаго штаба, окружая центръ тройнымъ оборонительнымъ поясомъ, постепенно рѣдѣвшимъ и, наконецъ, разрывавшимся по мѣрѣ удаленія отъ Москвы на югъ, юго-западъ и юго-востокъ. Такъ въ позднѣйшихъ ревизскихъ данныхъ XVIII в. мы находимъ довольно яркій слѣдъ, указывающій на то, какое вліяніе военный строй, установившійся въ московскомъ государствѣ, оказалъ на сословно-географическое размѣщеніе русскаго общества.-

XVII.

Положеніе приборныхъ служилыхъ людей между городовымъ дворянствомъ и тяглымъ населеніемъ.- Сходство пріемовъ въ устройствѣ служилыхъ и тяглыхъ классовъ.- Казенныя порученія и отвѣтственность за ихъ исполненіе- Главныя обезпеченія отвѣтственности - вѣра, довѣріе и порука.- Основное правило присяжной земской службы и основаніе чиновнаго значенія высшаго столичнаго купечества.-

Обращаюсь теперь къ изученію устройства многочислен-

наго тяглаго населенія въ московскомъ государствѣ. Но по порядку изложенной мною чиновной таблицы я предварительно сдѣлаю короткое замѣчаніе о служилыхъ людяхъ по прибору. Этотъ классъ былъ соединительнымъ звеномъ между служилыми людьми по отечеству и тяглымъ населеніемъ. Первоначально онъ въ двухъ отношеніяхъ отличался отъ служилыхъ людей по отечеству: во первыхъ, служба приборныхъ людей была временная и личная, а не наслѣдственная, какъ служба служилыхъ людей по отечеству; стрѣльцы, казаки, пушкари вербовались изъ разныхъ классовъ общества, — изъ обѣднѣвшихъ городовыхъ дѣтей боярскихъ, изъ тяглыхъ и вольныхъ людей — и составляли по городамъ гарнизоны и полицейскія команды, селились особенно по границамъ, какъ пограничные сторожевые отряды. Во вторыхъ, приборные люди содержались не помѣстными дачами, которыя отводились въ личное владѣніе каждому, а либо денежнымъ жалованьемъ, либо землевладѣніемъ, но на особомъ правѣ, которое совмѣщало въ себѣ черты помѣстнаго и крестьянскаго землевладѣнія: казенная земля отводилась цѣлымъ обществамъ такихъ пограничныхъ военныхъ поселенцевъ какъ и крестьянамъ, но она отводилась на условіяхъ помѣстнаго владѣнія, въ пожизненное пользованіе и съ обязательствомъ ратной сторожевой службы. Это совмѣщеніе двухъ землевладѣльческихъ правъ впослѣдствіи перешло на классъ однодворцевъ, которые съ одной стороны платили подушную подать подобно крестьянамъ, а съ другой — имѣли право владѣть крѣпостными душами подобно дворянамъ. Но съ теченіемъ времени то и другое изъ указанныхъ отличій постепенно исчезало: значительная часть приборныхъ людей передавала свои служебныя обязанности дѣтямъ и внукамъ, которые получали уже характеръ служилыхъ людей по отечеству. Не разъ упомянутый мною московскій подьячій половины XVII в. Котошихинъ замѣчаетъ о стрѣльцахъ своего времени: „и бываютъ въ стрѣльцахъ вѣчно, и по нихъ дѣти и внучата и племянники, стрѣлецкія жъ дѣти, бываютъ вѣчно жъ". Между тѣмъ въ началѣ XVI в., когда возникала стрѣлецкая пѣхота, она вербовалась по прибору изъ вольныхъ людей, принимавшихъ на себя лишь временную службу

Съ другой стороны, многіе казаки и другіе сторожевые люди за свои заслуги получали земельныя дачи на помѣстномъ правѣ въ личное владѣніе и зачислялись по этимъ дачамъ въ низшіе чины городового дворянства. Такимъ образомъ приборная служба имѣла значеніе канала, посредствомъ котораго происходилъ постоянный обмѣнъ силъ между городовымъ дворянствомъ и неслужилыми классами. Съ одной стороны въ приборные чины падали всѣ отбросы этого дворянства, съ другой — чрезъ эти чины проникали въ составъ дворянства лучшія боевыя силы, поднимавшіяся изъ глубины неслужилыхъ классовъ.

Къ устройству тяглаго населенія Московская политика примѣняла пріемы, очень похожіе на тѣ правила, по которымъ устроялись служилые чины. Поэтому и организація тяглыхъ чиновъ многими чертами напоминаетъ чиновное дѣленіе служилыхъ людей.

На тяглое населеніе падали двѣ главныя обязанности: земская казенная служба и государственное податное тягло. Но обѣ эти обязанности, подобно ратной и приказной службѣ служилыхъ людей, были раздѣлены на мельчайшія доли, которыя разверстывались между различными разрядами тяглаго населенія. Какъ въ служилой іерархіи высшіе чины возникали изъ разверстки приказной службы между служилыми людьми по <u>генеалогическому отечеству</u>, точно такъ же и высшіе тяглые чины были созданы раскладкой тяжестей казенной службы между тяглыми людьми по <u>экономической состоятельности</u>. Такимъ образомъ генеалогическому отечеству служилыхъ людей соотвѣтствовало экономическое состояніе людей тяглыхъ.

Земская казенная служба состояла въ томъ, что тяглыя общества сами обязаны были ставить казнѣ агентовъ для исполненія казенныхъ порученій, для которыхъ она не имѣла своихъ спеціальныхъ исполнительныхъ органовъ. Не смотря на чрезвычайное разнообразіе этихъ казенныхъ порученій, ихъ можно свести въ три разряда: 1) сборъ <u>даней</u> и <u>пошлинъ</u>, т.е. прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; 2) надзоръ за исполненіемъ натуральныхъ казенныхъ повинностей, каковы были: ямская гоньба, постройка

и ремонтъ городскихъ укрѣпленій, эксплуатація казенныхъ угодій по наряду, напр. рыбной ловли, казенныхъ луговъ и т. п. 3, веденіе казенныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, напр. продажа питей, составлявшая казенную монополію, казенное добываніе и продажа соли, казенная разработка рудниковъ въ XVII в., продажа дорогихъ мѣховъ, поступавшихъ въ казну вмѣсто подати съ населенія, занимавшагося звѣроловствомъ, казенная закупка хлѣба и т. д. до безконечности. Всѣ эти казенныя порученія были, какъ вы видите, или мѣстныя повинности, или казенныя промышленныя операціи. По этому двойственному характеру они и носили названіе либо государева дѣла, либо дѣла земскаго. Центральнымъ и областнымъ коронннымъ учрежденіямъ — приказамъ, намѣстникамъ XVI в. и воеводамъ XVII — принадлежалъ только высшій надзоръ и руководство всѣми этими финансовыми операціями; но непосредственное веденіе дѣла, вся черная работа падала на агентовъ, которыхъ обязаны были ставить изъ своей среды тяглые міры. Эта казенная земская служба отличалась отъ службы приказной одной существенной чертой. Приказное управленіе требовало отъ управляемыхъ повиновенія и потому главнымъ условіемъ его успѣха былъ личный авторитетъ управителя. Напротивъ, казенная служба направлена была къ полученію наибольшей прибыли для казны и потому главнымъ условіемъ ея успѣшности должна была служить строгая имущественная отвѣтственность со стороны агентовъ. Такъ какъ эта служба была безвозмездная, то казна требовала двоякаго обезпеченія отвѣтственности земскаго агента — нравственнаго и матеріальнаго. Нравственнымъ обезпеченіемъ служила вѣра, присяга, которой земскій агентъ обязывался прямо и добросовѣстно вести казенное порученіе. Поэтому агенты и ихъ помощники, на которыхъ подъ присягой возлагались сборы косвенныхъ налоговъ и веденіе торгово-промышленныхъ операцій казны, носили названіе вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ. Голова — главный агентъ, цѣловальники — его подчиненные помощники. Матеріальной гарантіей отвѣтственности служило довѣріе казны земскому агенту, какъ опытному и состоятельному

торговцу либо промышленнику, который доказалъ свою коммерческую опытность хорошимъ веденіемъ собственныхъ дѣлъ и состояніе котораго могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ вознаградить казну за причиненный ей агентомъ ущербъ. Поэтому правительство требовало, чтобы тяглые міры выбирали по казенному порученію „людей добрыхъ, которые были бы душою прямы и животомъ прожиточны и которымъ въ сборъ государевой казны можно было бы вѣрить". Если міръ не выбиралъ такого надежнаго человѣка, имущественная отвѣтственность за казенные убытки переносилась на самихъ избирателей, которые въ такомъ случаѣ были обязываемы круговой порукой за своего выборнаго. Такъ выработалось основное правило присяжной или цѣловальной службы по казеннымъ порученіямъ, которое можно выразить въ такой формулѣ: *земская присяжная служба по личному довѣрію или по мірской порукѣ.* Прошу васъ различать обѣ эти гарантіи, которыми казна старалась обезпечить успѣшность и исправность мірской службы — личное довѣріе и мірскую поруку.

Выборная казенная служба по личному довѣрію, но не по мірской порукѣ, и была источникомъ высшихъ чиновъ тяглой іерархіи. Богатѣйшіе и надежнѣйшіе купцы, на которыхъ въ званіи головъ казна возлагала самыя трудныя и цѣнныя, слѣдовательно наиболѣе отвѣтственныя порученія, напр. сборъ таможенной пошлины на большихъ ярмаркахъ въ Архангельскѣ или Астрахани, продажу дорогихъ казенныхъ мѣховъ, эти богатѣйшіе купцы получали чинъ *гостей.* Купцы менѣе значительные и надежные, которымъ поручались менѣе важныя дѣла или которые назначались цѣловальниками, помощниками къ гостямъ, возводились въ званіе людей *гостинной* либо *суконной сотенъ.* Слѣды такого раздѣленія высшаго купечества становятся замѣтны въ Москвѣ еще въ концѣ удѣльнаго времени и мы уже въ XIV в. рядомъ съ гостями встрѣчаемъ *суконниковъ* въ составѣ московскаго купечества съ значеніемъ одного изъ высшихъ разрядовъ. Степень казеннаго довѣрія, какой условливались болѣе или менѣе важныя порученія, соразмѣрялась съ оборотнымъ капиталомъ уполномочиваемаго агента, а размѣръ

этого капитала можно судить по свидѣтельству Котошихина о гостяхъ его времени. Это были торговцы, которыхъ ежегодный оборотъ простирался отъ 20 до 100 тысячъ тогдашнихъ московскихъ рублей, а такъ какъ рубль половины XVII в. равнялся 17-ти нынѣшнимъ, то этотъ оборотъ можно оцѣнить суммой отъ 340.000 до 1.700.000 руб. на наши деньги. Но чинъ гостя или торговца высшей сотни, гостинной или суконной, пріобрѣтался не размѣромъ ежегоднаго оборота, а самой службой по казенному порученію, успѣшнымъ исполненіемъ порученій. Какъ бы ни былъ великъ торговый оборотъ купца, онъ не получалъ званія гостя, если онъ не отправилъ ни одной службы. Котошихинъ замѣчаетъ о нихъ же говоря: „а бываютъ они гостинымъ именемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ въ вѣрныхъ головахъ и въ цѣловальникахъ, у соболиныя казны и въ таможняхъ и на кружечныхъ дворѣхъ" (т.е. въ казенныхъ кабакахъ).

Гости, торговцы гостинной и суконной сотенъ въ такой финансовой іерархіи были тоже самое, что столичные служилые чины — стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы — въ іерархіи военно-правительственной. Какъ тѣ, такъ и другіе, были приписаны къ столицѣ и обязаны были въ Москвѣ имѣть постоянное мѣстожительство, гдѣ бы ни находились помѣстья и вотчины однихъ, торговыя и промышленныя предпріятія другихъ. Какъ московскіе дворяне разсылались изъ столицы для всякихъ дѣлъ по областямъ, — править городами, командовать полками и ихъ частями въ званіи воеводъ и головъ, руководить провинціальнымъ дворянствомъ, такъ точно и московскихъ гостей и торговцевъ гостинной и суконной сотенъ разсылали изъ столицы по областнымъ городамъ въ званіи головъ и цѣловальниковъ направлять казенныя операціи. Московское купечество высшихъ чиновъ вообще служило ближайшимъ орудіемъ правительства въ управленіи провинціальнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ и стояло къ послѣднему въ отношеніи полномочнаго руководителя. Такъ московскихъ гостей посылали въ областные города верстать тамошнихъ посадскихъ людей податными окладами; имъ иногда поручали назначать

торговыхъ людей провинціальныхъ городовъ на должности мѣстныхъ кабацкихъ и таможенныхъ головъ — знакъ, что казна вѣрила имъ больше, нежели посадскимъ провинціальнымъ обществамъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, финансовый штабъ московскаго государя. Наконецъ, самый составъ этихъ чиновъ близко напоминалъ списокъ столичныхъ служилыхъ людей. Гостей и торговцевъ обѣихъ высшихъ сотенъ никогда не бывало много. При царѣ Θедорѣ Ивановичѣ гостей и людей гостиной сотни числилось 350, въ суконной сотнѣ — всего 250. Смутное время и сопровождавшій его упадокъ торговли и промышленности страшно опустошили ряды высшаго столичнаго купечества. Въ 1649 г. гостей оставалось только 13 человѣкъ; въ гостиной сотнѣ считалось 158, но надежныхъ и годныхъ къ службѣ было такъ мало, что имъ приходилось получать казенныя порученія черезъ годъ; въ суконной сотнѣ изъ 116 человѣкъ только 42 были въ состояніи служить, а такъ какъ изъ нихъ ежегодно назначалось на службу по 18 человѣкъ, то нѣкоторымъ приходилось по очереди ходить въ службу также черезъ годъ; службы были годовыя. Это вызывало потребность въ частомъ пополненіи состава высшихъ торговыхъ чиновъ, и какъ ряды московской боярской молодежи постоянно пополнялись лучшими служилыми силами, поднимавшимися изъ глубины провинціальнаго дворянства, такъ въ замкнувшійся кругъ высшаго московскаго купечества постоянно приливали лучшіе промышленные дѣльцы изъ столичныхъ черныхъ сотенъ, изъ дворцовыхъ и даже церковныхъ слободъ и (даже) изъ областнаго посадскаго купечества. „Гости, гостиная и суконная сотня полнятся всѣми городами и слободами лучшими людьми". Такъ говорили въ XVII в. Въ одномъ документѣ 1649 г. приведена подробная вѣдомость этого пополненія высшихъ купеческихъ разрядовъ за первую половину XVII в. Можетъ быть, вы найдете нелишнимъ разсмотрѣть эту вѣдомость; я передамъ ее въ такой формѣ. Въ 1621 г. въ гостиную сотню по наряду взято изъ черныхъ московскихъ сотенъ и слободъ 12 человѣкъ, въ суконную — 50; въ 1626 г. въ гостиную изъ областныхъ городовъ 34; въ 1630 — въ ту же сотню изъ другихъ областныхъ горо-

довъ 34, въ суконную — изъ областныхъ городовъ 19; въ 1635 г. въ гостинную сотню изъ патріаршихъ и монастырскихъ богатыхъ крестьянъ 44; въ суконную изъ того же класса 11; въ 1642 г. въ гостинную изъ дворцовыхъ слободъ 12, въ суконную оттуда же 9; въ 1644 г. въ гостинную изъ богатой московской дворцовой слободы Кадашей (т. е. поставщиковъ полотенъ столоваго бѣлья во дворецъ) 24; въ 1646 г. въ суконную изъ разныхъ слободъ 36; въ 1647 г. въ гостинную сотню изъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ 104, въ суконную изъ тѣхъ же сотенъ и слободъ 81. Эта таблица укажетъ вамъ на силу, съ какой сказывалась потребность въ постоянномъ пополненіи высшихъ служилыхъ разрядовъ купечества. Это были настоящіе рекрутскіе наборы купечества въ казенную службу, наиболѣе тяжелую и отвѣтственную. Новобранцы изъ лучшаго купечества назначались въ высшіе торгово-служилые чины по казенному наряду противъ воли, единственно по расчету на ихъ хозяйственную или личную благонадежность, на прибыль, какую они могли доставить казнѣ своею опытностью, или по крайней мѣрѣ на зажиточность, которая давала казнѣ возможность вознаградить себя за убытокъ, ими причиненный.

Итакъ, основаніемъ чиновнаго дѣленія высшаго столичнаго купечества была присяжная казенная служба по личному довѣрію. Источникомъ чиновнаго расчлененія областнаго тяглаго населенія служила другая государственная обязанность, на него падавшая — государственное податное тягло.

XVIII.

Основное правило разверстки тягла и основаніе чиновнаго дѣленія провинціальнаго черного населенія. — Составъ общества въ московскомъ государствѣ второй половины XVI в. — Его дальнѣйшее расчлененіе на нѣсколько составныхъ слоевъ. — Отраженіе принципа обязательности государственныхъ повинностей въ области гражданскаго права. — Происхожденіе холопства докладнаго и кабальнаго. — Выдѣленіе видовъ личной зависимости изъ кабальнаго холопства. —

Источникомъ чиновнаго расчлененія областнаго тяглаго

населенія служила другая государственная обязанность, на него падавшая — государственное податное тягло. Подъ тягломъ разумѣлась совокупность прямыхъ казенныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, какія несли на себѣ неслужилые люди московскаго государства. Всего труднѣе вырабатывалось въ московскомъ государственномъ правѣ именно это основаніе. Причиной того былъ характеръ города въ московскомъ государствѣ. Въ южной кіевской Руси города были торгово-промышленными центрами; такой характеръ сообщала имъ живая внѣшняя торговля. Въ сѣверной Руси, которая была объединена Москвой, городъ, при подавляющемъ преобладаніи земледѣльческаго населенія, получилъ значеніе преимущественно укрѣпленнаго пункта. Подъ его стѣнами на посадѣ жилось такое же точно земледѣльческое населеніе, какое было разсѣяно по деревнямъ и селамъ. Благодаря отсутствію рѣзкаго экономическаго различія между городскимъ посадскимъ и сельскимъ населеніемъ, съ трудомъ вырабатывалось и различіе политическое, т. е. сословное ихъ обособленіе. Впрочемъ, это обособленіе постепенно обозначалось и становилось замѣтнѣе подъ дѣйствіемъ московской таможенной политики. Внутренніе народно-хозяйственные обороты были обложены казенной пошлиной; съ этою цѣлью установлены были внутреннія заставы и таможни. Для того, чтобы не оставить никакого народно-хозяйственнаго оборота безъ обложенія, эти обороты правительство старалось сосредоточить въ извѣстныхъ пунктахъ обмѣна, запрещая торговлю въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не было таможенныхъ смотрителей. Такимъ образомъ промышленность и торговля постепенно стягивались въ установленные правительствомъ пункты обмѣна, какими служили преимущественно города. Это само собою отдѣляло сельское земледѣльческое населеніе отъ городскаго въ экономическомъ отношеніи. Къ экономическому различію скоро присоединилось и политическое. Это было различіе системъ прямаго обложенія, какія прилагались къ населенію городскому и сельскому. Предметомъ прямаго налога, падавшаго на сельское населеніе, былъ крестьянскій трудъ, прилагавшійся къ землепашеству; напротивъ, предметомъ прямаго налога, падавша-

го на городское населеніе, служилъ торгово-промышленный капиталъ, пущенный въ оборотъ. Это различіе выражалось на финансовомъ языкѣ древней Руси формулою: „обложить по пашнѣ" или „обложить по животамъ и по промысламъ". Промысловое обложеніе, развиваясь съ теченіемъ времени, рѣзко отдѣлило торгово-промышленное населеніе отъ земледѣльческаго, а такъ какъ торгово-промышленное населеніе сосредоточивалось преимущественно въ посадахъ, а земледѣльческое въ селахъ и деревняхъ, то это обложеніе по роду занятій явилось политическою гранью, отдѣлявшей городъ отъ села. Круговая порука въ сборѣ прямыхъ податей и ихъ общественная развёрстка закрѣпляли это обособленіе. Разумѣется, отвѣтственность за исправный сборъ городского тягла была тяжелѣе сравнительно съ отвѣтственностью за сборъ прямой поземельной подати: сборъ послѣдней былъ легче, чѣмъ сборъ первой, потому что и развёрстка тягла по землѣ была проще, чѣмъ развёрстка по менѣе уловимымъ и болѣе измѣнчивымъ промысламъ. Вотъ почему въ круговой порукѣ за торгово-промышленныхъ людей не выгодно было участвовать пахотнымъ крестьянамъ и посадскіе, даже жившіе на посадахъ, старались выдѣлиться изъ посадскаго населенія, образуя отдѣльныя общества. Такимъ образомъ выработалось основное правило для развёрстки государственнаго податнаго тягла: <u>тягло по промыслу либо по пашнѣ.</u> Это различіе промышленнаго и пахатнаго обложенія съ особенною ясностью выражено въ уставной грамотѣ, какую далъ игуменъ соловецкаго монастыря Филиппъ монастырскимъ крестьянамъ въ 1564 г. Филиппъ раздѣляетъ временные налоги на военныя нужды, какіе падали на всѣ безъ различія классы сельскаго населенія, отъ постоянной прямой подати, падавшей на землю. Временные военные налоги развёрстывались и въ сельскомъ населеніи, какъ въ городскомъ, по животамъ и по промысламъ; но поземельная подать, по выраженію игумена, должна быть развёрстываема <u>по обжамъ,</u> т. е. земельнымъ пахотнымъ участкамъ, а не по животамъ и не по промысламъ. Но какъ скоро произошло такое раздѣленіе города и села, интересы казны требовали, чтобы тяглые

люди, взявшіе на себя городское тягло, постоянно въ немъ оставались; напротивъ, чтобы тяглые хлѣбопашцы, занявшіе извѣстные тяглые участки, не покидали ихъ и не переходили въ другія состоянія, менѣе доходныя для казны. Отсюда изъ приведеннаго правила разверстки тягла вышло другое, обратное, которое требовало, чтобы тяглый человѣкъ того или другаго разряда постоянно оставался въ своемъ тяглѣ. Правило это можно выразить формулой: если тягло по промыслу или по пашнѣ, то, съ другой стороны, и промыселъ, какъ и пашня, по мѣсту тягла. Слѣды такого прикрѣпленія тяглыхъ людей къ разъ избранному тяглу мы замѣчаемъ уже въ XVI столѣтіи; въ XVII оно сдѣлалось главнымъ основаніемъ устройства тяглаго населенія. Въ Судебникѣ царя Ивана мы читаемъ статью, которая запрещаетъ городовымъ тяглымъ людямъ селиться на монастырскихъ земляхъ, приказывая имъ жить безвыходно на земляхъ городскихъ. Кто изъ городовыхъ людей поселится на монастырскихъ земляхъ, того должно вывести на прежнее мѣсто въ городъ и подвергнуть его суду. Разверстка тягла по указанному правилу и стала источникомъ дѣленія городовыхъ посадскихъ людей на статьи лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, а уѣздныхъ тяглыхъ хлѣбопашцевъ — на классъ крестьянъ и на бобылей. Статьи городоваго населенія были своего рода провинціальныя купеческія гильдіи такъ же, какъ званія крестьянъ и бобылей были различныя имущественныя состоянія въ составѣ земледѣльческаго населенія. Такъ расчленилось тяглое населеніе городское и сельское въ московскомъ государствѣ къ половинѣ XVI в. Основаніе этого дѣленія было выведено изъ двухъ указанныхъ правилъ разверстки присяжной казенной службы и тягла: если присяжная служба развёрстывалась по личному довѣрію, а тягло по промысламъ и пашнѣ, то чины различались по службѣ и по тяглу, именно высшіе чины московскаго купечества по службѣ, низшіе чины областнаго посадскаго и сельскаго населенія по тяглу. Подобное двойственное основаніе чиноваго дѣленія мы видѣли и въ устройствѣ и служилыхъ людей московскихъ и городовыхъ.

Если мы представимъ себѣ это расчлененіе, намъ будетъ

ясенъ первоначальный планъ общественнаго строенія, какой пыталась соорудить московская политика. Припомнивъ, какъ были устроены люди служилые и тяглые, мы легко замѣтимъ основаніе и взаимное отношеніе устройства тѣхъ и другихъ. Что такое весь служилый людъ, какъ онъ былъ устроенъ къ половинѣ XVI в.? Это былъ разсѣянный по всей территоріи государства вооруженный лагерь съ генеральнымъ штабомъ въ Москвѣ, который руководилъ его оборонительной борьбой. Что такое было описанное сейчасъ устройство тяглаго населенія? Это было интендантство подъ руководствомъ высшаго московскаго купечества. Вся масса тяглаго населенія служила обширнымъ источникомъ, изъ котораго эти высшіе интендантскіе руководители извлекали матеріальныя средства, необходимыя для содержанія вооруженнаго лагеря съ его генеральнымъ московскимъ штабомъ. Сопоставивъ эти два соціальные міра, — служилыхъ людей и тяглое населеніе, мы можемъ представить себѣ и тотъ составъ, какой усвоило себѣ общество въ московскомъ государствѣ во второй половинѣ XVI в., вскорѣ послѣ земскихъ реформъ царя Ивана. На поверхности этого общества мы видимъ два параллельныя, но не равныя, не одинаково высокія вершины, чрезвычайно мелко расчлененныя, изъ которыхъ одна состояла изъ высшихъ слоевъ служилаго населенія, а другая изъ высшихъ разрядовъ населенія тяглаго. Обѣ эти вершины, дробно расчлененныя, покоились на однородной тяглой массѣ, состоявшей изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, платившихъ либо промысловое тягло, либо поземельную подать. Эта масса была очень слабо расчленена; статьи городового населенія во второй половинѣ XVI в. еще едва обозначались; въ составѣ сельскаго населенія низшій тяглый классъ, бобыли, до конца XVI в. составляли ничтожный процентъ.

Но общество не остановилось на этомъ дѣленіи: съ половины XVI в. въ немъ стало обнаруживаться стремленіе къ дальнѣйшему расчлененію. Источникомъ этого расчлененія было осложненіе гражданскихъ отношеній, которое повело къ дальнѣйшему дробленію именно низшихъ классовъ населенія, до того слабо расчлененнаго. Это осложненіе вызвано было поли-

тическимъ принципомъ обязательности специальныхъ государственныхъ повинностей. Мы видѣли, что этотъ принципъ въ приложеніи ко внѣшней оборонѣ вызвалъ другое дѣленіе служилаго класса. Тотъ же принципъ въ приложеніи къ внутреннему порядку, перешедши въ сферу гражданскихъ отношеній, повелъ къ болѣе дробному дѣленію низшихъ тяглыхъ классовъ. Какъ скоро въ государственномъ правѣ установилось правило, что всѣ сословныя обязанности, которыя въ удѣльные вѣка устанавливались договоромъ, становятся обязательными и наслѣдственными, это правило сильно подѣйствовало и на обязательства, вытекавшія изъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Сюда это правило внесло новое положеніе: личныя обязательства, вытекающія изъ гражданскихъ сдѣлокъ, не прекращаемы до истеченія срока, на который они заключены. Съ перваго взгляда вамъ покажется непонятной эта перемѣна; такого принципа не существуетъ въ современномъ правѣ и онъ даже строго запрещенъ послѣднимъ. Принимая частныя обязательства, мы всегда выговариваемъ себѣ право нарушить его до истеченія срока, только вознаградивъ неустойкой потерпѣвшую сторону. Каждое свободное лицо вправѣ всегда нарушить всякое свое гражданское обязательство, только вознаградивъ ущербъ, какой причиняетъ этимъ другому лицу. Такое начало господствовало и въ удѣльномъ правѣ. Въ московскомъ государствѣ, подъ дѣйствіемъ обязательности государственныхъ повинностей, и въ частныхъ отношеніяхъ установилось правило, что гражданскія обязательства, принимаемыя на извѣстный срокъ, не прекращаются по волѣ обязаннаго лица даже путемъ уплаты неустойки, т.е. вознагражденія стороны, потерпѣвшей отъ произвольнаго прекращенія обязательства. Какъ скоро личныя гражданскія обязательства получили такой характеръ, они стали крѣпостными обязанностями.

Эта перемѣна въ гражданскомъ правѣ и отразилась на юридическомъ состояніи холопства. До XVI в. въ нашемъ правѣ, какъ мы видѣли, существовало только одно холопство — полное; но рядомъ съ нимъ существовала личная зависимость, которая не причислялась къ холопству — долговое закладничество.- Закладничество было личной зависимостью, возникавшей

изъ займа съ обязательствомъ условной временной службы за ростъ и съ правомъ слуги всегда прекратить свою службу, возвратомъ долга. Этой условностью службы и этимъ правомъ прекращать ее закладничество отличалось отъ холопства: послѣднее было крѣпостной зависимостью, которая не могла быть прекращена ни подъ какимъ условіемъ по личному усмотрѣнію холопа безъ согласія господина. Такимъ образомъ долговое закладничество не было крѣпостнымъ состояніемъ, видомъ холопства; до XVI в. оно и не носило на себѣ никакихъ признаковъ холопьей крѣпостной зависимости. Но, съ конца XV в. въ нашемъ гражданскомъ правѣ утверждается мысль, что и условная служба за долгъ дѣлаетъ слугу холопомъ, какъ скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить свою зависимость; только эта служба - личная, прикрѣпляетъ только самого слугу къ его господину и только къ нему, не прикрѣпляя ни дѣтей слуги къ господину по смерти отца, ни самого слуги къ дѣтямъ господина по смерти послѣдняго. Изъ этой мысли вышли два послѣдствія, которыя создали два новые вида холопства.

1., Среди полныхъ холоповъ со временъ Русской Правды существовали слуги, которые отдавались въ холопство съ условіемъ служить въ должности сельскихъ ключниковъ. Прежде и это холопство было полнымъ, наслѣдственнымъ, но оно было условнымъ, обязывавшимъ слугу служить только въ извѣстной должности. Теперь, согласно съ общимъ правиломъ, что условная служба создаетъ только личную крѣпостную зависимость, и сельское ключничество образовало особый видъ холопства, получившаго названіе докладнаго. У него былъ одинаковый источникъ съ холопствомъ полнымъ - продажа, но оно отличалось отъ послѣдняго тѣмъ, что прекращалось смертью господина, которому продавался докладной холопъ.

2., Подъ вліяніемъ этой мысли закладничество съ начала XVI в. постепенно превратилось въ холопство, получившее названіе кабальнаго, т. е. возникавшаго изъ заемной кабалы, соединенной съ обязательствомъ служить за ростъ. Подъ давленіемъ общаго принципа непрекращаемости частныхъ личныхъ обяза-

тельствъ закладники, первоначально занимавшіе деньги на одинъ годъ, давали обязательство вмѣсто роста служить заимодавцамъ все это время безъ права прекращать службу до срока; но вслѣдствіе экономическаго разстройства, какое стало обнаруживаться въ московскомъ государствѣ XVI в., огромное большинство такихъ годовыхъ крѣпостныхъ должниковъ по истеченіи срока не имѣло возможности выйти на волю, уплативъ долгъ. Тогда заимодавцы начали примѣнять къ нимъ основныя правила древне-русскаго закладнаго права, по которому просроченный долгъ превращался въ продажу. Закладникъ, по истеченіи года не заплатившій долгъ, считался какъ бы продавшимъ себя въ полное холопство. Эти притязанія господъ вызвали множество разнообразныхъ затрудненій и безпорядковъ. Одни закладники уходили отъ господъ не расплатившись, — другіе, утративъ надежду расплатиться, сами отдавались господамъ въ полное холопство, наконецъ третьи еще до истеченія годового срока прекращали свою службу, прося принять отъ нихъ деньги въ уплату долга. Чтобы прекратить всѣ эти безпорядки, былъ изданъ законъ 25 апр. 1597 г.; по этому закону въ случаѣ споровъ, возникавшихъ изъ служилой кабалы, если кабальный человѣкъ уходилъ отъ господина безъ его согласія, не расплатившись, такого кабальнаго человѣка, какъ докладнаго холопа, велѣно было возвращать въ службу господину до смерти послѣдняго, а денегъ съ него по заемной кабалѣ не брать даже тогда, когда самъ холопъ будетъ предлагать ихъ. Точно такъ-же дѣти кабальнаго холопа, закабаленные вмѣстѣ съ отцомъ или родившіеся въ холопствѣ, подобно докладнымъ людямъ, служатъ отцову господину только до смерти послѣдняго, а послѣ него женѣ и дѣтямъ его не служатъ и денегъ по отцовой кабалѣ имъ не платятъ. Таковъ былъ законъ 1597 г., сообщившій окончательную юридическую физіономію кабальному холопству. Вы видите, что кабальный заемъ былъ сравненъ съ продажей въ холопство, но не въ полное, а лишь условное и временное. Холопъ лишался права прекратить свою неволю уплатой долга безъ согласія господина, за то и господинъ лишался права взыскать долгъ безъ согласія холопа; а смерть перваго погашала и долговое обяза-

тельство послѣдняго. Благодаря тому, условная служба вольныхъ закладниковъ за ростъ съ обязательствомъ уплаты долга по уговору теперь превратилась въ обязательную службу за самый долгъ съ погашеніемъ его до смерти господина по закону. Значитъ, закладничество превратилось въ кабальное холопство посредствомъ сочетанія условной службы вольнаго должника съ непрекращаемостью купленнаго холопства по волѣ холопа. Въ XVII в. кабальное холопство нѣсколько измѣнилось: источникомъ его сталъ не самый долгъ, соединенный со службой за ростъ, а просто уговоръ о личной дворовой службѣ до смерти господина; долгъ получилъ лишь фиктивное значеніе. Холопъ писалъ, что получилъ сумму, за которую обязывается работать на господина по его животъ, но онъ не занималъ этой суммы, а просто договаривался съ нимъ о пожизненной обязательной службѣ. Согласно съ этимъ Уложеніе постановило обозначать въ служилыхъ кабалахъ одинаковый заемъ въ три рубля, ни больше ни меньше, прямо придавая этимъ условный, фиктивный смыслъ кабальному долгу. Какъ скоро кабальное холопство утратило характеръ заемнаго служилаго обязательства, для такихъ обязательствъ выработаны были новыя крѣпости, которыя получили названіе *жилыхъ* или *житейскихъ записей*, и которыми укрѣплялся новый видъ личной зависимости — *жилая неволя*. Главное отличіе этой неволи отъ кабальнаго холопства заключалось въ разнообразіи условій: служилая кабала прикрѣпляла холопа къ хозяину всегда только до смерти послѣдняго, не прекращалась по закону раньше и не продолжалась дольше. Жилая неволя возникла изъ займа съ обязательствомъ работать за ростъ извѣстное количество лѣтъ или до смерти господина не погашая долга, — изъ займа, съ условіемъ его погашенія работой, — наконецъ, изъ найма съ условіемъ обязательной срочной работы, вознаграждаемой по истеченіи срока. Разнообразіемъ этихъ условій объясняется и разнообразіе названій, какія въ XVII в. носили крѣпости, устанавливавшія жилую неволю. Главныя изъ нихъ были: 1) *Заемныя заживныя*, которыми заемщики обязывались работать на хозяевъ до ихъ смерти или извѣстное количество лѣтъ въ „заживъ", погашая

долгъ работой; 2, жилыя служныя, называвшіяся такъ въ отличіе отъ заемныхъ потому, что основаніемъ зависимости по нимъ служилъ не денежный заемъ, а ссуда вещами — платьемъ, скотомъ, хлѣбомъ; 3, наемныя отжилыя, отличавшіяся отъ заемныхъ тѣмъ, что работникъ получалъ плату не впередъ въ видѣ займа, а по истеченіи условленнаго срока „на отжилъ, какъ годы отживалъ"; 4, закладныя, состоявшія въ томъ, что свободный человѣкъ не самъ отдавался въ зависимость, а закладывалъ за долгъ на извѣстное число лѣтъ своихъ дѣтей, младшихъ родственниковъ или жену.

Такимъ образомъ древне-русское холопство, прежде однообразное, полное, осложнилось, разчленившись съ конца XV в. на докладное, кабальное и жилое. Въ XVII ст. эти позднѣйшіе виды холопства получили даже преобладаніе надъ древней полной неволей: законодательство XVII в. запретило продажу въ полное потомственное холопство и свободныя лица могли отдаваться только въ личную зависимость на срокъ или до смерти господина. Легко замѣтить связь этихъ позднѣйшихъ видовъ холопства съ обязательностью государственныхъ повинностей, разложенныхъ на свободные классы. Всѣ эти виды развились изъ древняго закладничества. Оно не было крѣпостнымъ состояніемъ, холопствомъ, потому что могло быть прекращено по волѣ закладника уплатой долга. Въ этомъ отношеніи личная зависимость, имъ устанавливаемая, была похожа на отношеніе свободныхъ обывателей города къ его князю, возникавшія изъ договора и прекращавшіяся по волѣ одной изъ договаривавшихся сторонъ. Но какъ скоро эти договорныя обязательства свободныхъ обывателей въ московскомъ государствѣ превратились въ обязательныя государственныя повинности, зависимость закладниковъ получила крѣпостной характеръ: отдававшійся въ неволю по договору терялъ право прекратить ее по своей волѣ, какъ свободный человѣкъ, служилый или тяглый, потерялъ право сложить съ себя государственную службу или тягло. Услугами закладниковъ, теперь ставшихъ холопами кабальными или жилыми, пользовались преимущественно высшіе служилые тяглые классы, на которыхъ съ наибольшей тяжестью падали обязательныя государственныя

повинности. Превращеніе обязательствъ, возникавшихъ изъ закладничества, въ крѣпостную службу не прекращаемую по волѣ слуги до срока или до смерти господина, было для этихъ классовъ какъ бы вознагражденіемъ за превращеніе ихъ прежнихъ договорныхъ обязательствъ передъ княземъ въ пожизненныя и даже потомственныя государственныя повинности.

Начала кабальнаго холопства, развившись въ разнообразныя условія личной неволи, коснулись и положенія владѣльческихъ крестьянъ: привившись къ ихъ поземельнымъ отношеніямъ, они создали новый видъ крѣпостнаго состоянія — крѣпостныхъ крестьянъ. Происхожденіе этого состоянія — одинъ изъ самыхъ важныхъ, но и самыхъ запутанныхъ вопросовъ въ исторіи нашего общества. Для того, чтобы лучше уяснить происхожденіе этого факта въ исторіи нашего права, я напомню вамъ содержаніе послѣднихъ двухъ чтеній. Я указалъ происхожденіе чиновъ, на которые раздѣлялось промышленное посадское населеніе въ московскомъ государствѣ. Двѣ обязанности, которыя падали на это населеніе, были распредѣлены между его частями по правилу очень похожему на то, которое служило основаніемъ развёрстки повинностей, падавшихъ на служилое населеніе. Правило, по которому совершалась развёрстка повинностей между посадскими людьми, можно выразить такъ: служба казенная приказная по личному довѣрію или по мірской порукѣ, тягло по промыслу и по пашнѣ. Изъ соединенія этихъ двухъ правилъ вышло третье, служившее основаніемъ чиновнаго дѣленія посадскихъ людей: если казенная приказная служба развёрстывалась по личному довѣрію и по мірской порукѣ, а тягло по промыслу или по пашнѣ, то посадскіе чины дѣлились по службѣ и по тяглу — именно, чины высшаго столичнаго купечества — по службѣ, чины торгово-промышленнаго провинціальнаго населенія — по тяглу. Мы видѣли, что почти такъ же распредѣлена была приказная и ратная служба между служилыми людьми столичными и городовыми. Все описанное чиновное дѣленіе служилыхъ и посадскихъ людей завершилось уже къ концу XVI столѣтія. Все общество въ московскомъ государствѣ къ этому времени представляло такой видъ: на низ-

шей массѣ, довольно однородной и однообразной, слабо расчлененной, показались двѣ вершины, раздѣленныя съ чрезвычайной дробностью – служилые люди и высшее столичное купечество. Но со второй половины XVI в. начинается дробное движеніе и въ низшихъ классахъ. Оно началось съ самаго низа, съ холопства. Источникомъ этого движенія, видѣли мы, было отраженіе принципа, усвоеннаго государственнымъ правомъ, въ правѣ гражданскомъ, обязательственномъ. Принципомъ государственнаго права была обязательная разверстка государственныхъ повинностей между классами общества. Этотъ принципъ, отразившись въ гражданскомъ правѣ, измѣнилъ характеръ существовавшихъ въ немъ обязательствъ личной условной зависимости. Здѣсь, подобно праву государственному, установилось новое начало: обязательство, устанавливающее личную и условную зависимость пожизненно или срочно, не прекращаемо до истеченія срока или до конца жизни. Эта непрекращаемость обязательственныхъ отношеній холоповъ была установленіемъ, параллельнымъ вѣчно-обязательной службѣ и вѣчно обязательному тяглу, падавшимъ на служилыхъ и тяглыхъ людей и притомъ установленіемъ, возникшимъ подъ прямымъ дѣйствіемъ обязательной службы и обязательнаго тягла. Мысль, что личная зависимость, установленная обязательствомъ до смерти господина или на извѣстный срокъ, не можетъ быть прекращена до этихъ терминовъ, послужила источникомъ кабальнаго холопства, которое получило окончательную юридическую выработку къ началу XVII в.; а изъ кабальнаго холопства въ продолженіе XVII ст. постепенно развивались многообразные виды личной неволи. Такимъ образомъ временно-обязательныя отношенія, какія устанавливались прежде въ обязательственномъ правѣ и могли быть прекращаемы по волѣ одной стороны подъ условіемъ вознагражденія другой за причиненный тѣмъ ущербъ, теперь исчезаютъ и превращаются въ крѣпостныя отношенія, не прекращаемыя по волѣ зависимой стороны. Въ этой перемѣнѣ, происшедшей въ обязательственномъ правѣ, и заключается самый ранній источникъ крѣпостнаго права на крестьянъ, которое всегда за холопствомъ усложнило юридическій составъ и этого класса.–

XIX.

Дѣйствіе кабальнаго холопства на крестьянскую ссудную запись и происхожденіе крестьянской крѣпости. — Превращеніе обязательства по договору въ крѣпость по писцовой записи. — Вліяніе крестьянской крѣпости на составъ крестьянскаго населенія. — Образованіе тяглаго крѣпостнаго состоянія. — Замѣна казенныхъ службъ личной зависимостью какъ новою повинностью крѣпостныхъ крестьянъ. — Дробленіе крѣпостнаго крестьянства. — Происхожденіе задворныхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Изстари крестьяне въ Россіи, селившіеся на владѣльческихъ земляхъ, вели свои хозяйства въ большинствѣ съ подмогой отъ своихъ владѣльцевъ. Эта подмога давалась имъ въ различныхъ видахъ: владѣлецъ ссужалъ своихъ крестьянъ готовыми усадьбами съ надворными строеніями, рабочимъ скотомъ, сѣменами и т. п. За эту ссуду крестьяне обязывались особыми накладными повинностями, которыя падали на нихъ сверхъ общаго поземельнаго налога за снимаемыя у владѣльца земли. Всѣ эти повинности излагались въ крестьянскихъ поземельныхъ договорахъ съ владѣльцами, носившихъ названіе *порядныхъ грамотъ* или ссудныхъ записей. Вся совокупность этихъ добавочныхъ повинностей, источникомъ которыхъ была ссуда, носила названіе *крестьянскаго издѣлія* или *боярскаго дѣла* (барщина). Но эти повинности были простыми договорными обязательствами крестьянъ, которыя не уничтожали ихъ личной свободы, выражавшейся въ правѣ *выхода*, т. е. перехода съ одного участка земли на другой либо отъ одного владѣльца къ другому. Крестьянинъ, задолжавшій владѣльцу и по этому долгу вступившій въ зависимость отъ него, могъ единолично прекратить эту зависимость, заплативъ владѣльцу долгъ. Если онъ заключалъ договоръ на извѣстный срокъ, это не лишало его права разорвать свою связь съ землевладѣльцемъ до истеченія срока, только заплативъ условленную въ договорѣ неустойку — *крестьянскій зарядъ*.

какъ говорили въ XVI и XVII вв.

Таковы были отношенія между крестьянами и землевладѣльцами приблизительно до половины XVI в. Но съ этого времени въ московскомъ государствѣ стало усиленно развиваться частное землевладѣніе вотчинное и преимущественно помѣстное. Вмѣстѣ съ развитіемъ этого землевладѣнія усилился спросъ на крестьянскій трудъ. Обширныя пространства незасѣленной земли, поступавшія въ руки помѣщиковъ, послѣдніе старались обрабатывать, добывая всѣми возможными средствами рабочихъ крестьянскихъ рукъ. Вслѣдствіе этого масса бѣднаго бездомнаго люда была превращена въ хлѣбопашцевъ при помощи землевладѣльческихъ ссудъ. Все это усилило задолженность крестьянъ своимъ владѣльцамъ. Въ порядныхъ грамотахъ второй половины XVI в. ссуда становится общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ; необыкновенно трудно встрѣтить крестьянина, который бы сѣлся на земельный участокъ безъ подмоги отъ владѣльца. Вслѣдствіе этой задолженности право выхода, сохраняясь за крестьяниномъ, на практикѣ теряло свое дѣйствіе, становясь непримѣнимымъ. Рѣдкій крестьянинъ могъ расплатиться со своимъ владѣльцемъ и должалъ все больше по мѣрѣ того, какъ заживался на его участкѣ. Благодаря этому, право выхода къ концу XVI в. выродилось въ двѣ формы, изъ которыхъ одна возвращала крестьянину свободу, но была запрещена закономъ, а другая не только не возстановляла его свободы, но еще усиливала его договорную зависимость отъ владѣльца: крестьянинъ могъ или насильственно разорвать свою связь съ землевладѣльцемъ, убѣжавъ отъ него, или законнымъ порядкомъ отойти отъ него, нашедши другого владѣльца, который расплатился бы за него съ прежнимъ и перевелъ на свой участокъ. Въ первомъ случаѣ бѣглый крестьянинъ обысканный землевладѣльцемъ, долженъ былъ платить долгъ и пеню, во второмъ онъ мѣнялъ одну договорную зависимость на другую съ приращеніемъ. Благодаря этому исчезновенію права перехода въ дѣйствительности, среди землевладѣльцевъ уже къ концу XVI в. сталъ утверждаться взглядъ на крѣпостныхъ крестьянъ, какъ на неоплатныхъ должниковъ, не имѣв-

нихъ возможности разорвать свою зависимость отъ владѣльца.— Одинъ иностранецъ, Шиль, описывая положеніе крестьянъ при Борисѣ Годуновѣ, замѣчаетъ, что еще при прежнихъ государяхъ московскихъ землевладѣльцы привыкли смотрѣть на своихъ крестьянъ, какъ на крѣпостныхъ. Легко понять происхожденіе такого взгляда, не имѣвшаго прямаго основанія въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ: этотъ взглядъ, очевидно, сложился посредствомъ приложенія началъ древне-русскаго долговаго права къ положенію владѣльческихъ крестьянъ. Мы видѣли, что долгъ становился источникомъ крѣпостной зависимости, когда должникъ не только обязывался служить или работать за ростъ, но и терялъ право уплатить самый капиталъ, т.е. прекратить зависимость по своей волѣ. Это послѣднее начало было прямо выражено въ апрѣльскомъ указѣ 1597 года, запретившемъ принимать отъ кабальныхъ холоповъ челобитные объ уплатѣ долга по служилымъ кабаламъ. Благодаря этому, начала кабальнаго холопства стали прилагаться землевладѣльцами къ положенію задолжавшихъ крестьянъ еще прежде, чѣмъ такое приложеніе было дозволено закономъ. Возникновеніе и развитіе кабальнаго холопства родило среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянское издѣліе за подмогу создаетъ точно такую же личную крѣпостную зависимость крестьянина отъ владѣльца, въ какую ставила кабальнаго холопа дворовая служба за ростъ. Въ самомъ дѣлѣ, различіе между обязательствомъ работы крестьянина на владѣльца за подмогу и обязательствомъ дворовой службы кабальнаго холопа за ростъ было очень незначительно. Подъ вліяніемъ этой мысли и безъ всякаго участія законодательства приблизительно со второй четверти XVII в. въ крестьянскіе договоры стали вносить новое условіе, котораго не замѣтно было въ порядныхъ грамотахъ XVI в. Прежде крестьянинъ, снимавшій землю даже на опредѣленный срокъ, иногда давалъ обязательство не покидать своего участка раньше срока; но это обязательство было скорѣе обѣщаніе, чѣмъ юридическое условіе. Крестьянинъ могъ и до срока покинуть участокъ, лишь заплативъ полученную ссуду и условленную неустойку. Но въ третьемъ десятилѣтіи XVII ст. по-

являются порядныя грамоты, въ которыхъ крестьяне даютъ обязательство никогда и ни въ какомъ случаѣ не покидать владѣльцевъ даже подъ условіемъ уплаты неустойки. Самый ранній договоръ съ такимъ условіемъ, мною встрѣтившійся, относится къ 1628 г. Въ этомъ договорѣ вольный человѣкъ, снимая участокъ съ подмогой отъ владѣльца, обязывается „за государемъ своимъ жить во крестьянѣхъ по свой животъ безвыходно". Въ одной ссудной записи 1630 г. крестьяне, снимая землю Тихвинскаго монастыря и обязуясь въ случаѣ ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, которыми отъ него пользовались, прибавляютъ: „и впредь мы Тихвина монастыря крестьяне", т. е. въ случаѣ ухода они не только должны заплатить подмогу и вознагражденіе за льготу, но и возвратиться на снятый участокъ. Значитъ, крестьяне сами навсегда отказались отъ права выхода и неустойку превращали въ пеню за побѣгъ, не возвращавшую имъ этого права и не уничтожавшую самаго договора. Скоро это обязательство стало общимъ условіемъ въ ссудныхъ крестьянскихъ записяхъ, принимая чрезвычайно разнообразныя формы выраженія. Иногда крестьянинъ къ своему обязательству заплатить неустойку за побѣгъ, прибавлялъ условіе: „а впредь таки я государю своему по сей записи крѣпокъ безвыходно". Наиболѣе употребительная и стереотипная формула, въ которой выражалось это обязательство, гласила: „а крестьянство и впредь въ крестьянство", т. е. хотя крестьянинъ и убѣжитъ, но онъ этимъ нисколько не разрываетъ своей крестьянской зависимости отъ владѣльца. Такъ въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами внесено было условіе, по которому крестьянинъ, нанимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣпляя свои долговыя и поземельныя обязательства отказался навсегда отъ своего права прекращать основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это условіе и сообщило крестьянскому поземельному договору значеніе личной крѣпости.

До сороковыхъ годовъ XVII ст. незамѣтно вмѣшательства законодательной власти въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами: новое условіе проникало и распространялось, не встрѣчая

со стороны правительства никакихъ возраженій. Легко однако замѣтить важный интересъ, который долженъ былъ очень скоро вовлечь законодательство въ эти отношенія, чтобы регулировать ихъ: если на крестьянскія долговыя отношенія къ владѣльцамъ наслоилось основное условіе личной кабалы, то возникала опасность, что задолжавшій крестьянинъ изъ тяглого человѣка превратится въ кабальнаго холопа, который не былъ обязанъ государственнымъ тягломъ. Сначала сороковыхъ годовъ законодательство начинаетъ все съ большимъ вниманіемъ вмѣшиваться въ отношенія между крестьянами и владѣльцами. Еще въ концѣ XVI вѣка былъ установленъ закономъ 24 ноября 1597 г. срокъ давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Этотъ срокъ давности, назначенный первоначально въ 5 лѣтъ, имѣлъ цѣлью исключительно судебныя удобства: безконечныя тяжбы о крестьянахъ, давно бѣжавшихъ безъ расплаты, заваливали судебныя учрежденія. Искъ о побѣгѣ, начатый слишкомъ поздно, лишалъ судъ возможности основательно разобрать дѣло. Поэтому закономъ 1597 г. былъ назначенъ пятилѣтній срокъ давности для такихъ исковъ; если крестьянинъ бѣжалъ за 6 или болѣе лѣтъ до начала иска, владѣлецъ терялъ право искать его судомъ. Въ XVII ст. пятилѣтній срокъ былъ увеличенъ до десяти лѣтъ. Землевладѣльцы провинціальные, дворяне и дѣти боярскіе, чрезвычайно тяготились этими сроками, благодаря которымъ бѣглые крестьяне, укрываясь въ отдаленныхъ вотчинахъ крупныхъ владѣльцевъ, съ истеченіемъ срока пропадали для нихъ безъ возврата долга. Удовлетворяя этимъ неоднократнымъ ходатайствамъ, правительство въ 1646 г. приняло рѣшительную мѣру: предпринята была всеобщая перепись тяглыхъ людей, городскихъ и сельскихъ; для писцовъ, разосланныхъ по всѣмъ уѣздамъ, составлены были подробные наказы, инструкціи. Здѣсь писцамъ указано было записывать всѣхъ тяглыхъ людей поименно съ очутившимися при нихъ нетяглыми сыновьями и родственниками на тѣхъ мѣстахъ, за тѣми владѣльцами или обществами, гдѣ ихъ застала перепись, а бѣглыхъ записывать на покинутыхъ мѣстахъ на основаніи дѣйствовавшаго въ то время срока давности

лишь въ томъ случаѣ, если они бѣжали не далѣе десяти лѣтъ до переписи; убѣжавшіе раньше записывались тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись. Удовлетворяя неоднократнымъ ходатайствамъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ срока давности, правительство объявило, что впредь тяглые люди съ дѣтьми и родственниками будутъ крѣпки по переписнымъ книгамъ и безъ урочныхъ лѣтъ, т. е. землевладѣльцы и сельскія общества получатъ право искать безсрочно и возвращать бѣглыхъ, записанныхъ за ними въ этихъ книгахъ.

Эти писцовые наказы 1646г. значительно измѣнили характеръ крестьянской крѣпости, установленной ссудными записями: 1., Явился новый способъ укрѣпленія, который не отмѣнялъ прежняго договорнаго, но скорѣе закрѣплялъ его - это запись по писцовымъ книгамъ. Крестьяне, записанные за владѣльцемъ, становились крѣпки ему даже и безъ ссудной записи. 2., Крѣпостной крестьянинъ закрѣплялся за владѣльцемъ безъ всякаго срока и не только лично, но и со своимъ потомствомъ и даже съ родней, жившей въ его домѣ; дѣти и родственники, которыхъ писцы заставали въ его домѣ, становились точно также крѣпостными того владѣльца, за которымъ былъ укрѣпленъ ихъ отецъ или старшій родственникъ, домохозяинъ. Такимъ образомъ крѣпостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, вслѣдствіе закона 1646г. превращена была въ вѣчную и потомственную. Состояніе крѣпостныхъ крестьянъ стало безвыходнымъ, непрекращаемымъ; эта безвыходность и получила на языкѣ XVII в. названіе вѣчности крестьянской. Но, признавая за владѣльцами крѣпостное право на крестьянъ, законодательство ограничило ихъ извѣстными условіями. Землевладѣлецъ отвѣчалъ за податную исправность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ передъ казной; далѣе, имѣя право на дѣтей и младшихъ родственниковъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, владѣлецъ только тогда могъ пользоваться этимъ правомъ, когда устроялъ хозяйственное положеніе дѣтей и родственниковъ, дѣлавшее ихъ способными тянуть барское и казенное тягло, т. е. давалъ имъ земельные участки

и ссуду на обзаведеніе. Эти и другія условія, которыми законодательство ограничило крѣпостную власть владѣльцевъ на личность крестьянъ, сводились къ требованію, чтобы тяглый крестьянинъ, ставъ крѣпостнымъ, не переставалъ быть тяглымъ и способнымъ къ тяглу. Благодаря этимъ условіямъ, крестьянская крѣпость, развившись изъ крѣпости кабальной, не сдѣлалась холопьей. Она отличалась отъ послѣдней во первыхъ тѣмъ, что давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда, другая часть котораго обязательно шла въ пользу казны въ видѣ поземельнаго тягла; во вторыхъ тѣмъ, что всѣ владѣльческія права на крѣпостныхъ были обусловлены соотвѣтствующими государственными обязанностями владѣльцевъ.

Такъ представляю я происхожденіе и законодательное измѣненіе крѣпостнаго права на крестьянъ. Оно возникло въ началѣ дѣятельности новой династіи помимо законодательства, путемъ частныхъ сдѣлокъ — средствами обязательственнаго права; но потомъ законодательство, регулируя эту зависимость, въ интересахъ государства подчинило созданную сдѣлками крѣпостную власть на крестьянъ извѣстнымъ государственнымъ требованіямъ. Легко однако же понять, что распространеніе крестьянской крѣпости значительно усложнило юридическій составъ сельскаго населенія. 1) Изъ общей массы тяглаго земледѣльческаго населенія выдѣлились теперь владѣльческіе крѣпостные крестьяне; это было совершенно новое состояніе тяглыхъ крѣпостныхъ людей: прежде тяглые крестьяне не были крѣпостными; крѣпостными считались только холопы, которые не были тяглыми. Эти крѣпостные крестьяне отличались отъ крестьянъ казенныхъ и дворцовыхъ тѣмъ, что подобно имъ, лишившись права выхода изъ своего состоянія, они не несли казенныхъ службъ, падавшихъ на черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Эти казенныя службы замѣнены были работой на землевладѣльцевъ, которая падала на крѣпостныхъ крестьянъ какъ новая государственная повинность. 2) Въ самомъ крѣпостномъ населеніи обособились два разряда: земледѣльцы — домохозяева, тянувшіе тягло съ участковъ, которыми были надѣлены, и крѣпостные люди, жившіе за

этими крѣпостными домохозяевами, ихъ дѣти и младшие родственники, которые составляли совершенно особый классъ задтяглыхъ крѣпостныхъ.

Крестьянская крѣпость завершила собою то дробленіе низшаго тяглаго и крѣпостнаго населенія, какое началось съ конца XVI-го столѣтія. Окончательная юридическая выработка дана была крестьянской крѣпости около половины XVII в. Но лишь только вошло въ право это новое явленіе, во всемъ чиновномъ дѣленіи общества московскаго государства начинается важная перемѣна, которая ему сообщила новую организацію и новый видъ. Этой перемѣной обозначается наступленіе новаго, четвертаго періода въ исторіи русскихъ сословій.

XX.

Четвертый періодъ исторіи русскихъ сословій.

Понятіе о сословномъ правѣ. – Отсутствіе этого понятія въ московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Начальный законодательный моментъ IV періода. – Двоякое происхожденіе мысли о сословномъ правѣ въ московскомъ государствѣ XVII в.: 1, сословное право какъ средство удерживать классы въ кругу ихъ обязанностей, 2., сословное право какъ выраженіе сословной чести. Превращеніе чиновныхъ выгодъ въ сословныя права по состоянію. – Обособленіе трехъ сословій по правамъ. –

Обозначая во введеніи въ курсъ періоды, на которые можно раздѣлить исторію русскихъ сословій, я сказалъ, что въ четвертомъ періодѣ основаніемъ общественнаго дѣленія у насъ служило различіе правъ, распредѣленныхъ между сословіями по ихъ политическому значенію. Итакъ сословное право есть отличительная черта IV періода, тотъ признакъ, которымъ строй, усвоенный нашимъ обществомъ въ этотъ періодъ, отличался отъ склада, ему предшествовавшаго и основывавшагося на различіи государственныхъ обязанностей, разверстанныхъ между об-

щественными классами по ихъ хозяйственнымъ отношеніямъ. Прошу припомнить, какъ мы опредѣлили сословное право во введеніи въ курсъ: я сказалъ, что это есть всякое преимущество, предоставляемое закономъ цѣлому классу общества въ постоянное обладаніе. Разумѣется, юридическое отличіе извѣстнаго класса только тогда можно назвать его преимуществомъ, когда оно обращается въ его пользу: даетъ ему средства обезпеченія его интересовъ, создаетъ ему выгодное положеніе въ государствѣ или помогаетъ сохранять и укрѣплять это положеніе.

Въ московскомъ государственномъ правѣ XVI и XVII вв., когда складывалось государство, мы не находимъ твердо выраженнаго понятія о такомъ сословномъ преимуществѣ. Законодательство знало хозяйственныя выгоды, которыми пользовались разные классы и которыя служили не интересамъ этихъ классовъ, а цѣлямъ государства, были средствами исправнаго исполненія государственныхъ обязанностей, положенныхъ на общественные чины, а не средствомъ обезпеченія интересовъ этихъ чиновъ. Эти выгоды достигались собственными усиліями отдѣльныхъ лицъ или получались лицами отъ государства, напр. помѣстья. Въ томъ и другомъ случаѣ государство налагало на лица соотвѣтствующія этимъ выгодамъ тягости: на землевладѣльцевъ, пріобрѣтавшихъ землю собственными средствами или получавшихъ ее отъ казны, оно налагало службу приказную и ратную, на торгово-промышленныхъ капиталистовъ — службу казенную и промысловое тягло, на хлѣбопашцевъ, сидѣвшихъ земли казенныя или частныя — тягло поземельное.

Первый вопросъ, возникающій при изученіи новаго періода, состоитъ въ томъ — когда, откуда и какимъ образомъ возникла въ московскомъ государствѣ мысль о сословномъ правѣ, какъ о такомъ юридическомъ преимуществѣ, которое служило не столько средствомъ для отбыванія государственныхъ повинностей, сколько средствомъ для огражденія и проведенія сословныхъ интересовъ. Происхожденіе этой мысли было довольно сложно и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ почему-то обыкновенно оставляется въ

тью нашей историко — юридической литературой. Московское законодательство начинаетъ довольно твердо формулировать такія преимущества и согласно съ ними перестраивать прежнюю чиновную іерархію съ половины XVII в., съ Уложенія 1649 г. Постепенно вырабатываясь и укрѣпляясь, основанный на различіи сословныхъ правъ новый складъ нашего общества достигаетъ если не полнаго и окончательнаго, то довольно опредѣленнаго выраженія въ сословныхъ жалованныхъ грамотахъ 1785 г. Поэтому Уложеніе можно принять за начальный законодательный моментъ IV періода исторіи русскихъ сословій, а жалованныя грамоты мы избрали было конечнымъ предѣломъ нашего изученія. Однако, мысль о сословномъ правѣ, какъ мы его опредѣлили, возникла раньше изданія Уложенія и условія, изъ которыхъ она родилась, становятся замѣтны еще въ XVI в.

Сословныя права возникали и развивались въ нашемъ государственномъ порядкѣ двумя путями: всѣ они являлись послѣдствіями чиновнаго дѣленія, но различались свойствомъ побужденій, ихъ вызывавшихъ, или тѣхъ интересовъ, которые ими ограждались. Одни изъ нихъ создавались самимъ законодательствомъ и направлены были къ тому, чтобы поддерживать и укрѣплять чиновное дѣленіе общества, удерживая классы въ кругу назначенныхъ имъ чиновныхъ обязанностей; другія сами собой рождались изъ матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ чиновными обязанностями, и служили выраженіемъ и средствомъ поддержанія того государственнаго значенія или вѣса, какой пріобрѣтали чины исполненіемъ своихъ обязанностей. Съ перваго взгляда эта разница въ происхожденіи сословныхъ правъ кажется неясной, но вы увидите изъ дальнѣйшаго изложенія въ чемъ она состояла.

I. Сословныя права какъ средство удержанія классовъ въ кругу ихъ государственныхъ обязанностей, постепенно развивались путемъ перерожденій, какимъ подвергались эти обязанности въ своемъ практическомъ примѣненіи. Мы видѣли, что первоначально эти обязанности развёрстывались по хозяйственнымъ состояніямъ лицъ; кто владѣлъ землей, тотъ

долженъ былъ служить ратную службу; кто пахалъ землю, тотъ обязанъ былъ тянуть поземельное тягло. Эти повинности падали на состоянія или занятія даже независимо отъ лицъ, которыя владѣли этими состояніями или вели эти занятія: если землевладѣлецъ, служившій ратную службу съ своей земли, часть этой земли пахалъ на себя своими холопами или вольнонаемными рабочими, не сдавая ее тяглымъ людямъ — крестьянамъ, то въ XVI в. онъ сверхъ ратной службы платилъ еще поземельное тягло съ этой части наравнѣ съ тяглыми хлѣбопашцами. Такимъ образомъ по землѣ землевладѣлецъ служилъ, а по пашнѣ платилъ. Потомъ, когда посредствомъ такой разверстки лица разсортировались на классы, по мѣрѣ того какъ общественное дѣленіе, кристаллизуясь, застывало и твердѣло, повинности, съ помощью наслѣдственной ихъ передачи, постепенно переносились съ хозяйственныхъ состояній на самыя лица и только отбывались лицами по хозяйственнымъ состояніямъ, даже иногда ложились на лица независимо отъ ихъ состояній. Сынъ служилаго человѣка несъ ратную службу, даже не имѣя земли; напротивъ, неслужилый человѣкъ, ставшій землевладѣльцемъ, напр. холопъ, получившій отъ господина часть его вотчины въ награду за вѣрную службу, что нерѣдко бывало въ XVI в., такой землевладѣлецъ не былъ обязанъ ратной службой государству. Если служилый человѣкъ долженъ былъ служить, хотя бы и не владѣлъ землей, то наоборотъ, служилый землевладѣлецъ не обязанъ былъ платить поземельное тягло, хотя бы часть своей земли и обрабатывалъ на себя. Вотъ почему въ царствованіе Михаила Ѳедоровича дворовыя пашни служилыхъ землевладѣльцевъ по писцовымъ книгамъ являются уже свободными отъ поземельнаго налога. Эта перемѣна была, очевидно, перенесеніемъ государственной повинности съ хозяйственнаго состоянія на самое лицо, имъ владѣвшее. Отсюда установилось правило, по которому податное тягло освобождало отъ ратной службы, а ратная служба отъ податного тягла. Естественно однако же, что повинность, переставши быть вещественной и сдѣлавшись личной, не могла исправно

отбываться, если теряла свое вещественное, т. е. хозяйственное основаніе. Отсюда еще въ XVI в. становится замѣтнымъ въ московскомъ законодательствѣ стремленіе поставить лица въ экономическія состоянія, соотвѣтствующія несомымъ ими повинностямъ, и удерживать ихъ въ этихъ состояніяхъ. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого стремленія была система помѣстныхъ надѣловъ, превратившая тысячи безземельныхъ ратниковъ въ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но и вотчинное землевладѣніе испытало на себѣ дѣйствіе того же стремленія. Здѣсь оно прежде всего повело къ стѣсненію правъ вотчиннаго землевладѣнія въ интересѣ поддержанія служебной годности служилыхъ фамилій; чтобы предохранить ихъ отъ упадка и предупредить переходъ вотчинныхъ земель отъ служилыхъ владѣльцевъ въ неслужилыя или неспособныя къ службѣ руки, ограничено было право отчужденія и право завѣщанія родовыхъ наслѣдственныхъ вотчинъ. Въ ст. 85 Судебника 1550 г. и въ дополнительномъ законѣ 1557 г. былъ точно опредѣленъ порядокъ выкупа такихъ вотчинъ, отчужденныхъ владѣльцами въ чужой родъ. Нисходящіе потомки вотчинника, продавшаго родовую вотчину — дѣти и внуки — по Судебнику и закону 1557 г. не могли выкупать ее: это право сохраняли только боковые родственники — братья, сестры и племянники, притомъ, если они не подписались на купчей продавца свидѣтелями, т. е. не дали молчаливаго согласія на продажу вотчины. Право выкупа отчужденной вотчины сохранялось за родичами впродолженіи 40 лѣтъ; притомъ родичъ, выкупившій родовую вотчину, лишался права дальнѣйшаго отчужденія ея въ родъ: онъ могъ продать или заложить ее только члену своего рода, не подписавшемуся свидѣтелемъ на купчей перваго продавца. Въ одномъ спискѣ Судебника является еще болѣе важное стѣсненіе права отчуждать родовыя вотчины: здѣсь къ изложенной статьѣ Судебника приписанъ законъ царя Ивана, неизвѣстно въ какомъ году изданный. По этому закону бездѣтный вотчинникъ могъ продать, заложить или отказать въ монастырь по душѣ только половину своей родовой вотчины безъ согласія родичей.

Все, что онъ отчуждалъ сверхъ этой половины безъ ихъ согласія, отдавалось имъ по ихъ челобитью безъ выкупа, а покупатель лишался своихъ денегъ. Законами 1562 и 1572 г.г. право отчужденія и завѣщанія родовыхъ вотчинъ было еще болѣе стѣснено въ пользу казны, точнѣе говоря — въ интересахъ службы, для предупрежденія перехода вотчинъ въ неслужилыя руки. По этимъ законамъ крупнымъ землевладѣльцамъ, князьямъ и боярамъ, вообще запрещено было отчуждать, т. е. продавать, мѣнять или закладывать свои родовыя вотчины, точно также отдавать ихъ въ приданое. Они могли въ виду бездѣтной смерти завѣщать эти вотчины боковымъ родственникамъ, но только ближайшимъ — братьямъ, ихъ дѣтямъ и дѣтямъ этихъ племянниковъ, но не далѣе. Сверхъ того, запрещено было завѣщать вотчины вдовамъ, женамъ и дочерямъ и отдавать ихъ въ монастыри по душѣ безъ доклада государю. Во всѣхъ случаяхъ, когда по закону вотчинникъ терялъ право располагать вотчиной по своему усмотрѣнію, она по смерти его бралась въ казну и обращалась на помѣстныя дачи. Всѣ эти стѣсненія были объяснены въ законѣ 1572 г. однимъ главнымъ побужденіемъ: „чтобы службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила".

Всѣ изложенныя узаконенія направлены были косвенно къ удержанію служилыхъ фамилій въ разъ занятомъ ими положеніи по службѣ, которое чаще всего терялось вслѣдствіе потери вотчинъ, наслѣдственныхъ состояній. Такія распоряженія касались только высшихъ слоевъ служилаго класса, княжескихъ и боярскихъ фамилій, т. е. крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, наиболѣе важныхъ для службы. Но въ XVII ст. мы встрѣчаемъ и прямыя законодательныя мѣры съ цѣлью затруднить и даже запереть выходъ изъ всѣхъ, какъ служилыхъ, такъ и тяглыхъ состояній. Легко понять, что невозможно было превратить каждый служебный чинъ въ замкнутое состояніе, среди такого господствовавшаго постояннаго движенія: случайная неудача или личная удача въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ постоянно измѣняли наличное положе-

ніе лица, переводя его изъ одного чина въ другой. Бѣдный городовой сынъ боярскій, по состоянію своему способный служить только городовую осадную службу, постепенно богатѣя, запасаясь конемъ и вооруженіемъ и такимъ образомъ получая возможность нести болѣе тяжкую повинность — ходить въ дальніе походы, переходилъ въ разрядъ городовыхъ дворянъ или даже въ выборъ. Но вся іерархія чиновъ не представляла непрерывной лѣстницы ступеней, которую одно и тоже лицо могло бы пройти съ низу до самой вершины. Въ московскомъ чиновномъ движеніи не было того, что потомъ бывало по табели о рангахъ, когда чиновникъ, начавшій снизу, съ низшаго чина личными качествами или съ помощью служебной удачи, пробѣгалъ всю лѣстницу чиновъ и кончалъ свою государственную службу въ высшемъ чинѣ. Такихъ примѣровъ не было въ московской службѣ XVI – XVII вв. Вся лѣстница московскихъ чиновъ распадалась на нѣсколько отдѣловъ и іерархическое движеніе было возможно для лица извѣстнаго происхожденія только на пространствѣ ступеней извѣстнаго отдѣла. У каждаго отечества были свои доступные ему чины. Провинціальный дворянинъ, начавшій службу городовымъ сыномъ боярскимъ, могъ дослуживаться до выборнаго дворянства, въ исключительныхъ случаяхъ попадалъ даже въ московскій списокъ, но рѣдко шелъ выше дворянства московскаго. Точно также тяглый посадскій человѣкъ, начавшій свою дѣятельность въ званіи молодшаго, могъ, богатѣя, стать лучшимъ посадскимъ человѣкомъ, могъ даже попасть въ высшее столичное купечество, стать торговымъ человѣкомъ суконной или гостинной сотни, даже гостемъ; но мы знаемъ очень немного случаевъ болѣе успѣшнаго возвышенія. Нѣкоторые гости, за свою усердную службу казнѣ, награждались дьячествомъ, получали помѣстья, и даже извѣстны два-три человѣка въ XVII в., которые изъ гостей чрезъ дьячество попали въ Думу въ званіи думныхъ дворянъ. Но не было ни одного купца, который бы дослужился до боярства. Такъ у каждаго общественнаго слоя была своя чиновная карьера, свой рядъ доступныхъ ему чиновъ. Сословн

тельно, отдѣлы чиновъ были менѣе подвижными состояніями, чѣмъ самые чины. Чины каждаго отдѣла отличались неодинаковыми, но однородными обязанностями и соотвѣтственно этому лица, ихъ получавшія, должны были имѣть неодинаковыя, но однородныя хозяйственныя состоянія. Такъ, посредствомъ естественной группировки мелкихъ чиновъ сами собой обозначались очертанія болѣе крупныхъ классовъ, которые законодательство и обратило въ сословія, сперва замкнувъ выходъ изъ нихъ, а потомъ обособивъ ихъ другъ отъ друга спеціальными правами. Въ одной статьѣ Судебника 1550 г. мы читаемъ: „а дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому опричѣ тѣхъ, кого государь отъ службы отставитъ". Точно также Судебникъ запрещаетъ заимодавцамъ брать къ себѣ въ дворовую службу тѣхъ должниковъ, которые занимали деньги въ ростъ, а не подъ условіемъ служить за ростъ. Въ XVII в. запрещеніе выходить изъ служилыхъ и тяглыхъ состояній становится общимъ и настойчивымъ стремленіемъ московскаго законодательства. Такъ законъ 9 марта 1642 г. безусловно запретилъ вступать въ холопство дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Точно также еще до Уложенія принимались мѣры противъ закладничества, т. е. противъ вступленія въ личную зависимость съ правомъ всегда ее прекратить или безъ этого права. Уложеніе окончательно запретило тяглымъ посадскимъ людямъ и крестьянамъ отдаваться въ зависимость по служилымъ кабаламъ къ церковнымъ властямъ или свѣтскимъ землевладѣльцамъ. Дѣтей или младшихъ родственниковъ своихъ тяглые люди могли отдавать только въ жилую неволю и притомъ не болѣе, какъ на 5 лѣтъ. Такъ отмѣнена была 88 ст. Судебника 1550 г., которая давала крестьянину право продаваться съ пашни въ полное холопство. Въ XVII в. люди православнаго исповѣданія въ московскомъ государствѣ вообще не могли продаваться въ полное холопство. Если же припомнимъ установленную наказомъ 1646 г. вѣчность крестьянскую, то все почти общество въ московскомъ государствѣ, всѣ служилые и тяглые

мины его представятся намъ сосредоточенными въ три группы — служилую, посадскую и крестьянскую, которыя были замкнуты съ одной стороны — со стороны выхода изъ нихъ.

Но если специальныя повинности цѣлыхъ чиновныхъ группъ стали безусловно обязательными и неизмѣнными, даже наслѣдственными, то являлась необходимость и обезпечивавшія ихъ исполненіе хозяйственныя выгоды сдѣлать исключительнымъ достояніемъ классовъ, которые несли на себѣ эти повинности.- Если служилый человѣкъ по закону несъ вѣчно-потомственную ратную службу, а посадскій тяглецъ вѣчно и потомственно платилъ тягло по городскому промыслу, то было необходимо, чтобы никто кромѣ посадскихъ тяглецовъ не имѣлъ права промышлять въ городѣ. Такъ хозяйственныя состоянія и занятія изъ экономическихъ средствъ отбыванія государственныхъ повинностей, превратились въ исключительныя юридическія преимущества отдѣльныхъ классовъ, направленныхъ къ удержанію лицъ въ кругу ихъ наслѣдственныхъ обязанностей, иначе говоря, превратились въ <u>сословныя права</u>. Отсюда возникло новое явленіе въ московскомъ государственномъ порядкѣ — пріобрѣтеніе права на извѣстное хозяйственное состояніе или занятіе. Прежде хозяйственныя состоянія пріобрѣтались усиліями отдѣльныхъ лицъ, средствами гражданскаго права; каждое занятіе было всѣмъ доступно, возникало изъ свободнаго приложенія труда, руководимаго частными интересами трудящагося лица. Теперь лицо, прежде чѣмъ войти въ извѣстное состояніе должно было пріобрѣсти право на это, прежде чѣмъ приниматься за извѣстныя занятія, обязано было вступить въ тотъ общественный классъ, которому это занятіе было усвоено закономъ какъ его сословное преимущество. Изъ указаннаго правила само собою вытекало и обратное требованіе: если только служилые люди имѣютъ право владѣть землей, только посадскіе люди могутъ заниматься городскимъ промысломъ и торгомъ, то всѣ владѣющіе землей должны войти въ составъ служилаго класса, всѣ занимающіеся городскимъ промысломъ и торгомъ обязаны примкнуть къ классу посадскихъ

людей. Такъ право землевладѣнія и право городскаго промысла и торга объединили мелкіе чины, раздѣленные до тѣхъ поръ дробными различіями въ тяжести ратныхъ служилыхъ и тяглыхъ посадскихъ повинностей. Такое обоюдостороннее приложеніе правила и сомкнуло прежніе чины въ нѣсколько крупныхъ классовъ или состояній, придавъ имъ посредствомъ принудительной сословной приписки болѣе плотный и постоянный составъ и обособивъ ихъ другъ отъ друга.

Мѣры, направленныя къ сосредоточенію и округленію раздробленныхъ прежде общественныхъ классовъ были проведены на земскомъ соборѣ 1648 и 1649 гг. по иниціативѣ правительства или по ходатайству самихъ земскихъ чиновъ и сведены въ Уложеніи.

1., Личное землевладѣніе стало исключительнымъ правомъ служилыхъ людей и тѣхъ изъ земскихъ, которые несли казенную службу по выборамъ. Боярскіе холопы и находившіеся въ сходномъ съ ними юридическомъ положеніи монастырскіе слуги не могли покупать и принимать въ закладъ вотчинъ; если кто изъ служилыхъ людей находилъ такую вотчину и билъ о ней челомъ государю, она отбиралась у холопа или слуги и отдавалась челобитчику въ помѣстье какъ конфискованная земля (Улож. XVII, 41). Имъ не давали и помѣстій изъ государевыхъ казенныхъ земель.

2., Право торговать и промышлять въ городѣ присвоено было исключительно посадскимъ людямъ, а непринадлежавшіе къ посадскому обществу городскіе торговцы и промышленники обязаны были либо отказаться отъ своихъ торговъ и промысловъ, либо приписаться къ городскому обществу. Холопы и крестьяне, владѣвшіе въ городахъ тяглыми дворами и промышленными заведеніями — лавками, амбарами, погребами — обязаны были продать ихъ тяглымъ посадскимъ людямъ; впредь запрещалось кому либо пріобрѣтать такіе дворы и заведенія въ городахъ кромѣ посадскихъ людей подъ угрозой конфискаціи пріобрѣтеннаго имущества и торговой казни для пріобрѣтателей изъ крестьянъ и холоповъ. Крестьяне могли привозить въ

города свои товары и продавать ихъ на гостинномъ дворѣ съ возовъ и судовъ, но не могли покупать и нанимать для того лавокъ въ торговыхъ рядахъ. Съ другой стороны слободы въ городахъ, населенныя нетяглыми промышленниками и торговцами, заложившимися за служилыхъ людей или духовныхъ сановниковъ, приписывались къ посадскимъ обществамъ со всѣмъ своимъ населеніемъ и землями. Даже дѣти духовенства и другіе вольные люди, жившіе по городамъ на церковныхъ земляхъ и занимавшіеся торгами и промыслами, зачислялись въ городское тягло. Не только люди вольные, не принадлежавшіе къ какому опредѣленному состоянію, но и состоявшіе на государственной ратной службѣ по прибору и за то получавшіе казенное жалованье, занимаясь въ городѣ торговлей и промыслами, должны были тянуть городское тягло: по Уложенію такіе приборные служилые люди, оставаясь въ своихъ служилыхъ чинахъ и продолжая нести ратную службу, вмѣстѣ съ тѣмъ по своимъ торгамъ и промысламъ обязаны были записаться въ городское тягло и платить всякія подати наравнѣ съ тяглыми посадскими людьми. Исключеніе сдѣлано было только для нѣкоторыхъ разрядовъ служилыхъ приборныхъ людей; напр. для стрѣльцовъ, которые съ своихъ городскихъ торговъ и торговыхъ заведеній платили таможенныя пошлины и годовые оброки по окладу городскаго общества, но не были обязаны нести тягло и земскія службы наравнѣ съ посадскими людьми (Улож. XIX, 15, 17, 7, 3, 4, 11 и 12). Такимъ образомъ одно и тоже лицо могло принадлежать къ служилому и тяглому состоянію, чѣмъ для низшихъ служилыхъ людей отмѣнялось установившееся въ началѣ XVII в. правило, что ратная служба освобождаетъ отъ тягла, и обратно - тягло отъ службы.

3, Наконецъ и земледѣльческій трудъ, ставъ сословнымъ правомъ, началъ объединять сельское населеніе, дотолѣ разбитое на различныя юридическія состоянія. Въ составъ этого населенія входили тяглые крестьяне и бобыли, жившіе на казенной или частной владѣльческой землѣ, безземельные гулящіе люди, занимавшіеся сельскими промыслами или наемной

работой и пашотные холопы, получавшіе отъ господъ земельные участки въ пользованіе съ усадьбами и земледѣльческимъ инвентаремъ и за то работавшіе на господъ или платившіе имъ оброкъ подобно крестьянамъ; такіе пашотные холопы назывались <u>дѣловыми</u> и <u>задворными</u> людьми. Уложеніе ясно отличаетъ крестьянъ и бобылей, черныхъ и дворцовыхъ отъ крѣпостныхъ владѣльческихъ, а тѣхъ и другихъ отъ холоповъ: первыхъ оно признаетъ прикрѣпленными къ землѣ, или точнѣе, къ сельскимъ обществамъ, вторыхъ и третьихъ прикрѣпленными къ лицамъ, т. е. къ землевладѣльцамъ, различая ихъ другъ отъ друга тѣмъ, что крѣпостные крестьяне и бобыли были люди тяглые, а дѣловые и задворные холопы — нетяглые. Но въ самыхъ признакахъ, которыми различались указанныя три состоянія, заключались условія ихъ взаимнаго юридическаго сближенія. Прикрѣпляя однихъ хлѣбопашцевъ къ сельскимъ обществамъ, другихъ къ землевладѣльцамъ, Уложеніе окончательно утвердило то правило, что сельскія общества казенныхъ крестьянъ отвѣчаютъ за податную исправность послѣднихъ, а землевладѣльцы — за исправность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого правила была принудительная разверстка тягла: сельскія общества и землевладѣльцы получили право отводить отдѣльнымъ крестьянамъ большіе или меньшіе пашотные участки соразмѣрно съ ихъ рабочими силами и налагать на нихъ подати соразмѣрно съ отведенными участками. Эта принудительная разверстка вносила важныя перемѣны въ юридическій составъ сельскаго населенія. Съ одной стороны она уничтожала юридическое различіе между крестьянами и бобылями: принадлежность къ тому или другому изъ этихъ состояній опредѣлялась не выборомъ самого тяглаго хлѣбопашца, а хозяйственнымъ усмотрѣніемъ общества или землевладѣльца, которые разверстывали тягло. Съ другой стороны эта разверстка уничтожала на дѣлѣ юридическое различіе между крестьянами и пашотными холопами. Сумма податей, падавшая на имѣнье, опредѣлялась количествомъ тяглыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, значившихся въ немъ по писцовой книгѣ. Но податные платежи

предоставлено было разверстывать отвѣтственному за нихъ владѣльцу между всѣми крѣпостными его хлѣбопашцами, какъ онъ хотѣлъ, и недоимки взыскивались сборщиками какъ съ тяглыхъ крестьянъ, такъ и съ нетяглыхъ пашенныхъ холоповъ. Поэтому въ писцовыхъ книгахъ 1646 и 1678 г., когда произведены были общія переписи тяглыхъ людей, обозначались и дворы дѣловыхъ и задворныхъ холоповъ на ряду съ крестьянскими и бобыльскими, хотя этихъ холоповъ законъ еще не признавалъ прямо тяглыми людьми. Такъ подготовилось сліяніе бобылей и пашенныхъ холоповъ съ крестьянами въ одинъ классъ, завершенное введеніемъ подушной подати при Петрѣ. Наконецъ, юридическій составъ сельскаго населенія упрощался еще тѣмъ, что Уложеніе, прикрѣпляя казенныхъ крестьянъ къ сельскимъ обществамъ, а владѣльческихъ къ владѣльцамъ, распространило это прикрѣпленіе и на дѣтей и родственниковъ крестьянина, которые жили въ его домѣ, не имѣя своихъ участковъ и считались до тѣхъ поръ вольными людьми.

Таковы были три крупныя группы, на которыя стало распадаться съ половины XVII в. гражданское общество въ московскомъ государствѣ по сословнымъ правамъ.

XXI.

Честь чиновъ какъ источникъ сословныхъ правъ. — Первоначальное значеніе чиновной чести въ московскомъ правѣ. — Дальнѣйшее юридическое осложненіе этого значенія. — Новая форма сословнаго законодательства въ XVII в. — жалованная сословная грамота. — Отношеніе новаго сословнаго дѣленія общества къ прежнему чиновному. —

2, Другимъ источникомъ сословныхъ правъ въ московскомъ государствѣ XVII в. была честь чиновъ. Это былъ своеобразный и довольно сложный юридическій институтъ, выработанный древнерусскимъ правомъ. Первоначально подъ этимъ терминомъ разумѣлось значеніе, какое придавалъ законъ извѣстному чину и въ которомъ выражалась государственная оцѣнка сравнительной

пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболѣе осязательной формой, въ которой выражалась эта оцѣнка чиновной чести, служило наказаніе за безчестье, т. е. за оскорбленіе лица дѣйствіемъ и преимущественно „непригожимъ словомъ". Наказанія за безчестье различались по чинамъ какъ оскорбленной, такъ и оскорбившей стороны и были очень разнообразны: за безчестье подвергали денежнымъ пенямъ, тюремному заключенію, тѣлеснымъ наказаніямъ и позорному обряду отсылки виноватаго головою къ потерпѣвшему. Котошихинъ описываетъ обрядъ отсылки головою за боярское безчестье. Пристава вели подъ руки обидчика на дворъ къ обиженному боярину и ставили его на низу крыльца, на которое вызывали изъ дому и обиженнаго. Дьякъ произносилъ послѣднему рѣчь, говоря, что государь указалъ и бояре приговорили за его боярское безчестье отдать обидчика къ нему головою. Обиженный благодарилъ за царскую милость, а обидчика позволялъ отпустить домой. На пути къ обиженному какъ и стоя на дворѣ у него, обидчикъ пользовался правомъ безнаказанно „лаять и безчестить всякою бранью обиженнаго", который „за тѣ злыя лаючивыя слова" ничего не смѣлъ сдѣлать съ обидчикомъ подъ опасеніемъ усиленной кары. Уже въ Судебникѣ 1550 г. встрѣчаемъ сложный тарифъ денежныхъ штрафовъ за безчестье людей разныхъ чиновъ, который былъ еще болѣе развитъ Уложеніемъ 1649 г. Судебникъ между прочимъ назначалъ 5 рублей пени (около 350 р. на наши деньги) за безчестье „добраго боярскаго человѣка", т. е. лучшаго служилаго холопа, ходившаго въ походы съ господиномъ, тогда какъ безчестье свободнаго крестьянина оплачивалось впятеро дешевле. На лѣствицѣ чиновъ холопъ стоялъ очень низко и не пользовался правами свободнаго лица, какъ и не несъ никакихъ прямыхъ государственныхъ обязанностей; но государство цѣнило пользу, приносимую имъ какъ вооруженнымъ спутникомъ служилаго ратника и за эту пользу ставило его выше тяглаго крестьянина. Значитъ, чиновная честь лица опредѣлялась собственно не положеніемъ его чина на чиновной лѣствицѣ, а приносимой имъ государственной пользой, прямой или косвенной. Но если въ различіи наказаній

за безчестье по чинамъ оскорбленныхъ выражалась оцѣнка не столько достоинства самаго чина, сколько государственной полезности чиновнаго лица, то наоборотъ — въ различіи наказаній за безчестье по чинамъ обидчиковъ выражалась оцѣнка не столько этой полезности, сколько значенія чина, чѣмъ бы онъ ни пріобрѣтался — заслугой или породой. По Уложенію думные люди за оскорбленіе патріарха отсылались къ нему головою, служилые по отечеству наказывались батогами, а тяглые и служилые по прибору — кнутомъ на площади и сверхъ того мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ (Улож. X, 27–31). Родъ государственнаго служенія сообщалъ лицу извѣстное достоинство, которымъ опредѣлялся и родъ наказанія за извѣстныя преступленія и проступки. Для людей высшихъ чиновъ, руководившихъ управленіемъ, это достоинство служило средствомъ успѣшнаго исполненія ихъ правительственныхъ обязанностей: они должны были имѣть авторитетъ, необходимый для поддержанія въ управляемыхъ чувства порядка и повиновенія. Поэтому законъ не подвергалъ ихъ за одни и тѣже проступки одинаковымъ наказаніямъ съ людьми низшихъ чиновъ. Вотъ почему въ древней Руси думные люди и высшее духовенство были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній. Такимъ образомъ чиновная честь была первоначально личнымъ преимуществомъ, которое либо прямо связывалось съ чиномъ, либо пріобрѣталось службой государству независимо отъ чина: походный холопъ былъ одного чина съ простымъ, но честь перваго цѣнилась вчетверо дороже чести послѣдняго.

Съ теченіемъ времени юридическій составъ чиновной чести осложнился: къ личнымъ преимуществамъ присоединились матеріальныя выгоды, которыя также вытекали изъ чиновныхъ обязанностей, но не служили обезпеченіемъ ихъ исправнаго исполненія. Такъ, согласно съ правиломъ, что владѣть землей можетъ только тотъ, кто несетъ службу ратную, приказную или земскую, право землевладѣнія вотчиннаго и помѣстнаго въ московскомъ государствѣ усвоено было и высшему столичному купечеству, несшему наиболѣе тяжелыя казенныя службы какъ и посадскимъ людямъ, которыхъ

выбирали въ земскіе старосты. Но землевладѣніе для этихъ людей не соединялось съ воинской повинностью, падавшей на служилыхъ землевладѣльцевъ и такимъ образомъ становилось чистымъ сословнымъ ихъ правомъ. Точно такое же значеніе получило признанное закономъ въ XVII в. право служилыхъ землевладѣльцевъ на крѣпостной трудъ ихъ крестьянъ: ратная повинность этихъ землевладѣльцевъ обусловливалась вотчиннымъ и помѣстнымъ землевладѣніемъ, а не этимъ правомъ, хотя послѣднее было тѣсно связано съ первымъ. Такимъ образомъ землевладѣніе гостей и земскихъ старостъ и владѣніе крѣпостными крестьянскими руками получили характеръ сословныхъ правъ, не соединенныхъ съ соотвѣтствующими обязанностями, стали наградой за службу, а не средствомъ или условіемъ службы. Этотъ новый родъ сословныхъ правъ, возникшихъ изъ юридическаго развитія чиновной чести, усилилъ обособленіе чиновныхъ группъ, раздѣленныхъ правами, которыя, какъ мы видѣли, возникли изъ превращенія экономическихъ состояній или занятій въ исключительныя преимущества извѣстныхъ классовъ.

Таково было происхожденіе сословныхъ правъ въ московскомъ государствѣ. Этимъ новымъ юридическимъ явленіемъ вызванъ былъ и новый родъ законодательства. До XVII в. московское законодательство, устрояя общественные классы, опредѣляло преимущественно ихъ государственныя обязанности. Въ XVII в. встрѣчаемъ законодательный памятникъ, который говоритъ о сословныхъ правахъ: это - жалованная грамота гостямъ и гостиной сотнѣ, данная 26 августа 1648 года. Въ этомъ актѣ воспроизведена грамота, пожалованная высшему столичному купечеству еще въ 1613 г., вскорѣ по воцареніи Михаила. Гостямъ и гостиной сотнѣ присвоялись этой грамотой очень важныя преимущества: между прочимъ ихъ дворы освобождались отъ тягла и постоя; они сами, ихъ дѣти и приказчики въ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ не подлежали суду мѣстныхъ областныхъ правителей; иски на нихъ принималъ только московскій казенный приказъ. Эта грамота о правахъ высшаго купече-

ства была предвѣстницей жалованныхъ сословныхъ грамотъ Екатерины II.

Новая группировка общественныхъ классовъ, начавшая обозначаться съ половины XVII вѣка, не устраняла прямо прежняго чиновнаго дѣленія общества, а только прикрывала его на первое время; но она по самымъ своимъ основаніямъ отличалась отъ этого дѣленія. Чины, во-первыхъ, были дробныя и измѣнчивыя хозяйственно-служебныя состоянія, принадлежность къ которымъ въ значительной степени зависѣла отъ воли самихъ лицъ; новыя, болѣе крупныя общественныя группы представляли болѣе устойчивые классы, которые законъ даже стремился сдѣлать замкнутыми и принадлежность къ которымъ опредѣлялась преимущественно происхожденіемъ лицъ независимо отъ экономическаго ихъ положенія. Съ другой стороны чиновное дѣленіе основывалось на различіи государственныхъ обязанностей, а новые крупные классы различались между собою еще и правами. Этотъ послѣдній признакъ и сообщалъ новымъ классамъ характеръ сословій въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что, какъ было замѣчено во вступленіи къ курсу, существеннымъ и наиболѣе осязательнымъ признакомъ сословнаго дѣленія служитъ различіе правъ, а не обязанностей.-

Но не устраняя прямо прежняго чиновнаго дѣленія, новая сословная группировка общества косвенно содѣйствовала разрушенію старой системы чиновъ, подготовленному рядомъ другихъ условій.-

---

XXII.

Разрушеніе чиновнаго склада русскаго общества. — Тройной процессъ этого разрушенія. 1, Перемѣны въ приказной службѣ. Смѣшеніе генеалогическихъ слоевъ военно-служилаго класса въ московскомъ государствѣ и законъ 12 Января 1682 г. Табель о рангахъ. — 2, Преобразованіе земскаго управленія при Петрѣ I. Указы 30 января 1699 г. Введеніе дворянства въ порядокъ земскаго управленія: дворянскіе совѣты при воеводахъ, ландраты и земскіе комиссары. — 3, Превращеніе спеціальныхъ чиновныхъ повинностей въ обще-сословныя. Распространеніе воинской повинности на тяглыхъ людей, на дѣтей духовенства и на холоповъ. Распространеніе податного тягла на гулящихъ людей, холоповъ и косвенно на землевладѣльцевъ. — Сословный составъ русскаго общества послѣ первой ревизіи. —

Ходъ начавшагося приблизительно съ половины XVII в. разрушенія чиновнаго склада русскаго общества обозначился тремя процессами соотвѣтственно тремъ основаніямъ, на которыхъ построены были различныя части старой лѣстницы чиновъ. Верхнія ступени этой лѣстницы, какъ мы видѣли, держались на разверсткѣ приказной службы между служилыми людьми по отечеству, среднія — на распредѣленіи казенныхъ порученій между земскими людьми по личному довѣрію, наконецъ нижнія — на раскладкѣ ратной службы и тягла между служилыми и земскими людьми по ихъ хозяйственнымъ состояніямъ. Каждое изъ этихъ основаній и начало колебаться съ половины XVII в. частью подъ вліяніемъ условій, вызывавшихъ новое сословное дѣленіе общества.

1, Первый процессъ разрушенія чиновнаго склада общества обозначился постепеннымъ измѣненіемъ характера приказной службы, обязанности которой разверстывались между служилыми людьми по отечеству. Эта разверстка была тѣсно связана съ тѣми генеалогическими слоями, изъ которыхъ состо-

вился высшій служилый классъ въ московскомъ государствѣ XV и XVI в.в. Правительственныя полномочія, требовавшія большаго или меньшаго авторитета со стороны уполномоченныхъ лицъ, распредѣлялись по отечеству или происхожденію послѣднихъ, которымъ обусловливалось въ древней Руси общественное значеніе лица. Но съ начала XVII в. генеалогическіе слои высшаго служилаго класса, прежде рѣзко различавшіеся между собою, стали замѣтно смѣшиваться: старые родовитые фамиліи, княжескія и боярскія, вымирали или бѣднѣли и падали; новые незнатные люди личной заслугой или случайной удачей возносились наверхъ, достигали вліятельнаго положенія въ управленіи, богатѣли и становились родоначальниками новой аристократіи. Такимъ образомъ высшіе чины постепенно теряли свое старое основаніе, переставали быть выраженіемъ породы и становились отличіями по личной заслугѣ или выслугѣ. Эта перемѣна въ составѣ высшаго служилаго общества уже въ XVII в. повела къ отмѣнѣ мѣстничества, на которомъ держались старые высшіе чины. Комиссія, составленная въ 1681 г. изъ выборныхъ служилыхъ людей подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына для выработки плана новаго военнаго устройства, составивъ проектъ новой организаціи военныхъ частей, предложила назначать ихъ командировъ изъ всѣхъ служилыхъ фамилій „безъ мѣстъ и безъ подбора", т. е. не по отечеству, какъ прежде, а по личной годности или заслугѣ. Это предложеніе было принято Государемъ и Думой, приговорившими 12 января 1682 г. отмѣнить „богоненавистное и враждотворное мѣстничество." Съ того времени совершенно измѣнилось отношеніе сословнаго положенія служилаго лица къ служебному чину. Прежде этотъ чинъ опредѣлялся принадлежностью лица къ извѣстному генеалогическому слою служилаго класса; теперь, наоборотъ, пріобрѣтеніе извѣстнаго служилаго чина вводило лицо въ составъ высшаго служилаго класса, какого бы оно ни было происхожденія. Эта перемѣна выражена между прочимъ въ лаконическомъ указѣ Петра 16 января 1721 г. Указъ этотъ гласитъ: „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки

сутъ дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство? Напротивъ, Петръ не разъ и настойчиво выражалъ мысль, что дворянское происхожденіе само по себѣ безъ извѣстнаго чина, пріобрѣтеннаго службой, не даетъ никакихъ правъ. Этимъ совершенно разрушалось основаніе старой іерархіи служилыхъ чиновъ и вызывалась необходимость новаго чиновнаго распорядка служилаго люда. Этотъ распорядокъ былъ установленъ утвержденной 24 января 1722 г. табелью о рангахъ всѣхъ чиновъ. Въ этой табели всѣ должности распредѣлены на три параллельныхъ ряда должностей воинскихъ, статскихъ и придворныхъ и каждый рядъ раздѣленъ на 14 ранговъ или классовъ. Лѣстница воинскихъ должностей начинается генералъ-фельдмаршаломъ и оканчивается фендрикомъ; во главѣ іерархіи статскихъ ранговъ поставлены, во первыхъ, канцлеръ, во вторыхъ дѣйствительные тайные совѣтники, а внизу провинціальные секретари и коллежскіе регистраторы (классы 13-тый и 14-тый). Надобно замѣтить, что эти четырнадцать классовъ не были простыми чинами или служебными отличіями, не соединенными съ опредѣленными должностями, какъ теперь; къ каждому классу отнесена была одна должность или цѣлая группа равностепенныхъ должностей; такъ въ четырнадцатомъ статскомъ классѣ значились кромѣ регистраторовъ при коллегіяхъ еще коммиссары при коллегіяхъ, фискалы при надворныхъ судахъ, земскіе коммиссары, губернскіе почтмейстеры и прочіе. Въ пунктахъ, которыми сопровождалась табель о рангахъ, выражено было основаніе новаго чиновнаго дѣленія. Такъ въ одномъ пунктѣ сказано, что всѣ служащіе первыхъ восьми рангова (не ниже маіора и коллежскаго ассессора) съ потомствомъ своимъ причисляются къ лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ, хотя бы они и низкой породы были. А въ другомъ читаемъ, что хотя сыновьямъ россійскаго знатнѣйшаго дворянства и открывается имъ знатной ихъ породы свободный доступъ ко двору и преимущественно, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались, однако за это одно никому изъ нихъ никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству услугъ не покажутъ и за

ныя характера (чести и чина) не получать. Введеніемъ этой табели завершена была перестройка высшаго служилаго класса, которую можно выразить такими словами: чиновныя обязанности приказной службы, постепенно теряя связь съ генеалогическимъ составомъ высшаго служилаго класса, превратились въ простыя должностныя полномочія.

2.) Подобная перемѣна произошла при Петрѣ и въ порядкѣ отправленія земской службы. Мы знаемъ, что самымъ тяжелымъ видомъ ея была служба вѣрная, на раскладкѣ которой основывалось дѣленіе тяглое высшаго купечества. Безмездное и отвѣтственное исполненіе казенныхъ порученій по сбору таможенныхъ, питейныхъ и другихъ доходовъ благонадежными торговыми людьми вызывалось недостаткомъ у казны собственныхъ органовъ, пригодныхъ для этого дѣла. При Петрѣ возникла мысль сложить обязанности вѣрнаго управленія съ городскихъ обывателей и отдать всѣ косвенные налоги на откупъ или поручить ихъ сборъ отставнымъ офицерамъ и солдатамъ. Указами 13 апрѣля и 11 мая 1722 г. предписано было всѣ казенные доходы, собираемые на вѣру, постепенно отдать на откупъ, а пока посадскихъ людей къ такимъ сборамъ не выбирать, замѣняя ихъ отставными офицерами, дворянами и рядовыми: въ помощь имъ велѣно было выбирать съ значеніемъ подчиненныхъ цѣловальниковъ раскольниковъ и „бородачей", на которыхъ эта повинность была положена, какъ наказаніе за ихъ упорную привязанность къ старообрядству и бородѣ. Попытка отмѣнить вѣрное управленіе получаетъ тѣмъ большее значеніе, что была предпринята преждевременно безъ достаточной подготовки. Изъ указа 9 декабря 1723 года узнаемъ, что во всѣхъ губерніяхъ къ казеннымъ сборамъ прислано изъ военной коллегіи только 475 человѣкъ отставныхъ, тогда какъ требовалось всѣхъ около 7000 сборщиковъ. Пришлось обращаться опять къ выборнымъ сборщикамъ изъ купечества и посадскихъ людей тамъ, гдѣ не доставало отставныхъ военныхъ. Значитъ, потребность снять повинности вѣрной службы съ городскаго населенія явилась раньше, чѣмъ успѣла казна найти годныхъ ори-

дія, которыми можно было бы замѣнить вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ купечество освобождалось отъ этихъ повинностей, исчезало и основанное на нихъ разверстанное старое чиновное значеніе этого класса. – Въ то время какъ падалъ прежній строй земской службы по личному довѣрію, служившему основаніемъ вѣрнаго управленія, земская служба по мірской порукѣ развивалась и съ дальнѣйшимъ развитіемъ своимъ получила новый характеръ. Въ царствованіе Грознаго земскіе міры, городскіе и сельскіе получили право управляться выборными земскими старостами и цѣловальниками, которые творили среди нихъ судъ и собирали съ нихъ казенныя подати. Міры, избиравшіе этихъ старостъ и цѣловальниковъ, отвѣчали передъ правительствомъ за ихъ дѣятельность. Эти земскіе выборные замѣняли коронныхъ областныхъ правителей – намѣстниковъ и волостелей, которые оказались непригодными къ дѣлу. Въ XVII в., когда во главѣ каждаго уѣзда ставился воевода, коронный управитель съ широкими военно-гражданскими полномочіями, земскіе старосты и цѣловальники очутились въ положеніи орудій этихъ управителей и дѣлали для нихъ всю черную работу управленія, утративъ всякую самостоятельность. Въ царствованіе Алексѣя правительство начало помышлять о возстановленіи подавленнаго воеводами земскаго самоуправленія. Петръ наслѣдовалъ и осуществилъ эти помыслы. Двумя указами 30 января 1699 г. предоставлено было торгово-промышленному населенію столицы и другихъ городовъ, а также и крестьянамъ государевыхъ сельскихъ волостей, „буде они похотятъ", управляться своими выборными бурмистрами, которые бы чинили между ними судъ и собирали государственные налоги. За освобожденіе отъ воеводъ и приказныхъ людей города должны были только платить удвоенные оклады казенныхъ податей. Возникшія по этимъ указамъ московская бурмистерская палата и городовыя ратуши были потомъ, въ концѣ царствованія Петра, преобразованы въ магистраты. Этими учрежденіями не только возстановлялось, но и расширялось городское самоуправленіе. Городскіе выборные управители, прежде служившіе

отвѣтственными замѣстителями коронныхъ областныхъ чиновниковъ, теперь получили значеніе блюстителей сословныхъ интересовъ выбиравшихъ ихъ городскихъ обществъ. Законодательство Петра не обязывало городскихъ избирателей строгой порукой за избранныхъ управителей. Такимъ образомъ выборное земское управленіе, имѣвшее прежде характеръ земской служебной повинности, теперь получило въ городахъ значеніе сословнаго права. — Вскорѣ по учрежденіи бурмистровъ, это право было распространено и на областное дворянство. Въ XVII в. дворянство въ составѣ областныхъ міровъ стояло довольно уединенно: сомкнувшись въ уѣздныя корпораціи, оно имѣло очень мало связи съ другими классами и оказывало слабое дѣйствіе на ходъ мѣстнаго управленія, выбирая изъ своей среды лишь на нѣкоторыя второстепенныя должности уѣздной администраціи. Губные старосты, избиравшіеся изъ среды уѣздныхъ служилыхъ людей всѣми классами мѣстнаго общества, были отмѣнены незадолго до царствованія Петра. Взамѣнъ этого учрежденія Петръ открылъ дворянству болѣе широкое и прямое участіе въ мѣстной администраціи и этимъ органически ввелъ сословіе въ систему областнаго земскаго управленія. Указомъ 10 марта 1702 г. при уѣздныхъ воеводахъ учреждены были дворянскіе совѣты по выбору уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Эти выборные дворяне-совѣтники должны были вѣдать всякія дѣла съ воеводами, „а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать". Послѣ того какъ въ 1708 г. введено было новое дѣленіе Россіи на губерніи, уѣздные дворянскіе совѣты замѣнены были ландратскими совѣтами при губернаторахъ. Указомъ 24 апрѣля 1713 г. предписано было дворянству каждой губерніи, смотря по величинѣ ея, выбрать восемь, десять или двѣнадцать ландратовъ, которые „должны были всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ", отличавшійся отъ нихъ только тѣмъ преимуществомъ, что ему при голосованіи вопроса принадлежало два голоса. Эти ландраты не только составляли совѣтъ при губернаторѣ, но и принимали непосредствен-

ное участіе въ управленіи губерніей. Вся губернія раздѣлялась на нѣсколько округовъ и во главѣ каждаго изъ нихъ становился ландратъ. Съ 1719 г. ландраты исчезаютъ, но участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи не прекращается. Указомъ 26 ноября 1718 г., предписавшимъ произвести первую ревизію и расквартировать полки по уѣздамъ для содержанія ихъ новымъ податнымъ сборомъ, велѣно было дворянамъ каждаго уѣзда выбирать ежегодно <u>земскаго комиссара</u> для сбора этой подати. Сверхъ этого сбора январской инструкціей 1719 г. на земскихъ комиссаровъ возложены были разнообразныя полицейскія обязанности. Они должны были наблюдать надъ мѣстными откупщиками казенныхъ доходныхъ статей, смотрѣть за правильнымъ отбываніемъ рекрутской повинности, за устройствомъ и безопасностью путей сообщенія, за нравственностью и поведеніемъ обывателей уѣзда, также содѣйствовать отправленію правосудія и проч. Земскій комиссаръ, по окончаніи годичнаго срока своей службы, отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности уѣздному дворянскому обществу, которое за неисправности и злоупотребленія могло предавать его суду и подвергать наказанію. — Такимъ образомъ земское самоуправленіе при Петрѣ было не только возстановлено въ городахъ, но и распространено на сельское землевладѣльческое населеніе. Какъ дворянское, такъ и городское самоуправленіе теперь обречено было [illegible] существенно [illegible] значеніе центральныхъ органовъ мѣстнаго управленія: областной коронной управленіе, [illegible] [illegible] распоряжавшихся какъ городскимъ, такъ и сельскимъ [illegible] [illegible] теперь сохранило только право надзора за городскими выборными управленіями и превратилось въ [illegible] представительное собраніе выборныхъ дворянъ — совѣтниковъ. Благодаря этой перемѣнѣ <u>обязанности прежней земской службы по [illegible] [illegible] распространившіяся изъ городовъ [illegible] [illegible] дворянскія общества при Петрѣ соединились съ [illegible] которыя [illegible] характеръ сословно-политическихъ правъ.</u> [illegible]

3., Чиновное дѣленіе древне-русскаго общества, какъ мы видѣли, держалось на томъ, что на каждый классъ падала особая государственная повинность. Повинностей общихъ все-чиновныхъ или всесословныхъ не существовало. Со времени Петра эти специальныя повинности стали обобщаться, распространяясь съ одного класса или группы лицъ на другіе. Это обобщеніе началось съ низа общества. Воинская повинность, прежде падавшая прямо только на служилыхъ людей по-отечеству или по-прибору, теперь стала распространяться и на низшіе классы. Готовясь къ Сѣверной войнѣ, Петръ производилъ рекрутскій наборъ и съ тяглаго населенія, посадскихъ людей и крестьянъ. Потомъ такіе наборы повторялись періодически впродолженіе всего царствованія. Мало того, Петръ рѣшилъ положить воинскую повинность и на классы, прежде свободные отъ всякихъ прямыхъ государственныхъ обязанностей — на холоповъ и вольныхъ гулящихъ людей. По указамъ 1 февраля и 31 марта 1700 г. всѣ вольноотпущенные, годные въ службу, должны были записаться въ солдаты, а холопы могли вступать въ военную службу безъ отпуска и позволенія своихъ господъ. Первоначально Петръ думалъ привлечь къ военной службѣ только дворовую челядь, къ которой принадлежали походные слуги господъ. Начавъ войну съ Турціей въ 1711 г., онъ указомъ 1 марта потребовалъ у господъ третьяго изъ ихъ дворовыхъ людей въ солдаты. Вмѣстѣ съ этимъ и податное тягло распространялось какъ на холоповъ, такъ и на гулящихъ людей. Зачисляя въ солдаты способную къ службѣ дворовую челядь, Петръ еще до ревизіи рѣшительно и прямо положилъ подать на холоповъ пашенныхъ, жившихъ особыми дворами и называвшихся <u>дѣловыми</u> и <u>задворными</u> людьми. Наконецъ, первая ревизія сгладила и это различіе между холопами дворовыми и пашенными. Рядомъ указовъ 1719 и слѣдующихъ годовъ подушная подать распространена была на всѣ разряды какъ гулящихъ людей, такъ и холоповъ. Большая часть гулящихъ людей записана была въ ревизскія сказки за землевладѣльцами, на земляхъ которыхъ застала ихъ ревизія, и такимъ образомъ попала къ нимъ въ крѣпостную зависимость. Вмѣстѣ съ

личныя и рекрутскіе наборы стали производиться съ гулящихъ людей и съ холоповъ совершенно на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянами по одному рекруту съ извѣстнаго количества душъ. Такимъ образомъ исчезли оба эти класса, слившись съ крѣпостными крестьянами въ одно состояніе крѣпостныхъ людей. Сохранилось различіе между дворовыми людьми и крестьянами, но оно было хозяйственное, а не юридическое, какое существовало прежде между крѣпостными крестьянами и холопами какъ между людьми тяглыми и нетяглыми. Податная повинность косвенно падала и на самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ. Лично они не подлежали подушной подати; но указы о первой ревизіи окончательно закрѣпили за ними отвѣтственность за казенные платежи ихъ крѣпостныхъ людей. Недоимки въ этихъ платежахъ казна взыскивала съ самихъ владѣльцевъ. Такъ спеціальныя повинности ратной службы и податного тягла, распространяясь на большее количество классовъ, постепенно превращались во всесословныя государственныя обязанности. Этимъ обобщеніемъ повинностей завершалось юридическое сліяніе прежнихъ чиновъ, т. е. разрушеніе чиновнаго склада русскаго общества.

Посредствомъ изложенныхъ трехъ процессовъ, разрушавшихъ основанія іерархіи чиновъ, чиновное дѣленіе, прежде прикрывавшееся сословнымъ, ко второй четверти XVII в. растворилось въ послѣднемъ. По мѣрѣ того, какъ государственныя повинности, обобщаясь, переставали дробить общество на мелкія части, развивались сословныя права, не связанныя съ повинностями. Эта перемѣна служила переходомъ государственнаго порядка со старыхъ основаній на новыя. Московское государство брало въ свое распоряженіе во имя общаго блага всѣ силы и средства общества, не оставляя простора частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ. Это поглощеніе частныхъ интересовъ государственными и выразилось въ чиновной разверсткѣ спеціальныхъ государственныхъ обязанностей. Петръ завершилъ эту разверстку, распространивъ нѣкоторыя спеціальныя повинности отдѣльныхъ чиновъ на цѣлыя ихъ группы или даже на все общество. Но съ

его смерти началось обратное движеніе. Нѣкоторыя сословія постепенно освобождались отъ своихъ прежнихъ обязанностей и при этомъ не только сохранили свои прежнія права, но и пріобрѣтали новыя. Этими правами, какъ частными, такъ и политическими, опредѣлился все болѣе расширявшійся просторъ, какой государство предоставило свободной дѣятельности нѣкоторыхъ сословій. Движеніе это началось съ дворянства и слабѣе захватило городское торгово-промышленное населеніе. Условія, вызвавшія это движеніе и его ходъ и слѣдствія для русскаго общества частью извѣстны изъ общаго курса Русской Исторіи.(*) Права, которыя пріобрѣли въ продолженіе XVII в. дворянство и городское населеніе, выражены были въ жалованныхъ грамотахъ 1785 г. этимъ сословіямъ, которыя вслѣдствіе того вмѣстѣ съ духовенствомъ получили значеніе привилегированныхъ состояній. Законодательство XIX в. постепенно распространяло и распространяетъ эти права и на другія, прежде обдѣленныя сословія, уравнивая передъ закономъ всѣ состоянія.

(*) „Новая русская исторія", чит. проф. В. О. Ключевскимъ въ 1885 г. (изд. А. Юшкова), стр. 265.

Обзоръ прочитаннаго и главный выводъ.

Теперь бросимъ взглядъ на всѣ изученныя нами явленія. Мы видѣли, какъ и на какихъ основаніяхъ дѣлилось и передѣлялось русское общество до второй четверти XVII в. Эти передѣлы были довольно часты и разнообразны. Чтобы лучше запомнить ихъ историческую преемственность, мы ихъ изложимъ еще разъ въ общихъ чертахъ.

Первоначально, во времена, предшествовавшія древнѣйшимъ памятникамъ нашего права, общество распадалось на завоевателей и завоеванныхъ, изъ которыхъ первые старались присвоить себѣ всѣ права, оставляя послѣднимъ только обязанности. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ права это дѣленіе отразилось едва замѣтно. По этимъ памятникамъ мы застаемъ русское общество въ X–XII вѣкахъ раздѣленнымъ уже не по праву матеріальной силы, а по отношеніямъ лицъ къ верховной власти, т. е. по закону: завоеватели превратились въ <u>княжихъ мужей</u>, въ управителей, въ органы княжеской власти; завоеванные — въ <u>людей</u>, въ управляемыхъ, данниковъ князя. Но кромѣ этого различія въ отношеніяхъ того и другаго класса къ князю они различались между собою еще однимъ признакомъ — неодинаковымъ отношеніемъ закона къ лицамъ: жизнь органовъ княжеской власти и притомъ лишь высшихъ цѣнилась по закону дороже, т. е. ограждалась государствомъ заботливѣе, чѣмъ жизнь лицъ другихъ классовъ. Но уже въ XII в. становится замѣтно болѣе дробное дѣленіе общества по правамъ — на бояръ, смердовъ, закуповъ и проч. По происхожденію своему это дѣленіе было экономическое: классы различались по хозяйственнымъ состояніямъ. Но такъ какъ законъ признавалъ юридическія послѣдствія этого хозяйственнаго неравенства и связывалъ съ нимъ различіе правъ, то эти состоянія получали значеніе сословій. Легко замѣтить историческую связь этого новаго сословнаго дѣленія съ болѣе раннимъ — съ распаденіемъ общества по отношеніямъ лицъ

къ князю на управителей и управляемыхъ: боярами — землевладѣльцами становились обыкновенно княжіе мужи, смерды были люди, живущіе на княжой земли, закупы — люди, живущіе на земли или въ домахъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ новое сословное дѣленіе основалось на экономическихъ послѣдствіяхъ, вышедшихъ изъ предшествующаго дѣленія.

Въ удѣльное время общество дѣлилось на классы, различавшіеся родомъ договорныхъ услугъ или службъ въ пользу князя и родомъ выгодъ, какими они пользовались за эти услуги. И это дѣленіе построилось на послѣдствіяхъ предшествующаго: различными хозяйственно-юридическими состояніями, образовавшимися въ предшествующій періодъ, обусловливалась неодинаковая служебная годность лицъ, т. е. ихъ способность вступать въ тѣ, а не другія обязательства съ княземъ; только привилегированный землевладѣлецъ могъ нести административную или ратную службу, смердъ-хлѣбопашецъ могъ принимать на себя только поземельное тягло и такъ далѣе. Въ московскомъ государствѣ общество раздробилось на чины по роду государственныхъ повинностей. Эти повинности были тѣ же самыя службы, которыми различались классы населенія въ удѣльное время; только изъ договорныхъ онѣ превратились въ обязательныя. Онѣ разверстывались по хозяйственнымъ состояніямъ, образовавшимся въ удѣльное время подъ вліяніемъ договорныхъ отношеній къ князю; слѣдовательно, чиновное государственное дѣленіе общества основалось на экономическихъ послѣдствіяхъ предшествующаго договорнаго. Съ половины XVII в. дробные чины стали соединяться въ крупныя сословныя группы, различавшіяся правами. Эти права образовались двоякимъ путемъ: одни вышли изъ превращенія хозяйственныхъ выгодъ, служившихъ средствами исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей, въ исключительное достояніе чиновъ, которые несли соотвѣтствующія повинности; другія были выраженіемъ чести чиновъ, т. е. степени государственной пользы, приносимой службой каждаго изъ нихъ. Значитъ, тѣ и другія сословныя права были послѣдствіями чиновныхъ обязанностей, служивши либо средствомъ обезпеченія исправнаго ихъ исполненія, либо выраженіемъ

того государственнаго значенія, какое придавалось обязанностямъ извѣстныхъ чиновъ. Такъ, разсматривая историческую преемственность общественныхъ дѣленій, мы открываемъ и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно обозначить такой формулой: *основаніемъ каждаго послѣдующаго дѣленія становились послѣдствія, вытекавшія изъ дѣленія предшествовавшаго.* Первоначальное политическое дѣленіе на управителей и управляемыхъ повело къ экономическому неравенству — къ различію лицъ по хозяйственнымъ состояніямъ; различіемъ лицъ по хозяйственнымъ состояніямъ условливалось различіе договорныхъ отношеній, въ какія вступали лица къ князю удѣльныхъ вѣковъ; различіемъ состояній, созданныхъ этими договорными отношеніями, опредѣлялась раскладка государственныхъ повинностей, какія должны были на лица въ московскомъ государствѣ; изъ неодинаковой оцѣнки государственнаго значенія этихъ повинностей развилось различіе правъ, послужившее основаніемъ дѣленія общества на сословія, образовавшіяся изъ соединенія прежнихъ однородныхъ чиновъ. Каждое послѣдующее дѣленіе цѣплялось за послѣдствія предыдущаго. Таковъ основной выводъ, вытекающій изъ исторіи нашихъ сословій.-

---

Содержаніе.

Четвертый періодъ (XVII — XVIII) 160–186.

Важнѣйшія ошибки.

Стран.	Строк.	Написано:	Слѣдуетъ:
3	св. 1	сословныя права	сословное право
5	св. 14	отличаются отъ сословныхъ: съ каждою.....	[пропускъ:] отличаются отъ сословныхъ. 1., Должностныя права чрезвычайно неравномѣрны: съ каждою...
18	св. 5	гнетомъ капитала	а гнетомъ капитала
22	сн. 17	генерическую	генетическую
37	сн. 16	Ибн-Даетъ	Ибн-Дастъ
40	св. 10	Источникъ холопства	Источники холопства
47	св. 13	принимаемъ	принимаемъ отъ нихъ
57	св. 1.	къ такимъ	къ такимъ случаямъ
76	сн. 12	дворовыя	дворовыя службы
91	сн. 13.	пружины, механики	пружины механики
103	сн. 15	какіе	какія
125	св. 3	доброй и угожей	доброй угожей
147	сн. 8	продажа	продажа
149	св. 13	этой службы	этой суммы
157	св. 6	превратимся	превратится
160	сн. 12	2, сословное право какъ выраженіе чиновной чести	вычеркнуть.
165	св. 2	службъ	службы
168	св. 11	то было необходимо, чтобы....	[пропускъ:] то было необходимо, чтобы никто кромѣ служилыхъ людей и не владѣлъ землей, чтобы.....